

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№16(22)
1991г. 1руб.

861-3-17

«Ex Libris»

Издательство
Советско-Британского
совместного предприятия
СЛОВО/SLOVO

121433, Москва,
ул. Большая Филевская,
дом 37, корп. 1

Тел. 144-68-18, 144-05-62
Факс. 144-05-58
Телекс 114299 СЕЗАП

Олег ПОПЦОВ

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ РОССИЯ

ОЛЕГ ПОПЦОВ (1934 г.р.) Писатель. Один из тех, кого причисляют к команде Ельцина. С 1990 года создает и возглавляет Российскую телерадиокомпанию.

Я не буду сейчас говорить о проблемах Российского телевидения и радио. В последнее время об этом сказано уже достаточно много. И поэтому не хочется повторяться.

Но это совсем не значит, что проблема решена и участие общественно-го мнения для нас будет лишним. Нет.

Желание иметь Россию молчащей у сил противоборствующих безмерно. Россия оказалась в эпицентре борьбы за демократию как реальность бытия. С ошибками, пережестами, неопытностью, но силой, способной противостоять неопартийной олигархии, марширующей под лозунгом «Уйти, чтобы вернуться».

В этом смысле Российское телевидение — мост из прошлого в будущее. Кстати, другой переправы у России попросту нет и быть не может.

Правительству, парламенту нужен настоящий диалог с согражданами. Власть законно избранная как никакая иная власть нуждается в своих избирателях ежечасно. Здесь ответ на вопрос: почему накаляются страсти вокруг Российского телевидения.

Трудные переговоры с центром продолжают. Постепенно переходим от конфронтации к конструктивному диалогу. Объективный ход событий показывает, что Россия все-таки будет иметь свой полноценный теле- и радиозфир.

И вопрос не в том, что нам не хватает напористости, а Кравченко — здравости и сговорчивости. Спор о телевидении — это спор за право выбора. Если угодно, рынок. Возможно, впервые защищаются права потребителя, а не производителя. Если зрители начали сбор средств на создание Российского телевидения, это нечто большее, чем амбиции российских лидеров.

Фото В.Киселева

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЬЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМЕРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария
Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника "Столица" на системе «Скитэкс-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland

Номер подписан в печать 25.04.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 729

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Говорит и показывает Россия
(О. Попцов)

СИЛУЭТ

- 5 Человек в футляре
(К.Рыбак)

МЫ

- 8 Зависеть от народа...
(Г.Гачев)
12 Три хохмы
(А.Минкин)
15 Латыши возвращаются в Латвию
(В.Старчевский)

ПОДОПЛЕКА

- 18 Нас снова приглашают в будущее. И за ту же цену
(В.Цыбульский)

ПОЗИЦИЯ

- 28 «Я не боролся с системой, я просто ее не замечал...»
(А.Градский)

КГБ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И...

- 32 Карта ГУЛАГА
34 Список объектов ГУЛАГА
37 «Но дайте место гневу Божию»
(З.Крахмальникова)
40 Юрий Галансков: «Я найду себе свое прекрасное...»
(Г.Кагановский)
44 Как фантаста записали в английские шпионы
(В.Королев)
47 Если Вас наградили «хвостом» КГБ...
(В.Ирбис)

АРХИВ

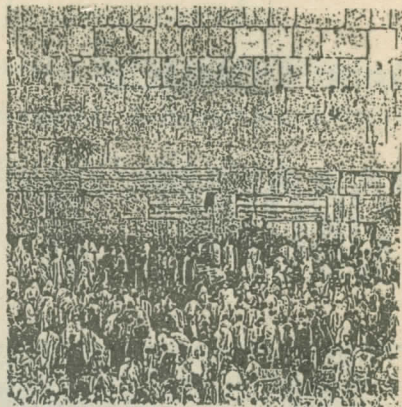
- 50 Как большевики расстреляли Кремль
(Н.Малинин)

ПРОЗА

- 57 Призрак в белом халате
(Ю.Алешковский)

АРТ-САЛОН

- 64 «Я взглянул окрест...»
(Н.Ларский)

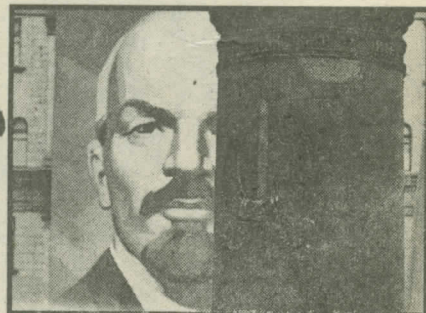

Иерусалим. Стена плача.

12 — Как сэкономить электричество в СССР?
— Все должны уехать, а последний выключит свет.

28 — А что есть профессия музыканта?
— Музыкант — это математический фантазер.

31 Что такое Ка-Гэ-Бэ? Для одних — лагеря ГУЛАГА, для других — вечный страх, для третьих — анекдот на кухне...

На первой странице обложки рисунок В.Пасечника

Сейчас столкновение между дряхлеющими авторитарными и нарождающимися демократическими силами обозначилось на трех основных направлениях. А проще говоря бой идет за три высоты: рабочий класс, армию и массовые средства информации. Собственно, это даже не борьба между демократией и диктатурой, это скорее борьба между властью избранной и властью присвоенной.

Теряется контроль над рабочим движением, а значит, рушатся основы привычной власти, что заставляет ее активизировать свою деятельность на двух других направлениях: прибегать к силе и манипулированию сознанием. Но армия не способна привести в действие останавливающийся экономический механизм. Нельзя вернуть шахтеров в шахты силой оружия. Люди начнут нормально работать только тогда, когда почувствуют себя свободными.

Всякая монополия на средства информации — это тиражирование информационного голода. И неважно кто предмет подавления — телевидение, газета, радио, журнал. Гибель цивилизации начинается с гибели оппозиции.

Поэтому чем сильнее будет консервативное партийное влияние на телевидение, тем хуже будет работать наша экономика. Имеется немало фактов, когда открытое вранье по Центральному телевидению вызвало новые вспышки забастовочного движения. Люди отказываются работать, когда чувствуют насилие, как физическое, так и информационное. И это нормальная реакция свободного человека. Так что лишать и дальше Россию голоса не только не умно, но и преступно. Развал экономики может стать необратимым.

Партия переживает не лучшие свои времена. Лишенная конкуренции и оппозиции, она не заметила, как начался процесс вырождения.

Сегодня происходит катастрофический отток интеллекта из партийных организаций, что лишает КПСС позитивного созидательного начала и хотя бы приемлемой авторитетности, которую можно вернуть лишь творчеством. «Ум эпохи» усыхает на глазах и оказывается неспособным генерировать новые идеи, новые программы, вести конструктивный диалог. При сохранении подобных тенденций партия вообще может превратиться в деструктивную общественную силу, сориентированную лишь на злобствующее критиканство.

Положение осложняется и тем, что за последнее время КПСС как бы пережила два шоковых состояния. Во-первых, она увидела, что не является единым целым с народом. Оказывается, партия и народ — очень слабо связанные понятия. Партия желает одного, а народ — совершенно другого. Но если цели разные, то ради чего живет и сражается партия?! Этот раскол привел к утере внутреннего смысла партийной работы. Но разрыв идеологической цепи пошел дальше. Стало очевидно, что руководство КПСС не отражает интересов всей партии. И члены КПСС больше не согласны, чтобы партработники олицетворяли партию.

Почему и обострилась борьба за телевидение. Оказавшись в изоляции, партийное руководство попыталось с помощью самого мощного средства массовой информации вернуть общественное признание, что, конечно же, в принципе невозможно. Нельзя вернуть миф. Нельзя ступить дважды в одну и ту же реку.

Однако борьба за власть идет не только между теми, кто хочет вернуть старое и кто мечтает создать новое. Борьба осложняется тактически разными подходами к изменениям. Одни пытаются изменить жизнь с помощью яковы плавной эволюции, другие — с помощью радикальных мер. Отсюда — два совершенно разных подхода к информационной политике. Центральное телевидение, выполняющее волю Президента, пытается успокоить людей, оградить по возможности от стрессовых ситуаций. Лозунг, кстати, достаточно популистский — хватит политики, надоело, политику политикам, а народу работу, — в сложившейся ситуации равнозначен возврату к старому, к временам рабского труда.

Мы же считаем, что телевидение — это не наркотик и не транквилизатор. Люди сами успокоятся, когда жизнь начнет улучшаться. Сейчас им важно помочь решить главный вопрос: обрести личную свободу, осознать себя. Стать хозяином и труда и его результатов. Ибо нужна не сильная рука, а сильная демократия.

Но сложность в том, что наше общество не привыкло к реформам. Если обратиться к истории реформ в России, то мы увидим, что реформаторство у нас всегда зарождалось сверху. Впрочем, так и должно быть. Все реформы начинаются там, где сосредоточен интеллект общества. Но продуктивность реформ заключается не в самой идее преобразова-

ния, а в том, насколько к этой реформе подготовлены все этажи общества, насколько их естественное состояние вписывается в перемены. Наша трагедия, что мы не умели воплотить прекрасные идеи на практике. Мы — страна замечательного будущего, тяжелого прошлого и отсутствующего настоящего.

Естественно, средства массовой информации — это те дрожжи, на которых возрастают реформы в обществе. Закон о печати оказался пока единственным законом перестройки, который работает. Он двигает реформаторство в глубь общества. Он работает в иной информационной модели. Не запретить или разрешить, а открыть. Поэтому он освобождает поисковую энергию человека и является естественным саморазвивающимся законом. Никуда не надо его направлять, никак не надо им руководить и поддерживать. Он развивается сам по себе, потому что имеет носителей. Этим он принципиально отличается от многих других наших законов, которые требуют немалых общественных усилий для своей реализации. Поэтому закон о печати и подвергается таким острым нападкам со стороны сил, присвоивших себе право направлять.

И беда нашей системы в том, что она никогда не умела использовать естественную энергию масс. Она всегда программировала эту энергию, приспособляя для этой цели законодательство. Поэтому и язык был такой: «обязать», «направить», «сконцентрировать», «усилить».

Что значит естественная энергия? Быть хозяином — гениальная потребность человека. Чувство хозяина немислимо без чувства собственника. А чувство собственника — это и рачительность, и приумножение. А приумножение суть предпринимательства. Проповедуя первое, нельзя отрицать последнее. Ибо это одно и то же. И здоровое общество это разумно использует.

Можно взять не личностный, а национальный уровень проявления энергии. У японцев золотые руки. И они стали вкладывать средства в это свое национальное предназначение, и родилось Чудо Востока. Швейцарцы всегда считались прижимистой нацией. И вот вам результат. Крохотная страна стала великой банковской «империей». Что значит почувствовать, понять, в какое национальное преимущество надо вложить деньги.

Что может быть нашим национальным приоритетом? Мы имеем самый

большой в мире земельный и лесной наделы. Поэтому мы должны, прежде всего, вкладывать деньги в землю и в лес. И решать не продовольственную программу, а программу вытеснения с мирового зернового рынка США и Канады. Вот цель, достойная России. И никакого тут прожекторства нет. Это реальный и здравый подход. Наоборот, нереально голодать при таких земельных богатствах. И совершенно очевидно, чтобы прервать наконец такую неестественность, необходимо радикально изменить систему хозяйствования на земле. И тут нелепо полагаться на эволюцию взглядов наших колхозников, к чему, собственно, стремятся наши Агроапостолы и чью песню поет Центральное телевидение. Я бы назвал это гимном Черной дыре. Необходимо как можно быстрее вернуть россиянину его естественное отношение к земле как к собственности. Россия — страна пространств. А пространство — это философия. И страна с безмерными просторами безмерна во взлете и нескончаема в падении. Мы часто спрашиваем, когда же дойдем до предела? Предела в падении, как и во взлете, не будет. Кстати, непредсказуемость русской души — это тоже пространственное понятие.

Поэтому, как только Россия начнет свободно говорить и показывать, земельная реформа станет одной из наших главных тем.

Реформаторство в России должно начаться с земли.

Имея колоссальные запасы леса, мы можем стать мировыми «королями» бумаги и мебели. К сожалению, в обществе нет пока даже представлений, как нам лучше распорядиться лесным богатством.

И третье направление, куда нам необходимо вкладывать деньги, это талант. Наш народ безумно талантлив. И мы могли бы прекрасно жить, продавая идеи, создавая технологии идей. Но для этого нужно изменить отношение общества к таланту, возродить на Руси понятие интеллектуальной собственности.

На мой взгляд, это и есть свой Российский путь.

Я говорю о наших первоочередных общественных задачах, естественно, соизмеряя их с работой нарождающегося Российского телевидения. Ведь без участия средств массовой информации все, даже самые прекрасные, реформы так и останутся благим пожеланием. Потому что они не найдут поддержки и понимания на

различных уровнях общественной структуры.

Министерство информации России уже войдет в историю нашей демократии. И дело не в том, что за короткий срок им создано более двухсот новых газет, журналов, издательств. Вопрос в качестве. Появились издания иного информационного и нравственного модуля, иной социальной ориентации. Эти издания перерастают узкую политическую направленность. Например, некоммунистическую. Они становятся изданиями свободного мироощущения.

И было бы примитивным сводить задачу средств массовой информации только к распространению реформаторских идей в обществе. Ставить задачу перед телевидением и прессой — это вообще лексика тоталитарного государства. У средств массовой информации свободного общества нет задач в нашем традиционном понимании, а есть цель. Они работают без принудительных модулей: «это нужно», «это можно», «это нельзя». Нужность заменяется естественным человеческим интересом, а возможность их ограничения — законом.

Пресса и телевидение в цивилизованном обществе — более сложный и тонкий инструмент, чем обычное средство для информирования и распространения идей. Это чрезвычайно важная связь между властью и народом. Если этот нерв окажется слегка защемленным, власть и народ перестанут понимать друг друга. Трагедия любой власти в ее постоянстве. Ибо она длительна. Вы обратили внимание, почему сейчас Президент настаивает на структурных изменениях. Да потому, что структурные реформы сохраняют власть. Это всегда дурной симптом — думать, что от перестановки стульев в кабинетах власти изменится сознание сидящих на этих стульях. Истинные реформаторы меняют не мебель, а власть. Это и есть крах любой общественной перестройки. Но почему центр начинает склоняться в сторону структурного реформаторства? Да потому, что у него нет нормальной связи со всеми этажами общества. Он не располагает информацией, какие идеи, как и где принимаются. Такой центр не способен к творческому реформаторству. У реформ появляется другая единица веса. Весомы те, что сохраняют власть.

Сейчас наши политические оппоненты обвиняют российские средства массовой информации в нетерпи-

мости и агрессивности. Я же, наоборот, считаю, что наша печать, радио и телевидение занимают сугубо оборонительную позицию. Посмотрите, какую оголтелую травлю лидера российского правительства ведут средства массовой информации партийной ориентации. И мы вынуждены защищаться.

Так вот, существуя в таких неблагоприятных обстоятельствах, выиграв бой за «высоту», нелепо полагать, что вы начнете убирать высоту цветами. Не до того. Выкатывается «орудие» и прямой наводкой по оппоненту. Так и живем под грохот канонады. Трагедия для любого общества, когда политическое берет верх над человеческим. Да пронеси Господь эту горькую чашу мимо нас.

Естественно, любой шаг, препятствующий созданию Российского телевидения, будет провоцировать оппозиционность, противостояние, бореи. Не понимать всего этого — политическое безрассудство Президента. Препятствовать созданию Российского телевидения — значит препятствовать возрождению России. Я уверен, что, вопреки воспрепятствованиям, вопреки недоброжелательности верховной власти по отношению к России, Россия будет говорить, будет показывать!

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

Помните: 1989 год, лето... Перестройка, гласность, новое мышление. Запад от нас без ума. Лужники, Сахаров, «Огонек» — на расхват. Егор Кузьмич еще в президиуме... И опять: перестройка, гласность, новое мышление.

Первый съезд народных депутатов был везде. Его смотрели, слушали, читали, замирали в восторге: «Во дадут!» Микрофоны во Дворце съездов с непривычки накалялись, потому что действительно «во-давали». И Афанасьев «во-давал», и Старовойтова, и Попов — новые политики, новые имена.

Среди тех, чье появление на трибу-

не неизменно вызывало трепет «агрессивно-послушного большинства», оказался малоизвестный до того момента доктор физико-математических наук Крайко. Его прорывы к микрофону в бесстрастной стенограмме съезда выглядели примерно так:

«Крайко А.Н.: Товарищи, вы все понимаете, насколько сложная ситуация в Азербайджане. **(Шум в зале. Аплодисменты.)** Ведь я не уйду. **(Шум в зале. Аплодисменты.)** Если бы я собирался предложить то, что уже предлагалось, то я не стал бы выступать... **(Аплодисменты.)**

Нишанов Р.Н. (председательств-

вующий); Товарищи, минуточку терпения, пускай депутат внесет предложение и сядет.

С места: Не слышно. **(Шум в зале.)**

Нишанов Р.Н.: Так, садитесь, пожалуйста. Зачем, раз не хотят...

Крайко А.Н.: Мне предоставили слово... **(Шум.)**

Это Крайко был первым, кто повел на штурм Кремля армию своих сторонников. «За мной сто двадцать тысяч избирателей!» — крикнул он залу, когда его в очередной раз стали захопывать и сгонять с трибуны...

Не согласных со «сталинско-брежневским» ареопагом звали тогда не «демократами» и не «деструктивными элементами», а чохом — «москвичами». Александр Николаевич Крайко был «москвичом» (к концу съезда — межрегионалом), был не согласным и, что немаловажно, — был беспартийным с многолетним стажем.

А теперь перенесемся в год 1991... Разруха, забастовки, «Долой!». Запад обеспокоен откатом страны назад, Манежная площадь, Ельцин, «Огонек» стоит рубль, в президиуме — Иван Кузьмич. И опять: разруха, забастовки, «Долой!».

Крайко — в Верховном Совете. Он по-прежнему «во-дает»: предлагает парламенту рассмотреть вопрос о возможном лишении депутатской неприкосновенности тех депутатов, что «провоцируют» шахтерские забастовки...

На встрече со своими избирателями, с теми, кого сто двадцать тысяч и кто незримо стоял за его спиной два года назад, Александр Николаевич почти кричит: «Вам меня запугать не удастся! Вы меня можете убить, но замолчать вы меня не заставите!» Вслед за этим — такой знакомый «шум в зале» с «аглодисментами». Дамы предпенсионного возраста размахивают авоськами и кричат такое, что язык не повернется повторить. Какой-то политизированный до чрезвычайности старичок подходит к микрофону и говорит: «Два года назад я голосовал за беспартийного, против коммуниста. Я ошибся. Крайко нас предал...»

Так что же все-таки случилось — Крайко предал старичка или старичок ошибся в своем выборе?

Александр Николаевич Крайко родился в 1934 году в Москве. Мать — машинистка, отец — инженер, погиб

на фронте. После школы Саша поступил в Московский физико-технический институт. Там его и застал XX съезд КПСС. «Оттепель» многое перевернула в молодом человеке. Крайко решил тогда не вступать никогда в партию — из принципа. Прекрасно при этом понимал, что без партбилета шансов на научную карьеру почти нет. Тем не менее добился многого. С 1958 года работает на военно-промышленный комплекс — в Центральном институте авиационного моторостроения. В тридцать четыре года защитил кандидатскую диссертацию, в тридцать восемь — докторскую. В 1978 году получил профессорское звание. В 1979 — купил кооперативную квартиру. Лауреат Государственной премии и премии имени Н.Е. Жуковского, создатель своей научной школы. Женат второй раз. Растут три дочери.

Как и у многих других «шестидесятников», его «лучшие годы» пришлись на благословенный застой. Жил как все. Перед начальством спину не гнул, но голосовал как положено. Рассказывал, наверное, в узком кругу анекдоты, но работал на систему, на «военно-стратегический паритет». С плакатами на Красную площадь не выходил, в психушки не попадал. При этом в институте считался лидером, авторитетом. Был равнодушен к политической карьере, да и сейчас, говорит, равнодушен, но... Какой же «технар»-«шестидесятник» не вынашивал втайне своих особенных политических программ, своих красивых утопий, матеря потихоньку марксистическую власть...

Первые относительно свободные выборы дали Александру Николаевичу шанс подержаться за штурвал, который до того момента не выпускал из мускулистых рук плакатный пролетарий с одухотворенным лицом.

Его противниками на выборах были исключительно коммунисты. Сквозь сито окружного собрания Бауманского избирательного округа прошел Крайко и член Сокольнического райкома КПСС Евгений Адамов — генеральный конструктор, директор Института энерготехники. Симпатии трех райкомов партии, естественно, были с Адамовым: многоцветные плакаты, листовки на хорошей бумаге, специальные стенды с агитацией исключительно за «своего» кандидата. У Крайко была поддержка института да немногих активистов-одиночек. И еще — беспартийность.

Коммунисты подсаживали в залы, где он выступал, одинаковых мальчиков-боровичков, организовывали провокационные вопросы и антирекламу. Крайко неизбежно должен был проиграть: его противник выглядел намного импозантнее, раскованнее, больше был похож на «звезду». Он уже понаторел в политических играх городского масштаба, программа его была тоньше, оригинальнее... Но выиграл Крайко. Голосовали не за него, а за беспартийную «темную лошадку», не против Адамова — против партбилета.

Свою программу Крайко писал сам. И не позволил доброхотам выбросить тот самый абзац, который не увидели или не захотели увидеть люди, опыненные сознанием того, что можно теперь не просто голосовать, а ВЫБИРАТЬ: **«Для преодоления сил разобщения, дестабилизирующих и тоталитарных тенденций в настоящее время нет других сил, кроме партии...»** Это не был реверанс в сторону Старой площади. Это позиция. Беда или, наоборот, заслуга Александра Николаевича в том, что он своих убеждений не меняет.

Многие ультра-р-радикальные витии, демонстративно покинувшие КПСС тогда, когда это стало безопасно, дорого бы отдали, чтоб вымарать подобные абзацы из своих программ двухлетней давности. А Крайко — наоборот — при каждом удобном случае повторяет: «Я так думал и сейчас так думаю...» Его убеждения — его защита, футляр, если хотите, в котором только и можно сохранить свое лицо.

Александр Николаевич всегда старался защищать тех, кого обижают. Поддерживал и Ельцина, подписывал телеграммы в его защиту, отстаивал Бориса Николаевича на Первом съезде... Из-за этого автоматически был зачислен в «радикалы». А что Горбачева хвалил... Так что ж его тогда не хвалил...

У «межрегионалов» нашему герою не понравилось, да и сам он лидерам группы «не показался». Вскоре Крайко покинул группу — как раз тогда, когда Сахаров призвал к всеобщей политической забастовке... Почему? И межрегионалов, и «Демократическую Россию» с ее призывом создавать ячейки на предприятиях Крайко называет структурами большевистского типа («большевизм» — это, ка-

жется, самое страшное его ругательство), с той же жесткой централизованной схемой, с тем же принципом «демократического централизма», с тем же неуважением к личности.

В общем, ушел в свободное плавание по волнам политики. Почти год оставался в тени. На Втором съезде выступал немного, бурной реакции не вызывал. Многие думали — скончался как политик. И вдруг...

Осенью прошлого года Крайко прогремел яростным консервативом. Критикует программу «500 дней», громит демократов и Ельцина, которые усиленно «разваливают страну». Его избирают при ротации в Верховный Совет, он — один из сопредседателей группы «За конструктивное взаимодействие», призванной нейтрализовать возможные происки оппозиции (впрочем, оппозиция, похоже, плюнула на союзный парламент). Его слушают, его побаиваются. Он — на коне с шашкой наголо, на трибуне, в кулуарах — по-прежнему резок, импульсивен. В скупом отчете о Четвертом съезде народных депутатов «Известия» посвятили его выступлению целых два абзаца, его фото в компании Собчака — на первой полосе правительственной газеты.

Александр Николаевич оказался в центре внимания. «Московская правда», «Рабочая трибуна», «Гласность», «Неделя» наперебой печатают его статьи и интервью, программа «Время» все чаще преподносит его на блюде с голубой каемочкой как гарнир к железобетонным указам президента.

Избиратели попросили заступиться за «Взгляд» — отказался. Если бы согласился — опять носили бы на руках. Но Крайко считает: «Взгляд» нам не нужен, нужны разные точки зрения в одной передаче. Точно того же мнения и новый босс теле-радиокомпании Леонид Кравченко. С Кравченко вроде все ясно — он член ЦК. А Крайко? А Крайко «так, погулять вышел» — по выражению Глеба Жеглова. Вот и гуляет в своем футляре — непробиваемый.

Ельцин стал другим, и мы стали другими, и телевидение тоже. Общество качнулось влево, власть — вправо. Крайко остался таким, каким был два года назад — со своими убеждениями, со своими заблуждениями, но — со своими. Носить что-то с чужого плеча — брезгует.

Условием сотрудничества с КПСС два года назад он ставил изменения внутри партии. Партия действительно изменилась. Ее новое лицо нам

знакомо. Но оно устраивает «технаря»-«шестидесятника». Да и сам он теперь нужен властям предреждающим, его используют в большой игре. Александр Николаевич это понимает, но ничуть не обескуражен. Из рук этой власти он ничего не получил за послушность, и вряд ли что-нибудь получит в дальнейшем.

Многие прежние сторонники Крайко просто ахнули, когда он восстал из пегла. Первое, что приходит в голову, — купили! Купили нашего независимого, нашего беспартийного избранника! Ездит на персональной машине, отхватил роскошную квартиру в «шишечном» доме, профессорскую должность получил из рук Горбачева, метит в председатели комитета по науке, назначен председателем Общества советско-никарагуанской дружбы! Не ездит, не отхватил, не получил, не метит, не назначен. Все это не более чем слетни. Человек из очереди за вермишелью исчерпал всю свою фантазию в поисках причины и кричит: предатель!

Говорят, какой-то из сослуживцев нанес Александру Николаевичу оскорбление действием — по политическим мотивам. Ни шатко ни валко идет сбор подписей против Крайко в его институте: из нескольких тысяч человек пока подписались шестьсот с чем-то. Очевидно, после каждого «крутого» выступления Крайко эта цифра будет потихоньку увеличиваться. Клубы избирателей планируют начать кампанию по отзыву своего недавнего избранника, как только будет принят соответствующий закон. Что же Александр Николаевич? «Процедуру отзыва депутата придумал Ленин в семнадцатом году, когда большевики не набрали и четверти голосов в Учредительном собрании, — говорит он. — Эта мера — антидемократическая, ни в одной цивилизованной стране она не применяется...»

Вообще перспектива отзыва его мало, похоже, волнует. Даже если отзовут, что тогда? С голоду помрет? Уйдет в монастырь? В отличие от многих других депутатов, которым кроме депутатского значка и мандата терять нечего, Крайко крепко стоит на ногах — все-таки ученый. Если перед ним завтра будут стоять не сто двадцать тысяч, а вдесятеро больше, он все равно не будет приноравливаться ни к кому.

Получает много писем. Есть и ругательные, и добрые. Ездит в городском транспорте, стоит в очередях. Не боится, не стыдится. Считает — нечего ему стыдиться, не от кого прятаться.

Твердые принципы сегодня в дефиците. Это — защита, футляр, реже — башня из слоновой кости, в которой единицы спасаются от толпы — чтоб не быть раздавленными.

Убежденные люди, вне зависимости от того, какому богу они молятся, заслуживают уважения. Получают в основном другое: насмешки, унижения, ненависть. Толпа вероломна. Она титится быть святее папы, не помнит своего «вчера». Ведь так хочется быть борцом, сильным и принципиальным, так неприятно вспоминать, что пять лет назад у тебя был совсем другой кумир, а десять лет назад ты писал такое, что стыдно даже прочесть.

Люди в футлярах презирают толпу, забывая при этом, что толпа со всей ее ненавистью и грязью — это и есть народ. Об него вытирали ноги, над ним издевались, ставили эксперименты, препарировали, убивали. То, что мы превратились в толпу, — беда, но презрение — плохое лекарство.

Отгородившись от всего мира футляром своих убеждений, человек зачастую отгораживается и от разума; принципиальный, становится беспринципным орудием. Такого человека не нужно даже покупать, его можно использовать «за так», правда, недолго.

Александр Николаевич Крайко, по-моему, яркий тому пример. Власти предреждающие, чьи интересы сегодня совпадают с принципами этого депутата, «раскручивают» его на всю катушку. Александр Николаевич ушел от межрегионалов, чтоб не быть пешкой в чужой шахматной партии. Пешкой он все-таки стал, только в руках другого игрока. Нашему герою все равно. Но игроку — не все равно. Игроку нужна не личность, а принципы, футляр, не ядро, а скорлупа.

Футляр помогал Александру Николаевичу сохранить лицо, пока он двигался в одиночку. Его начинают тиражировать — и лицо тускнеет, стирается, человек исчезает, остается один лишь футляр, оболочка. Завтра власть еще раз качнется — все равно в какую сторону, и Крайко отбросят, забудут. Верхушке КПСС не впервой отрезать от людей, чьими тверды-

ми убеждениями она жонглировала с немалой для себя выгодой.

Нину Андрееву носили на руках всего три недели — и предали анафеме сразу после цековской «отповеди» в «Правде». Егором Лигачевым прикрывались как щитом несколько лет — и хладнокровно переступили через него, когда потребность в этом соратнике отпала. Политики со Старой площади живут по законам волчьей стаи. Проголодаются — сожрут и вожака.

Сам по себе Крайко, конечно, не предатель. Ни разу, ни единым словом он не опроверг той программы, которую не читали толком и никогда не прочтут его избиратели. Зато для тех, кто манипулирует им, предательство — нормальное отправление организма. И это следует помнить всем, кто «не привык поступаться принципами».

Когда ребенок вырастает из своих рубашек, глупо сердиться на ребенка. Еще глупее укорять тех, кто шил «неправильную» рубашку. Если мы верим в то, что общество действительно растет, а не деградирует, что толпа все-таки становится народом, глупо сердиться на избранника за то, что он не хочет быть «как все», его-то «кроили» именно «под толпу». Трикотажная маечка, конечно, малышу долго еще будет впоны, но у любой ткани есть предел прочности...

У меня нет оснований сомневаться в искренности Александра Николаевича, который утверждает, что большинство избирателей по-прежнему поддерживают его. У меня нет оснований не верить координатору клуба избирателей Владимиру Олеговичу Лашкареву, который берется в короткий срок собрать искомые сто тысяч подписей, чтоб сместить Крайко. Поживем — увидим. Если его отзовут, возможно, будет лучше обоим сторонам: демократы и демократки «низового звена» смогут спать спокойно с сознанием выполненного долга, а бывший депутат избавится от нервотрепки, ругани и плетков в свой адрес. Впрочем, что ему до них. Он ведь — пленник своих убеждений, пленник своего футляра.

А старичок все-таки ошибся. Ошибается всякий, кто считает себя гарантированным от ошибок. Это не ламбур. Это — закон природы.

Кирилл РЫБАК

Георгий ГАЧЕВ

ЗАВИСЕТЬ ОТ НАРОДА...

(Парадокс о национальном)

...Позвонили из нового журнала «Столица» и предлагают о национальном поразмыслить. Настроюсь — и начну...

... Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?

Пушкин. «Из Пиндемонти».

НАЦИОНАЛЬНОЕ мне надоело — как «четырёхстопный ямб» Пушкину: «...Мальчикам в забаву пора б его оставить».

25 лет мыслил-писал о национальном, 16 томов национальных образов мира (рукописи) лежат у меня в шкафах. Тут и Италия, и Франция, Германия, Англия, Греция, Америка, Индия — еще... Писание об этом — был мой способ путешествовать. За границу не пускали, а видеть свет страсть как хотелось. Вот и путешествовала я — чтением, мышлением и воображением. Уж и собаку съел на этом. Да, кажется, и объелся. Но ирония истории нашего общества и издевка судьбы моей — в том, что теперь на эту тему спрос, а мне уж она не интересна...

Страстно и заинтересованно писалось об этом мне в славные годы «застоя» — но тогда ничего нельзя было издать — по идеологическим соображениям: у нас же «интернационализм» и «дружба народов», и не подкармливаю ли я своими сочинениями национализм?.. Когда же началась «перестройка», и ослабли идеологические крепости, и стонулась моя первая книга «Национальные образы мира» в издательстве «Советский писатель», тогда вступил в действие экономический механизм, и книготорговские девочки решили: ах, это «национальное и интернациональное» никто не покупает, потому что отошнели разглагольствования всяких ломидзе в открытую дверь общих мест... и еле заказали по Союзу 9,5 тыс. экз. Так что книга вышла в 1988 году — как совершенно секретная. А тут вдруг взрыв национальных страстей — и обстреливают меня: где достать книгу? Но у нас доречать тираж не принято: набор рассыпан...

Ладно, другие «национальные космоса» ждут; написаны, не опубликованы: Эстония, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Литва, Киргизия, Армения — как раз самые горячие точки! Вот бы срочно издать в пособие к дискуссиям: ведь там характеристика национальной шкалы ценностей, особенности логики и психики...

Но тут уж другая препона: обидятся! Ничего нельзя у нас сегодня конкретного высказать о национальных особенностях — щепетильны так все и чувствительны: «Что? мы — такие? НЭТ, мы — не такие! мы себя тысячу лет понять хотим — не можем, а ты — ишь какой прыткий — пришел, увидел понял!..» Посылаю в Грузию свой «Свет сквозь слезы (Интеллектуальное путешествие в Грузинский Космос)» — написанный еще в 1980 году текст, 200 страниц, — просвещенный главный редактор издательства «Мерани» отзывается: очень интересно, многое верно угадал, да ведь так все напряжены и настрожены — вот как обиделись

на «Ловлю пескарей в Грузии» Астафьева... превратно понять могут... Так что — нет, сейчас — нельзя.

И выходит: никогда нельзя — не может у нас спокойное культурологическое исследование национальных ментальностей, вариантов миропонимания, увидеть свет: в ту или иную яму-ловушку да попадет.

Вот и сейчас: вроде так актуальна проблема национального — но каков ее поворот? Политический, практический; торопятся решать — действовать без понятия: о чем, собственно, хлопотать-добиваться? Ведь каждый народ отличен от другого, и нужно-то всем — разное. Но нет — опять о внешних условиях и предпосылках хлопочут-радеют: суверенитет, границы, свой президент и своя академия наук — чтоб все «как у людей». Торопятся решать уравнение, не поняв условий задачи. И уходит энергия человека на кукареканье и кудахтанье во дворцах съездов и советов (друг другу советы давая — как удобно и самолюбно! Но, врачу, исцелился сам!..) — нет чтоб засесть дома и в деле своем: пахать жену и поле, возделывать семью и сад — самоначально и безусловно ценное сотворить. Читать книгу, развивать культуру... — ту, что в данном Космосе органична.

ВНИКНЕМ в национальный переплет — хотя бы на одном примере.

Вот фрагмент из моего «Интеллектуального путешествия в Армянский Космос» (писание 1973 г.):

«И вот, думаю, что для национальных окраин действительно удобно быть под Россией. Недаром Хачатур Абовян так ликовал и благословлял присоединение (рассказ «Ереванская крепость»). В самом деле: русские не режут армян, как турки-соседи, от турок же охраняют, рынок своей бедности предоставляют нацменам для заработка (перепад уровня жизни — раз в 5-10). Немножко угнетали насчет национального чувства и религии, но разве сравнится это с турецко-исламской резней (1,5 млн. армян вырезали в 1915 г.) и гонениями на веру «гяуров»?

Центральная власть (Москва) далеко, не чувствуется так нажим; зато оттуда, издала, от ближних врагов-соседей, с кем у армян кроваво-страстные отношения, — упасают свою паству... Конечно, прижали местных архибогатеев, князей, ханов — своим властителям не дают бесконечно выделиться, зато множество простых поднялись к мещанскому благополучию и зажиточности. Так что для материальной жизни народа, в общем, много лучше быть под Россией...

Похоже, что лучше... Однако, все ж, для бодрости национального духа — погибель, ибо вялость, анемия и хирение — в этом паразитизме жизни за чужой счет сильной России и мужества и доблестей ее народа. Ибо даже то, что армяне сражались в Отечественной войне сильнее даже грузин, — это утешка доблести: победа пишется на скрижалях России, а не Армении.

И армяне еще меньше других нацменов под Россией страдают, ибо древен и крепок заквас, монолитен народ и его состав, орешек трудный для ассимиляции. А те, что послабее, вроде якутов, иль ближе к огню русского центра (вроде белорусов), живет перекажут.

Но опять же — не знаю... Коли турецкий ятаган припомнишь, что только 50 лет назад расходился, то русская власть такой легкой и безобидной предстанет, что дальше — некуда. И от своих беев, господ-властителей оберегает народ...

Итак, под Россией у народов порченые верха, а простой народ лучше в нравственном отношении, ибо далеко пирог и кормушка, чтоб ревновать о дележе и воле.

Но, значит, нечем гордиться становится народу? Ведь при независимости полной возникает сложная структура, иерархия, многосложно расцветает древо — и выделяет наверху красоту, представительственный цвет нации: цари, полководцы, герои, поэты, живописцы, ученые и т.п. А тут как раз верх коррумпирован, и лишается нация своего представительства в истории, теряет красоту...

«Нечем гордиться» — так сказало. Но ведь гордость — сатанинское чувство. Народ, человек, лишенный национальной гордости, — более Божий становится. Вон как у евреев сейчас сатанинство полыхает — в связи с пробуждением патриотизма! Так что, став серенькими, бесцветными, народы и человеки к смирению идут, в мире живут душевном.

Значит, и путь в Божье царство лежит через нивелировку народов — как и цивилизация, и курс всеобщей истории. Совпадают тут линии: нивелирующие там и сям тенденции...

Как разнимся мы с женой: Светлана и я — живые человеки! И ангелы наши хранители, что представляют нас на Божьем уровне, — разве так разнятся? — Наверное, и не отличить их...

Важное тут я уразумел! Нокаут со стороны Бога и Христа — пафосу моих национальных штудий и картин мира. Бог — между-народен. Их дистиллят. Альфа и Омега. Как Адам и Христос — человек первый и окончательный — не национальны...

Конец цитаты.

ВОТ ведь сколько тут, в национальном, поворотов и непонятностей: что — лучше?

Сейчас, конечно, иная ситуация: Со-Уз естественно распадается, и союзники торопятся на самоволку. Когда эшелон сошел с рельсов и попал в трясину (как наша империя), выволакивать способнее по вагону, а не весь эшелон сразу пытаться вытягивать — из болота тащить бегемота таково.

Для экономики — да, для развития производящих сил страстность национальную надо, гоже использовать — и не удерживать обручем-узилищем Со-Уза.

Но тут новая меланхолия возникает, и даже ностальгия некая по ушедшим временам — у людей Духа и Культуры. Напряженность национального чувства и раздражительность — на том же уровне ценностей, что в отдельном человеке — его натура (склад от природы животный, характер, психика-нервы, душевность, самолюбие). Есть более высокий уровень ценностей в человеке, где — Личность (а она растет из понимания своей малости и смертности и низости), где — «возлюбление другого»...

Национальное — это уровень земли, и на нем человек — «гумус». Землей, ее складом (горы, лес, степь, море), страны-«космоса» и народы-«природы» различны. А Небом — соединены. Оно — образ Единого и высокого, Бога в человеке...

А с Единым общима лишь единица человека — наедине и внутри, в самоуглублении, а не масса на площади, а и даже не во храме община. Масса усиливает массивность в человеке, его материальность и тяжесть и тягость,

власть низа, животной природы. И национальное воодушевление так же подозрительно к личности и внутренне-миру человека, как и интернационально-классовое, идеологическое (и тоже До-логическое) — наше прежнее «морально-политическое единство»...

ИТАК, чего же хорошего в национальном — и именно для Духа? Ибо материально-телесное его благое воз-

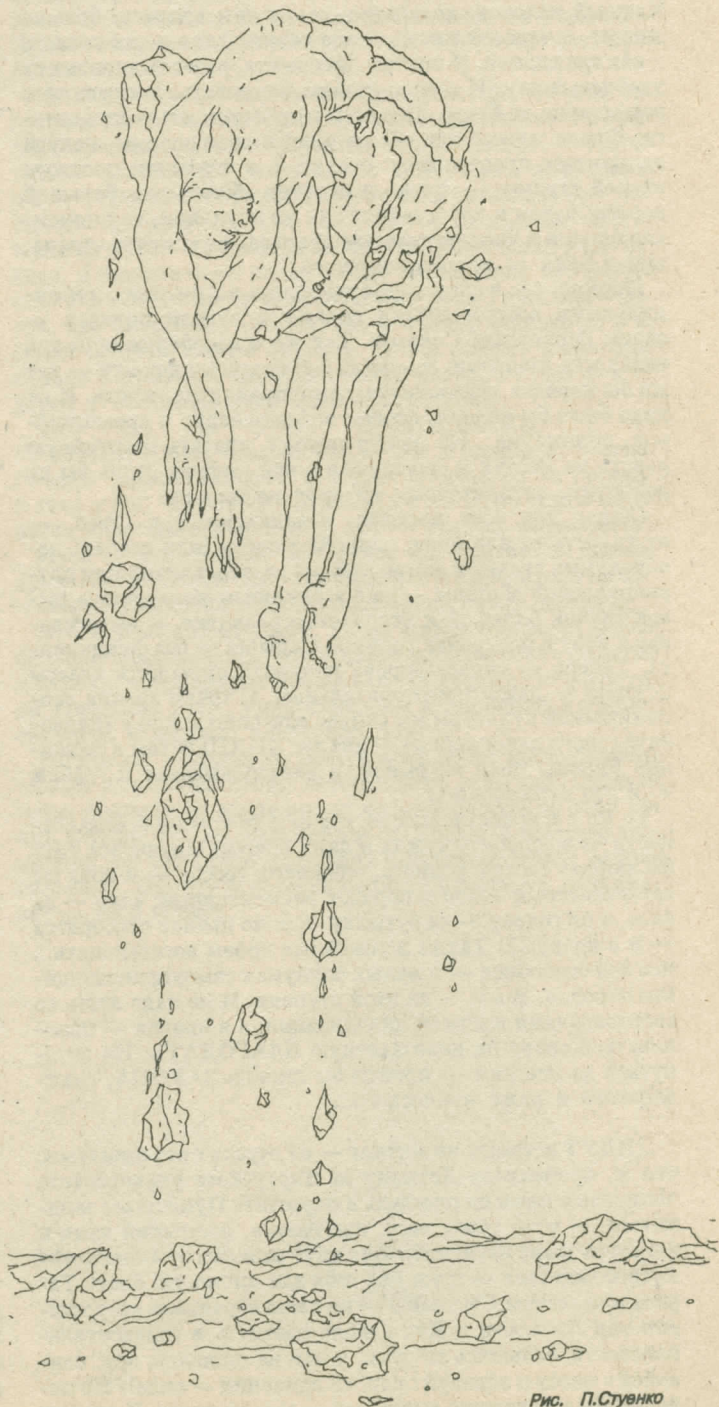

Рис. П. Ступенко

действие более очевидно: сплоченность одно-родных, «своих», дает силу и поддержку и наводит порядок в микросоциуме семьи, села, рода, народа. Нет отчуждения и его холода, но тепло окутывают и стариков (как старейшин), и детей. Не то, что в городе и мире цивилизации, где вклинилось между людьми отчуждение, холод и старик уж не почтенный старейшина-мудрец, но отработанная человеческая руда, — и на свалку его, в дом престарелых — в лучшем случае.

Конечно, в малых социумах есть свои преимущества. Каждый человек, хозяйство, семья там весомее, больше значит, и человек интенсивнее развивается и как хозяин, и как гражданин. И потому накормить, развить экономику удобнее снизу. И семью-любовь пестовать, и первичное воспитание во благо. Так же и с преступностью справиться. В селе живом, где все на виду и свои знаемы, некуда вклиниться преступнику: осадят. А в огромном просторе ничьей страны — только и простор «богатырю» большой дороги; пахан и вор в законе так же неуловим, как номенклатурщик в «коллегиальном руководстве»: ничья страна, ничья вина — нет отвечающего.

Пример: как в одну ночь справились в Армении с неформальными вооруженными силами и навели порядок — своим Верховным Советом. Так же и азербайджанцы год назад мне говорили: доверили б Народному фронту — тут же бы порядок установился: самоуправление народа. И не надо было бы вводить особые войска сверху и чрезвычайное положение. Но центр решил спасти партийную власть на местах и срощуясь с ней мафию, лишь бы не допустить авторитетных лидеров из народа.

Общее для всех народов, объединенных в Союз, — отсталость та или иная, непройденность (или слабая) необходимых стадий и формаций, но из феодализма или патриархальной общины — да в «социализм-коммунизм» рывок-скачок большой и ускоренное развитие — вытягивание к небу и постройка социума с крыши — без фундамента. Теперь — снова-здорово начинать проходить классы истории — даже приготовительный. С точки зрения экономической культуры мы сейчас вступаем в эпоху «первоначального накопления» — аналог XI-XIII векам в Западной Европе: пока не рынок, а разворовывание и грабеж — и это естественно...

То же и в нравственности: где нам до крыши новозаветности — возлюбить чужих и даже врагов! Научиться хоть бы любить своего, родного, ближнего, соседа — и хотя бы ветхозаветный закон и порядок элементарный: «око — за око», а не голову — за бутылку (как по пьянке поссорятся — и в драку...)! Также и семейные нравы восстановить... Все это способнее — в малых социумах самоуправляющихся народов. И мы — на этой ступени. И не надо лезть со сверхзадачами высокой цивилизации, а в нравах — нацеливаться сразу на новозаветную БЛАГОДАТЬ. Не дотянуться до нее нам — пройти бы стадию ЗАКОНА, гражданского и даже языческого...

...ИДУТ эстонцы на митинг — от русских отъединяться: что ж, профессору Лотману из Тартуского университета выходить с ними на площадь и перестать Пушкиным заниматься — чтоб тоже, «все, как один!», эстонский язык и культуру ныне изучали?... Или идут «хохлы» от «москалей» высвобождаться — и уж нет тебя как личности: брата Тараса или сестры Светланы — но свою вертикаль возрастания как Личности в Дух изволь изогнуть в горизонтальную плоскость, взявшись за руки, и иди на площадь, ори, сливайся в массу и образуй силу! «В единении — сила!» Но недаром также сказано: «сила есть — ума не надо». И дуреют

человеки в хмеле массы, потом силы и мышц дыша...

Ну и что выходит? Ну — добились национальной независимости страны в Африке, перестали быть колониями Англии и Франции — и что: легче стало личностям и людям духа и культуры? Вместо далекой королевы Виктории или короля Георга — стал над человеком свой прожорливый Бокасса или еще кто — и уж так оковал армией и сыском всех, что и не помысли свое... Или своего Навуходоносора Саддама Хусейна — человека ведь из народа! — вознести, чтоб свой-родной тебя убивал?.. В малом социуме давление толпы, тирания общего и загляд соседа в твою жизнь — посильнее, чем в империи или Со-Узе даже. Эту ситуацию продумал еще Пушкин, размышляя о демократии и правах: «...Зависеть от царя, зависеть от народа — не все ли нам равно?» — это НАМ, стремящимся возрастать в личность и жить высшими интересами Духа, Истины, Блага, Красоты?

И верно: царь — далеко (как и Бог высоко), и можно уединиться, в свой мир и скит, и в себя уйти и жить незаметно — своим путем идти. А уж народ-сосед — тут как тут, облегает плотно и все видит, чем ты дышишь, и тут уж личный путь не проложишь, не дадут, удуют... И когда насытут в Казахстане свои баи, а в Узбекистане — эмиры, затоскуют еще люди духа и культуры тут о временах дружбы народов (пусть и декларируемому, но все же — прекрасному идеалу), когда в разреженном Космосе России все же пошире и разное можно было мыслить, а если и кадить — то далекому московскому начальству, а не вот тут сидящему хану оды слагать...

Нет, удавка национальной общности для развития Личности в человеке, образа Божия в нем, — все же поопаснее, нежели узы Со-Уза.

Национальные движения сейчас воодушевлены не любовью к своему, а ненавистью к чужому — то есть минусовую ценность в душе питают. «Память» в России одушевлена пафосом отмщения и возмездия «соблазненным русским народ еврей-марксистам»; литовцы гонят «окупантов» русских; казахи — немцев... А, кстати, когда тебе врача приспичит позвать — неужто позовешь сына своего министра, что по протекции, не учась, но жируя, получил диплом в Москве, — или старичка-врача-еврея? А когда тебе дачу строить — не немца ли инженера позовешь, или своего академика от архитектуры? Ты же сам знаешь, чего по истине стоит сей «национальный кадр»!

Поразительно: страна-пустошь, «бесконечный простор» (Гоголь), разреженное народонаселение — и еще изгоняют за рубеж миллионы специалистов: им тут места нет! Или, может, т а к надо Гоголя слова понимать про Русь: «Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» — что не для человек этой страны, не по Протагоровой мере («человек есть мера всех вещей»), а для — чудо-богатырей? То-то у нас на советские все культ «героев» — Со-Уза и Труда! В богатыря тянули смертного забитого человечка — и отодрали от земли, и сделали люмпеном, вытягивая его в богатырско-геройскую вьсь. Как в древней китайской притче один усердный земледелец вышел на поле и стал вытягивать стебельки: помогал колоскам расти. Наутро следующего дня пришел — а они и засохли-поникли, выдернутые...

ВСЕГДА-ТО в России — неразвитость «среднего звена»: среднего сословия горожан-бюргеров-буржуа в социуме; в экономике — товарного хозяйства и купечества и «кулачества»-фермера; в логике — слабость отвлеченного мышления и тяготения сознания к художественному образу и религиозному символу; в историческом развитии

от первобытности к цивилизации — непройденность капитализма как формации и граждански-правового сознания.

Все это придется наверстывать сейчас — при том, что мы имели такой порыв к «вышнему» (в идеале социализма и коммунизма), к превосхождению материи и плоти, хлеба земного и узости мещанского благополучия Запада и его идеалов: «Человек выше сытости!» — герой Горького провозглашал. В очередь бы его, Максимушку, сегодняшнюю, за хлебом, за баландой и пайкой!..

Даже в высоком духе просвещеннейшего Грибоедова что осмеяно? Мера, «умеренность и аккуратность»: мол, нам размах и широту натуры, богатство подай, максимализм-большевизм! Не надо нам узенькой протагоровой МЕРЫ — по человечку чтоб все; но — по империи, по России! На котурны подвига!.. И у Достовского о сем задумыванье: «Широк человек, широк — сузить бы»: от богатыря-преступника меры и закона — до человечка бы хоть средненького, гражданина и филантропа мещанского, не говоря уж о «маленьком»-«меньшевике»-мальце.

Нет, этого-то как раз любили — скромного: и Гоголь — Башмачкица, и Сталин — «винтика». Тот же расклад в ценностной шкале: Богатырь — и маленький человек; царь — и опричник кромешный; Демон — и дубовый листок; герой (труда) — и (аппаратный) винтик; Вождь — и «последний советский человек».

Но не в почете — боярин, мещанин, гражданин, купец, кулак, интеллигент-«прослойка» (тоже вариант среднего звена)...

ЧЕМ же нас всех влечет национальная идея?

А вот: пожить в народе, при своих, на земле, в семье-крови, в тепле, при существенных простых ценностях — после кошмара жития иллюзиями и в бесовщине, в страхе и ожесточении, не хлебом единым — но и вовсе без хлеба, без тела, без семьи, но эзком ГУЛАГА иль винтиком Левиафана Государства, со-узником Со-Уза, сообщества «зон», подтянув пояса и зажав уды, став бесполом мерином-интернационалистом.

Так вот: переход от анемично-бесполого существования-прозябания в абстрактном социуме Империи и Со-Уза к самоорганизации народом своим — пробуждает Эрос, витальность, тяга к жизни в людях: они начинают ЧЕГО-ТО хотеть, а не как у нас было: хотеть только «забыться и заснуть», напиться и вырубиться... Пусть желания теперь более «первичные» и «низменные», чем пред-

лагала высокая идея коммунизма и интернационализма (оказавшаяся искушением—иллюзией), но все же это — Желания, и эта Воля — к жизни, а не к самоубийству и убиению (смертью смерть поправить)! Ведь коли всех убить — тогда и смерти не будет: и она будет убита!

Теперь — только припасть снова к земле — во индивидуальной к ней любви, а не в свальном блюде колхоза с нею со-общаться... И — оставить критерий «чудо-богатырства» российского. Кто его проповедует — прилядитесь! и потрясает политическими бицепсами? Люмпены! Если любишь Русь — женись, садись на землю, рожай детей, умножай человеческое, а не богатырское народонаселение...

Национальное — языческое сознание, дух тут еще полуприроден... Но, повторяю, нам, полузадушенным в ложном духовенствовании бесовщины идеологии, — спасительно понижение, «низменные интересы», животность и язычество даже. Если в прежние века христианину говорилось: бросай мать, отца, жену, детей, раздай имущество и иди за Мной — то теперь, когда уж и бросать-то у нас некого, и раздавать-то нечего, надо вспомнить, что Бог-то есть Жизнь, и хорошо заработать во Эросе: наплодить деток, как патриархи библейские, и имение умножить, а из семьи создать живую церковь. Что и делают ныне правильно и праведно живущие новые батюшки (как вон 16 детей у Владимирского одного батюшки!).

Так что да будем БАТЮШКАМИ, а не БРАТИШКАМИ! «Братишка» — все ж воришка, блатного мира термин-элемент. И верно: сграбастал он Россию, и стал у нас ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ВОР. Ибо в онтологии советчины первичный акт — грабеж со взломом...

Итак — куда нам до жития «по благодати»? В законе-праве научиться бы жить: тут мы еще в ясли, в пригатовительный класс, недоросли-подростки, пойти должны.

Это и происходит ныне, когда пробудившееся национальное самосознание вспоминает свой вариант религии и церкви: возрождение православия в связи с тысячелетием крещения Руси, униатский бум в Западной Украине, обучение в медресе в Средней Азии...

Но все же — слишком долгое искушение космополитической личностью стать, свободной от «гумуса», соблазн града Божьего на земле имели мы — и память об этом точит. Оттого — нам, вкусившим от Духа и Культуры всемирной, по привычке удушливо в микросоциумах национальных... Оттого-то сегодня национальный Дух, он и пахнет — но и воняет...

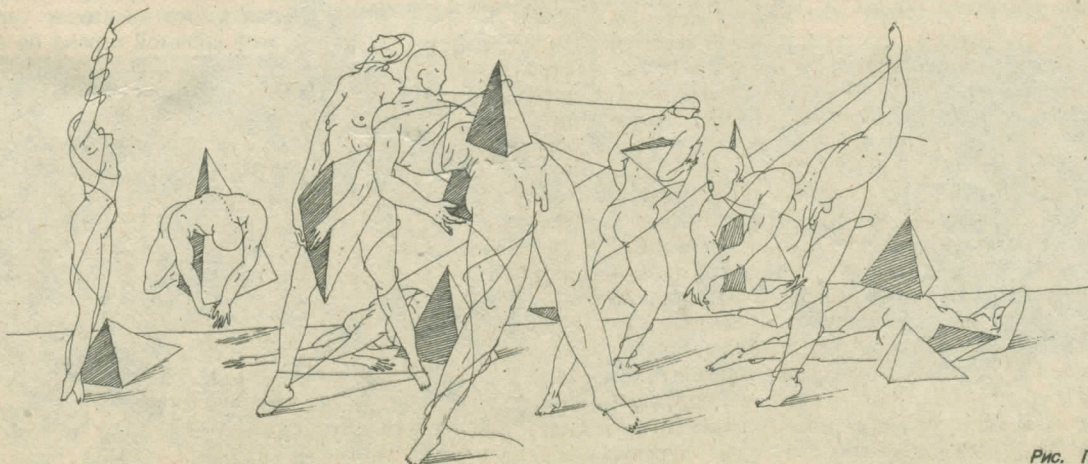

Рис. П. Стуйенко

Александр МИНКИН

ТРИ ХОХМЫ

В Израиле русского не заставляют спустить штаны, чтобы взглянуть на доказательство. Равнодушный чиновник задает вопрос:

— Вы еврей?

— Да-да. — Бывший советский человек, мокрый от жары и страха, странно двигает головой, пытаясь куда-нибудь спрятать курносый нос.

— Распишитесь.

Бывший советский человек торопливо расписывается, что он — еврей.

Случайная встреча на улице Лозанны. Главный редактор популярного швейцарского еженедельника осторожно спрашивает:

— Ты не согласился бы съездить в Израиль, написать, как складывается жизнь новых иммигрантов из России?

— Аvek плезир!

— А у тебя потом не будет неприятностей?

— Плевать!

На следующий день мне вручают билет в Тель-Авив, мне забронирован номер в отеле, получаю командировочные (машинально прикидываю: на эти деньги здесь можно купить подержанный «Мерседес», продать у нас и купить новейшую «Ладу»...). И вдруг — стоп.

Израильское консульство в Цюрихе пять дней тянет с визой. Посол Израиля приглашает меня в Берн на беседу. Пытаюсь понять, «чем дышит» советский журналист. Симпатичный посол старательно делает вид, что не понимает по-русски, поэтому говорим по-французски. То, что я еврей, немного успокаивает посла. Но выдача виз не в его компетенции.

Утром в день отлета визы еще нет. Который раз звоню в консульство:

— Если через час визы не будет — я не успею на самолет, и мне останется только написать репортаж, как еврея не пустили в Израиль.

В аэропорту Женевы у израильской авиакомпании «Эль Аль» свой отсек. Вхожу. Первое, что вижу, — парень с автоматом наперевес. Меня допрашивают 40 минут. Вместо того чтобы искать бомбу в сумке или гранату в кармане, роются в моем мозгу: кто? откуда? почему? куда? зачем?

— Мне не нравятся ваши вопросы. Мне кажется, они не имеют отношения к безопасности полета.

— Вы еврей?

— Стопроцентный.

— В какой газете вы работаете?

— А вы разве читаете по-русски?

— Отвечайте, пожалуйста.

— В «Пионерской правде!» — и я надел очень черные очки.

В Израиле все шиворот-навыворот. Водки полно, а никто не покупает. Пива — залейся, а пьяных нет. Днем и ночью шляются по улицам группы здоровенных подростков, но никто их не боится — хулиганов нет. Хулиганов нет, а полицейских гораздо больше, чем в Западной Европе (но гораздо меньше, чем в Москве). Военных полным-полно, но все им улыбаются. (Мимоходом спросу: когда в последний раз вы видели, чтобы советские прохожие радостно и сердечно улыбались советским солдатам?)

Израильская военщина ужасно миролюбива. Да-да. Конечно, мы прекрасно знаем (по карикатурам в «Правде»), что руки израильской военщины по локоть в крови. Но все познается в сравнении. А по сравнению с русскими израильская армия — просто пацифистка.

С русскими?! Вот тут такая путаница и неразбериха, что дай Бог к концу заметки, выбраться из недоразумений.

Дело в том, что в Израиле евреев, приехавших из СССР, называют русскими. Это досадно, но с этим ничего не поделаешь. Евреи упрямы везде, а в Израиле их упрямство достигло предела, если можно так говорить о том, что на самом деле беспредельно. Можно было бы понять (сохраняя досаду), если бы русским называли еврея, приехавшего из Москвы или Вологды. Но израильские евреи называют советского еврея русским, даже если он убежал из Ташкента. Почему они не называют его узбеком — неизвестно. Я пытался объяснить им их ошибку. Это не русские, говорил я, это советские евреи. Никто в этой упрямой стране не обратил вни-

мания на мои доводы. А вскоре я сам понял свою ошибку. Я понял, что, толкая израильтян сменить обращение «русский» на «советский», я, по недомыслию, толкаю их на новую и большую ошибку. Ибо никаких советских евреев в Израиле нет. Евреев, эмигрирующих на историческую родину, родная родина аккуратно лишает гражданства. (Не будем здесь останавливаться на загадочной избирательности властей, не отнимающих гражданства, скажем, у отъезжающих в США; избранничество вообще вещь загадочная.)

Итак, еврей, приезжающий в Израиль из СССР, уже не советский. Это слово чуть выше было поставлено в кавычки, как видим, вполне заслуженно. Советское гражданство — это то, что можно отнять, и оно у «них» отнято. Но, увы (или к счастью), невозможно отнять русский язык. Невозможно отнять русскую культуру, в которой «они» выросли и которую кое-как уцелевшая еврейская интеллигенция вместе с кое-как уцелевшей русской интеллигенцией кое-как сохранила...

Невозможно требовать от израильтян, людей южных, импульсивных, чтобы они называли некоторых своих сограждан «бывший советский еврей». Это слишком. Вот они и говорят о «них» — русские. И вот эти-то русские — то есть бывшие советские евреи — и есть самое агрессивное в Израиле.

Израильские русские евреи, в отличие от нерусских израильских евреев, страшно агрессивно настроены по отношению к арабам. «Выселить!» — самое мягкое, что «русские» предлагают.

Мы здесь (в СССР) думаем, что только члены «П» унаследовали от Отца народов привычку чуть что обвинять какой-нибудь малый народ в измене и за это переселить его куда-нибудь. Ах нет. Родную ментальность не сдают в ОВИР вместе с советским паспортом, ее увозят с собой на историческую родину. Натерпевшиеся и пострадавшие люди с удивительным бессердечием относятся к страданиям других. Печально.

Но раз так — видимо, эти русские и селятся на оккупированных территориях?

— Нет, — отвечает Г. Бен-ари, директор пресс-центра СОХНУТ. — На территориях всего около сотни русских, да и те уезжают, спохватившись, что попали не туда. Территории — это пустыня. Работы для горожан там нет. А русские евреи — сплошь горожане. Кроме того, там все-таки опасно — советские не хотят там жить. Мы никого не толкаем туда, никого туда не заманиваем. Вообще туда может поехать только приверженец идеи Великого Израиля. Среди эмигрантов из СССР таких нет. Ваши люди очень практичны. Мы рады, что они приезжают. Мы всегда мечтали об этом, но не верили, что это произойдет. Сегодняшняя огромная алия — это чудо. В этом и в следующем году мы примем по 150.000. В ближайшие годы примем около двух миллионов. Мы лримем всех.

Грустно. Весь Израиль по населению меньше пол-Москвы. И принимает 150.000 в год. А Москва не может принять 30.000 русских беженцев из Баку, Душанбе, Вильнюса... В Израиле ни один «русский» не остался на улице. В России число бездомных перевалило за полмиллиона. Русский беженец из Баку получает (если получает) 200 рублей. «Русский» беже-

нец из СССР получает деньги на квартиру, на жизнь, на дорогу в школу, на электричество, газ, телефон, на необходимую мебель...

— А что еще? — спрашиваю я у Оли, которая только 20 дней как прилетела в Тель-Авив. Но Оля рассказывает мне не о здешних доходах, а о ленинградских расходах. Она смеется:

— За Родину 500, за паспорт — 200, за билет до Будапешта...

Смеется она потому, что все расходы Израиль компенсирует. И, конечно, валютой. Таким образом, «русские» ничего не имели бы против, если бы «за Родину» с них брали не 500, а 5000. Советская страсть к валюте такова, что месяцами стоящие в очереди за билетом до Будапешта отказываются от предлагаемого им прямого билета. Такой билет Израиль дает бесплатно — значит, за него ничего не дадут. Лучше постоять еще месяцик, купить у Аэрофлота за рубли, которые Израиль компенсирует долларами.

Можете, конечно, морщиться. Но уверяю вас — это не еврейское, это социалистическое поведение. Похожие действия предпринимает, скажем, восточные немцы.

Оля смеется, а мне не смешно. СССР лишает евреев гражданства. Но официально это оформляется как отказ от гражданства. Отказываешься — плати. Да я не отказывался! Не хотите платить — сидите здесь. Невольно вспомнишь, как после Хрустальной ночи — государственного погрома 1938 года — коричневая Германия взыскала с евреев 1.000.000.000 (миллиард!) марок «за порчу имущества».

Наши доходы пока поменьше. 150.000 евреев в год — по 500 рублей, выходит 75.000.000. Денежки неплохие, а главное — без труда. Да

и квартиры освобождаются — пригодятся для офицеров, покидающих Восточную Европу.

Оля смеется, а я вспоминаю о русских беженцах в Москве. Русское правительство не делает для «своих» и тысячной доли того, что получают «чужие» в Израиле. Ведь евреи — не эмигранты, не сионисты, они именно беженцы. Они едут не в Израиль, они бегут из СССР. Они не имеют «идеи» — правда. Но имеют ли ее русские беглецы из Баку? И до идеи ли нам? Нам — да. Матерям, боящимся за детей, — нет.

Оля смеется. Веселая, крепкая эмигрантка с 20-дневным стажем и совершенно русским лицом.

— Оля, вы еврейка?

— Меня израильский чиновник сразу об этом спросил. Я с перепугу чуть не закричала «нет-нет! я русская!», потом сообразила, и очень твердо: «да!» Он: распишитесь!

Узнаете анекдот? К Штирлицу подкрадывается Мюллер и внезапно спрашивает: Штирлиц, вы еврей?! Штирлиц в ужасе: что вы! Я русский!

— Оля, а все-таки вы еврейка?

— Я же расписалась.

Итак, в Израиле есть русские без кавычек. В основном это «породненные» — мало ли у нас смешанных браков. Есть среди этих браков и фиктивные. Ради выезда. Еще в брежневские времена возникла хохма: еврей не роскошь, а средство передвижения. Но есть и просто добывшие (купившие) справку, что они евреи.

Очень долгие годы ситуация в СССР — точнее назвать ее государственным антисемитизмом — вынуждала евреев записываться русскими. А уж дети от смешанных браков, получая паспорт, почти всегда «выбирали» себе национальность по нееврейскому родителю. Говорю «почти всегда», так как знаю исключения — мои сыновья (по еврейскому закону — русские, по советскому паспорту — евреи).

Видите, дорогие соотечественники, как все перемешалось? как переплелось? Вам не грустно? Мне весело.

Люди (евреи) записывались русскими для государства. От бытового, дворового антисемитизма анкета спасти не могла. Есть и такая хохма: **бить будут по морде, а не по паспорту.** Но государственный аппаратный антисемитизм сидел (и сидит) в отделах кадров и смотрел, будем справедливы, больше на пятую графу, чем на форму носа. Результатом государственной национальной политики стало стремительное уменьшение евреев в СССР.

В 1979 — 1.811.000. В 1989 — 1.370.000. За десять лет — 24% — четверть населения! С такой скоростью не исчезают даже нищие, разоренные, спившиеся (споенные!) народы Севера. Отчего ж так быстро исчезают сов.евреи? Ведь по данным «П», у масонов все поголовно с высшим образованием, все на тепленьких местечках. Сидят-благоденствуют на шее русских и прочих гоев.

Благоденствующие плодятся или уж по крайней мере не сокращаются в числе. Отъезд? Но за указанное десятилетие уехало около 30.000, а убавилось без малого полмиллиона. Задумаемся.

И не сердитесь, что в статье об Израиле я все сбиваюсь и сбиваюсь на проблемы России. Это естественно — ведь я пока (не пропустите это «пока», соотечественники), ведь пока еще я живу на родине, а не на исторической родине. И говорю по-русски, хоть и не так красочно и ловко, как идеологи из «П». И пока еще я не потерял здесь право голоса, хочу спросить (не посоветовать — только спросить): почему патриоты из «П» все делают, чтобы даже русские бежали из России, вместо того чтобы делать все, чтобы даже евреи стремились сюда? Неужели непонятно, что изгнание бесконечно? Неужели

непонятно, что, изгнав жидов, армяшек, немчур, придется взяться за татар, чукчей... припомнить историческую вину тунгуса и калмыка, затем — хохлы, ляхи... и этим кончится? Да с какой же стати вы остановитесь? И вы не остановитесь. Вы еще удивите мир, когда Москва, Тверь и примкнувший к ним Подольск пойдут на Псков и Питер.

Есть страны еще более нищие, чем наша. Но и там продавцы улыбаются покупателям, а таксисты не проезжают мимо стариков в поисках проститутки. Не плохое правительство и не масоны, а ужас и озверение жизни гонит русских записываться в выездные нации — становиться греками, немцами... И невольно вспоминается еще одна хохма (родившаяся в ответ на шутку последнего великого теоретика ленинского типа, сказавшего «экономика должна быть экономной»):

— Как сэкономить электричество в СССР?

— Все должны уехать, а последний выключит свет.

ЛАТЫШИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ЛАТВИЮ

Примерно 250 тысяч латышей живут за пределами Латвии (в том числе около 90 тысяч — на территории СССР). Для иного народа это скромная, малоприметная цифра. Для Латвии — 15 процентов нации...

Еще недавно приезжающие в Ригу первым делом отправлялись в Старый город, к Домскому собору, посмотреть на историю. Сегодня символы Риги — бетонные заградительные блоки у зданий Верховного Совета и Совета Министров, у телецентра. Пусть временные, но символы. А вот баррикады с улиц убраны. И памятник Ленину, как обычно, стоит спиной к памятнику Свободы. Лицом к интуристовской гостинице «Латвия». Памятники не оглядываются. Оглядываются люди — на свою историю, свою жизнь. И тогда можно увидеть Свобо...

«Мы всей душой за свободную Латвию. С искренним уважением, семья Берденников. Ангарск.»

«Да поможет нам Бог восстановить демократическую независимую Латвийскую Республику. Михаил Стиллиньш. Архангельск.»

«Мой голос за свободу и независимость Латвии. Желаю победы. Владимир Макаренко. Ростов-на-Дону.»

«...За независимость Латвийского государства. Илмарс Велиньш. Томск.»

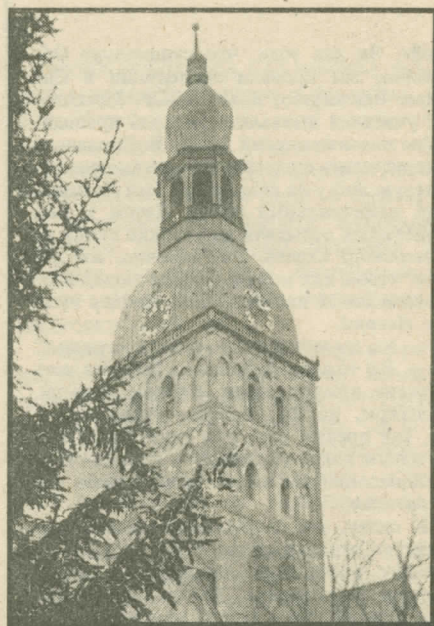
Это телеграммы, пришедшие накануне республиканского референдума 3 марта в адрес «Общества российских латышей» (ОРЛ). Их были десятки, из Калининграда и Москвы, Сургута и Ленинграда, Тарту и Уфы, Душанбе и Еревана, Смоленска и Краснодарского края, Красноярска и Таллинна, Днепропетровска и Грозного... Отовсюду, где живут «русские латыши» — выходцы из Латвии и их потомки. И на январских баррикадах вместе с рижанами дежурили члены ОРЛ из Казахстана, Нижнего Новгорода, Игарки, Горного Алтая.

А в конце марта многие из них снова приехали в Ригу, на Международную научную конференцию «Латыши России в прошлом и настоящем: судьбы и проблемы», которую проводили «Общество российских латышей» и научная ассоциация «Латвия и латыши в мире». Что касается прошлого, то оно напомнило о себе черной датой: в те же мартовские дни 42 года назад по приказу Сталина была органи-

зована массовая депортация латышей.

Депортация 1949 года была последней трагической волной исхода. А вот в XIX веке латыши ехали в Россию по доброй воле: царское правительство давало земли латышским крестьянам, они расселились по хуторам и деревням в Сибири и Белоруссии, в южных губерниях и в средней России. Еще тысячи латышей, в основном квалифицированные рабочие и их семьи, уезжали из Риги в первую мировую войну — вместе с заводами, в эвакуацию. Революция, Брестский мир отрезали их от родины. В двадцатые годы, а тем более — в тридцатые, вернуться домой было практически невозможно: дезинформация и угрозы должны были вытравить у латышей само желание возвращаться. (Впрочем, как рассказал историк А.Бейка, недавно работавший в красноярских «латышских» архивах, Советская власть уже тогда питала особую слабость к твердой валюте: за 200 «валютных» рублей можно было получить паспорт для выезда в Латвию.)

Революция кровью разделила людей. «Красные латышские стрелки» — и сибирские, смоленские крестьяне-латыши, которые особенно упорно сопротивлялись коллективизации, а потому с особым насилием загоняемые в колхозы. Латыши-чекисты и латыши — жертвы ЧК (хотя первые постепенно становились вторыми). Чем больше в советских газетах клеймили «фашистскую тиранию Ульманиса» по ту сторону границы, тем больше латышей принимал ГУЛАГ по эту сторону. Исчезали латышские села в России: до 1937 года их было не менее 350, сейчас осталось, похоже, только одно чисто латышское — Нижняя Булана в Красноярском крае. Закрывались национальные театры, газеты и журналы, школы и храмы. 16 июля 1937 года Совнарком СССР принял решение о ликвидации латышского просветительского общества «Прометей». Имущество его конфисковали, а сотрудников и активистов — кого расстреляли, кого отправили в лагеря. В том же году новосибирские чекисты «разоблачили» «латышско-лат-

гальскую диверсионно-повстанческую организацию». Усилия НКВД увенчались новыми репрессиями и расстрелами.

А потом — створ СССР в Германии, ввод советских войск в независимую Латвию, массовые аресты и депортация в начале июня 1941 года. Весной 1949-го — новые эшелоны в Сибирь.

Вот такими разными путями за сто с лишним лет попадали латыши в Россию. Конечно, в последние годы уезжали из Латвии и специалисты, которые, по словам академика Я.Страдыня, не могли найти себе достойное применение дома. Но все-таки большинство сегодняшних «русских латышей» — потомки тех, кого уносили волны массовых переселений. Поэтому ОРЛ сотрудничает с Латвийским объединением политически репрессированных и Латвийским отделением «Мемориала», с научной ассоциацией «Латыши в России», ее руководитель — московский ученый В.Штраус — привез на конференцию первый выпуск сборника «Возвращение», в котором собраны данные о жертвах репрессий — выходцах из Латвии.

Рассказывает председатель «Общества российских латышей» Ауэра Бальшевица:

— Мы хотим не только помочь вернуться на родину тем, кто оказался оторванным от нее, но и восстановить добрые имена тысяч безвинно погибших. Вы слышали, здесь на конференции предлагали перенести в Латвию прах умерших вдали от дома. Но как разыскать эти могилы? Большинство из них — безымянные... Я и сама не знаю, где лежат мои родители — их расстреляли в 37-м.

— Возвращение латышей на родину — главная задача ОРЛ?

— Прежде всего надо постараться возродить латышскую культуру в местах компактного проживания «русских латы-

шей». За два года, что существует Общество, мы провели экспедиции в Сибирь, Башкирию, Коми АССР. Несколько учителей вызвались поехать преподавать там латышский язык. В Смоленске договорились с властями — установим памятную доску на здании, где был Латышский национальный театр. Летом к нам приезжают отдыхать латышские семьи из Советского Союза. Но, конечно, мы хотим, чтобы как можно больше людей вернулись домой навсегда. Они сегодня нужны Латвии.

— Вы имеете в виду именно латышей?

— Не только. В нашем Обществе есть русские, армяне, евреи, эстонцы, чуваша, башкиры, немцы, татары, украинцы — те, чьи предки (или они сами) были вынуждены когда-то покинуть Латвию. При возвращении они имеют те же льготы, что и латыши.

К слову, эти льготы появились в латвийских законах отчасти благодаря «Обществу российских латышей» и самой Аустры Большевица. Касаются они жилья, пенсий, прав на собственность, реквизируемую в 1940 году, или компенсаций за нее.

Вынужден разочаровать тех, кто питается информацией из программы «Время», репортажей Невзорова и центральных газет, страдающих народ «буржуазно-националистическими» настроениями в Латвии. Хотя речь на конференции шла о вещах очень национальных, в частности, о восстановлении независимого государства, о возвращении собственности прежним владельцам и еще о многом, чего не любит КПЛ в Риге и ЦК КПСС в Москве, не было там сказано ничего, что оскорбило бы русский или любой другой народ. И выступавшие говорили кто по-латышски, кто по-русски. И старая латышка, чья семья переехала в Красноярскую губернию еще до первой мировой войны, вспоминая, как жили они когда-то в Сибири, сохраняя язык, культуру, религию, как потом все это было сметено коллективизацией и репрессиями, закончила так: «А сегодня все наши надежды — на Ельцина. Благослови его, Боже!»

...Латыши возвращаются на родину, которую хотят видеть свободной. Пока приехало немного, около двухсот человек — не так все просто. И с жильем проблемы, и с обустройством, с языком. Для большинства «российских латышей» вся или почти вся жизнь прошла далеко от Латвии и все, что нажито, — далеко от нее. Да и в Латвии не всем нравится это возвращение: одним видится грядущая «пятая колонна», других страшит «экспансия бывших собственников».

Но люди возвращаются на родину. В не самое легкое для нее время. Они возвращаются, даже если остаются в России, на Украине или в Армении. Чтобы вернуться, надо оглянуться. А люди, слава Богу, — не памятники вождям, они не могут вечно стоять спиной к Свободе.

Рига — Москва

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

Москва:

АСПИРАНТАМ ВОДКИ НЕ ХВАТИЛО

В доме аспиранта и стажера (ДАС) Академии наук СССР, где обитают иногородние молодые ученые, жильцам не выдали талонов на водку. Начальнику корпуса общежития в отделе торговли Черемушкинского райисполкома разъяснили, что есть, мол, решение райсовета: временно прописанным водки не положено. Зато журналисту работники того же отдела клянутся, что ничего подобного не было, что талоны выдают даже беженцам и не успевшим еще прописаться военнотруженикам. Но талонов для аспирантов как не было, так и нет.

В Черемушкинском райсовете вообще «неравнодушны» к жителям ДАСа. Единственную доставшуюся общежитию партию талонов на распродажу доставили сюда в полночь (бумажки нужно было раздать до утра). Январские талоны на сахар, утрачивающие силу 8 февраля, выдали... 7 февраля вечером. В летние месяцы талонов на сахар аспирантам дают меньше положенного — многие, дескать, уезжают в отпуск. Куда «уходят» лишние талоны — неизвестно.

Есть предложение: из «экономленного» летом сахара гнать «огненную воду» — может, тогда и «временно прописанным» достанутся вождельные талоны. Все-таки покупать напиток на черном рынке накладно для аспирантской стипендии.

Игорь КИНДАТ

Карелия — Красноярск:

ЗАКОН О ПЕЧАТИ МОЖЕТ ПРИОСТАНОВИТЬ «ЛЕСБУМИЗДАТ»...

Один из крупнейших в стране поставщиков газетной бумаги — объединение «Кондопогабумпром» стало частью новой ассоциации «Лесбумиздат». Ассоциация объединяет более трех десятков лесозаготовительных предприятий Карелии, издательство ЦК КПСС «Правда», газеты «Известия», «Литературная газета»,

«Правда». Последние отчисляют теперь часть своих средств на развитие лесохозяйства и в перспективе будут обеспечиваться бумагой в первую очередь.

Труднее тем, кто только встает на ноги. Демократические издания сталкиваются с проблемой, которую трудно назвать хозяйственной или коммерческой: ассоциация ставит поставки бумаги по договорам в прямую зависимость от направления газеты или журнала. «Газетная бумага должна попадать только в чистые руки», — считает генеральный директор «Кондопогабумпром» Виталий Федермессер.

Ольга СИДЛОВСКАЯ

«...ИЛИ ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА»

Благодаря своей скандальной репутации редакция газеты «Красноярский комсомолец» оказалась в весьма затруднительном положении: редактору до сих пор не удалось подписать договор на печатание и аренду с издательством «Красноярский рабочий» краевого комитета РКП.

Директор издательства Кондрашин около трех месяцев под различными предлогами и без предлогов уходил от разговоров на эту тему. Недавно переговоры все-таки состоялись. Кондрашин запросил с молодежки 60 тысяч рублей в год — втрое больше, чем платит краевая партийная газета «Красноярский рабочий». В арендную плату, назначенную «Комсомольцу», вдруг оказалась включена мзда за право пользования столовой (9 тысяч рублей на 16 сотрудников молодежки) и медпунктом (5 тысяч рублей), в который журналисты «Комсомольца» обращались прежде не чаще двух раз в год.

Судя по всему, директор издательства стремится освободить в издательском комплексе место для воинственно-антидемократической «Красноярской газеты», в редколлегии которой он числится.

Пока в Красноярском комсомольце» обдумывают дальнейшее житье, Кондрашин не дремлет. Своим устным приказом он сделал начальника наборного цеха Кухаренкову персональным цензором молодежки. Ны-

нешний «куратор» читает газету с большим пристрастием, чем ее профессиональные «коллеги».

Оксана МУХИНА

Воронежская область:

«БЕСПРЕДЕЛ» РАЙОННОГО МАСШТАБА

Во многие инстанции областного значения пишут из Верхнехавского района, просят прислать комиссию и разобраться с тем, что творит первый секретарь РК КПСС А.М.Вислогузов. Сообщают, что из 22 легковых автомобилей, положенных району в прошлом году, двенадцать по личному указанию Вислогузова были проданы его родственникам и работникам торговли. Просят разъяснить, на каком основании для РК КПСС выписывают мебель, почему ее тут же списывают и куда после этого увозят, отчего проложили асфальтовую дорогу к дому рядового работника райкома партии...

Дальше — больше. Депутаты райсовета обратились с письмом в газеты. Народные избранники возмущены «выборами» председателя райсовета. Вислогузов фактически назначил председателем... сам себя. Никакого подсчета голосов не велось. Вислогузов объявил, что решение принято большинством голосов. Из зала последовала реплика: «Альберт Михайлович, за вас же проголосовало человек пятнадцать, а как же остальные?» — «Это на их совести»,

—ответил теперь уже единовластный «хозяин» района.

Около тридцати депутатов попросили председателя облсовета и первого секретаря обкома КПСС оценить действия А.М.Вислогузова. Никаких «выводов» пока не сделано.

Олег ПРИВАЛОВ

Ярославль:

ГРАБЯТ «НАГРАБЛЕННОЕ»

В любом городе необъятной страны даже малыши знают: легковые автомобили с номерами, начинающимися с двух нулей, принадлежат высшим представителям партийной номенклатуры. Осторожные автомобилисты жмутся к обочине, когда на обгон идут обкомовские «Волги». Но, кажется, страх перед верхушкой КПСС сменяется полным пренебрежением...

Редактор рупора Ярославского обкома КПСС, газеты «Северный рабочий», Леонид Чесноков, выйдя из областной типографии после подписания в печать очередного номера своего издания с очередной речью очередного секретаря ЦК РКП, обнаружил, что его служебная «Волга» исчезла вместе с водителем.

Все объяснилось, когда отыскался шофер... К машине тихо подошли два молодых человека и, приставив водителю нож к горлу, потребовали отвезти их в Заволжский район. В безлюдном парке шофера вытащили из машины, избили до полусмерти, после чего красавица-«Волга» одной из последних моделей исчезла. Знающие люди утверждают: за нее можно выручить до 250 тысяч рублей.

Водитель на больничном. Редактор ездит на другой машине. Надежд на возвращение автомобиля — практически никаких.

Сергей КИСЕЛЕВ

Киев:

ВОДА ОПАСНА ДЛЯ ЖИЗНИ

Верно говорят: чем меньше знаешь, тем крепче спишь. Газетные будни порой заставляют смотреть на струйку воды из крана, как на бикфордов шнур...

Разбил где-то под Смоленском пьяный машинист цистерну с фенолом — вся Украина читает, как военные сводки, сообщения о движении этой гадости вниз по Десне и Днепру. Только пронесло — новая беда: с ледяными заторами на Припяти вздумали бороться авиационными бомбами и подняли со дна весь скопившийся после Чернобыльской катастрофы радиоактивный ил...

Очередную «приятную» новость преподнес директор Института коллоидной химии и химии воды АН УССР им.А.В.Думанского В.Гончарук. Он сообщил, что в киевской водопроводной воде обнаружен диоксин, который превосходит по ядовитости даже цианистый калий.

Гончарук сослался также и на московские данные: в питьевой воде столицы Союза содержится наногрaммов этого вещества на литр, что в 1000 раз превышает предельно допустимую концентрацию.

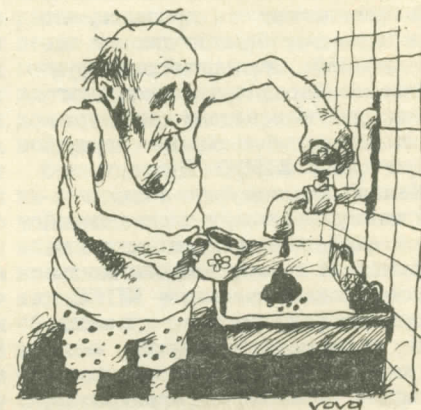
Небольшая справка. Наличие даже микроскопических доз диоксида в питьевой воде ведет к «беспричинной» агрессивности человека, разрушает печень. Американцы применяли диоксин как боевое отравляющее вещество во время вьетнамской войны. Люди-уроды из-за этого рождаются в Юго-Восточной Азии до сих пор. Пилотов, управлявших теми самолетами, что разбрызгивали отраву над джунглями, пришлось стерилизовать...

В.Гончарук предлагает для исследования состава Киевской воды срочно закупить американское оборудование: Москва запросила с Киева по 3000 долларов наличными за каждый анализ...

Александр СМАГИН

Рисовал **В.ИВАНОВ**

Осколки собирал **Кирилл РЫБАК**

НАС СНОВА ПРИГЛАШАЮТ В БУДУЩЕЕ. И ЗА ТУ ЖЕ ЦЕНУ

Светлый путь в «Постиндустриальное общество на досках» по седьмому сценарию С.Кургиняна.

Вот коммунисты — снова завалили программы. Хотя заметны тенденции.

В день введения Павловым в Москве чрезвычайного положения и открытия партийцами чрезвычайного же Съезда российских депутатов газета московских коммунистов опубликовала программу под типичным заголовком «Предотвратить катастрофу, обеспечить развитие общества». И больше ничего партийного в программе вроде бы и не было.

Почему-то стали бояться обнаруживать себя. От лица российских коммунистов с программной руганью в адрес Ельцина выпихнули выбывшего из партии Исакова. Со своих газет еще раньше снимали, органом какого именно комитета КПСС они являюся. Теперь вот программы публикуют, в которых о коммунистах — ни слова.

То есть хоть и заторможенный, но срабатывает элементарный рефлекс. Чувствуют. Например — с чем бы ни вылезала КПСС из окопов — ее сразу узнают и гонят. Как быть? Как так сделать, чтобы и программы и требования шли от коммунистов и коммунисты при этом не упоминались? Ведь невозможно же признать, что сами меры и требования таковы, что осатаневший от партийных функционеров народ сразу распознает, кто их придумал, потому как направлены они всегда на одно — вернуть былую славу КПСС. Признать это невозможно, потому что тогда и самим надо разойтись, и членов своих, бытом замордованных, отпустить на покаяние. И потому во всем оказывается виновата вывеска — КПСС, к которой отращивание в народе воспитали антикоммунистические силы. Вот и мучаются, стараясь и вывеску прикрыть, и из-за нее, прикрытой, как-то намекнуть, если предложения народу все-таки приглянутся, — что

это, мол, мы, мы все придумали и давайте строить вместе.

Так, по-видимому, и создавалась «Программная разработка», опубликованная в «Мосправде». Разработчик — С.Кургинян со товарищи. Ни о коммунистической перспективе, ни о соцвыборе, ни о КПСС — ни слова. И не каждому понятно, с чего это вдруг газета столичных коммунистов отдает весь номер под программу режиссера театра-студии «На досках», называя его, впрочем, и президентом корпорации, и даже кандидатом физико-математических наук. И в генсекском «Времени» с ним ведут смутные беседы о его планах.

К чему эта роскошь общения? Не в благодарность же за опубликованную ранее в той же газете статью «Литовский синдром», в которой режиссер разыгрывает на обширной газетной сцене скучный сюр о том, что Ландсбергис и Горбачев только марионетки в руках пары ЦРУшников, заброшенных в Литву с целью доведения Союза до задворков мира? И не за предыдущие работы, в которых Кургинян уверял, что коммунизм — не так уж плох. Почитаем программу.

При всей экстравагантности устных выступлений автора (даже опытный в сдерживании собеседника Ломакин не сумел организовать речь режиссера во «Времени», и тот отчаянно веселился, с кем-то спорил, к чему-то призывал, разговаривая, кажется, исключительно с самим собой), при отсутствии прямых лозунгов и ссылок на КПСС программа Кургиняна вполне традиционна для коммунистической мысли и логики. Впрочем, автор и не скрывает своей приверженности именно Советской Культуре, гордится этим и, не называя имен, ставит традицию во главу угла. Только вот традиции коммунистических лидеров как-то уж чересчур у него абсолютизируются, а по-

пытки их развить доводят автора до абсурда.

Из всех разновидностей партийного сленга предпочтение отдано жесткой иерархической сталинской проповеди — чтобы непременно было во-первых, во-вторых, в-шестых. Однако лишенная сталинского популизма и примитивности и заполненная плотным словесным туманом, структура речи этой производит впечатление странное — точно кухонный интеллигентский треп оказался вдруг построен по принципам математической теоремы. Почти ничего нет от брежневской казенной невнятицы, зато авантюризм, невежество и самоуверенность программ хрущевских времен доведены прямо-таки до блеска.

Разобрав шесть возможных сценариев развития событий от планетарной катастрофы до выхода СССР в число «стран первого мира», команда Кургиняна отвергает их все и провозглашает седьмой сценарий, разумеется, сулящий стране исключительное положение. То есть если будем действовать по Кургиняну, то СССР ни больше ни меньше как выйдет в цивилизации нового типа. Ну, разумеется, через напряжение всех сил и народов, при условии сохранения Союза как системы. И, конечно, не в течение одного десятилетия.

Заметен шаг вперед по сравнению с предыдущей программой построения светлого будущего. Ну что за примитив — увеличил все показатели в два с половиной раза за счет механизации и химизации — и вот тебе через двадцать лет коммунизм. Кургиняну такая простота скучна и отвратительна. Воображение его, хоть и в традиционных рамках, разгуливается до бешенства. Тут — Механизм и Гуманитарность.

Прежде всего доказывается, что никакого другого пути, кроме как к

цивилизации нового типа, у нас просто нет. Мы всегда отличались от других своим путем, так что уж теперь дурить — ничего из того, что работает там, где живут просто по-человечески, для нас не годится. Нравственность наша не допустит. И удивительные вещи узнаешь о себе и своем народе.

Оказывается, «красной нитью через всю нашу историю», а не только через семидесятилетний советский кошмар «проходит идея коллективизма, жесткого разделения любых деяний на праведные и неправедные, идея приоритета качественных показателей жизни («благо») над количественными («сытость»). Что там мучения девятнадцатого века над двойственностью русской души! Что наше желание сегодня жить по-

людски? Сказано же — мы всегда жестко знали, что праведно, а что нет, и потому мечтающий сегодня о сытости, как о благе, — урод.

Славен период доносительства и массового душегубства — ведь совершалось все это людьми праведными и с молчаливого одобрения других праведных. Ленъ, равнодушие к результатам труда, массовое воровство, пьянство — все то, что поднялось в стране, как только коммунисты у власти раздули миф о коллективизме русского народа, — вполне в характере людей, исторически жестко разделяющих праведное и неправедное, а значит, есть лишь повороты и веки его особого пути к цивилизации нового типа. Кургинян и его команда не только принимают и оправдывают все то извращенное и уродливое, что

именуется советским типом культуры. Они провозглашают, что «либо страна сумеет себе найти путь в этой духовной органике, либо она погибнет».

Собственно, за одно это коммунисты должны были полюбить Кургиняна, оправдать безнравственность творимого ими нравственностью самого народа — это еще надо было придумать. Ну и, конечно же, за разговоры об особом пути, опоре только на свои силы, то есть обоснование возможности избавиться от единственного гаранта демократии, а значит, ухода коммунистов — экономической помощи Запада. Но этим в своей коммунистичности разработчики не ограничиваются. Тут и десятилетия напряженного труда во имя всеобщего блага и без права спросить за результат. Опора на государство, при всем словесном флирте, как на аппарат насилия и подавления. Полное пренебрежение институтами демократии (об этом всерьез просто ни слова). Пакет жестких мер против тех, кто программу не примет и начнет смущать народ. Бравата наивностью целей и невежеством в обосновании методов их достижения. И лукавство, поистине большевистское лукавство на каждом шагу.

Провозглашается, что наш народ не будет работать ни за страх быть уволенным, ни за страсть к увеличению дохода, а значит, экономические законы иных цивилизаций у нас не действуют. И тут же предлагается жесткая дисциплина на производстве, контрактная система и увольнение администрации всех нерадивых и делается упор в государственном управлении экономикой на материальные стимулы (то есть стимулирование через личный доход работника, но только под контролем государства). Особая страсть коммунистов к распределению проявляется в стремлении распределять равномерно... тяготы переходного периода, для чего жестко ограничивается уровень доходов. Ну и прочее, и прочее — по полной коммунистической программе.

Однако есть в творчестве Кургиняна и черты, несвойственные партийной машине, — излишняя эмоциональность и горячность, обнаружение истинных мотивов, выбивающих авторов из рядов интеллигенции в объятия партократии. В программе заметна какая-то болезненная любовь и приверженность среднему слою бюрократизированной нашей науке, тем тысячам кандидатов и сотням тысяч мэнээсов, что уныло и

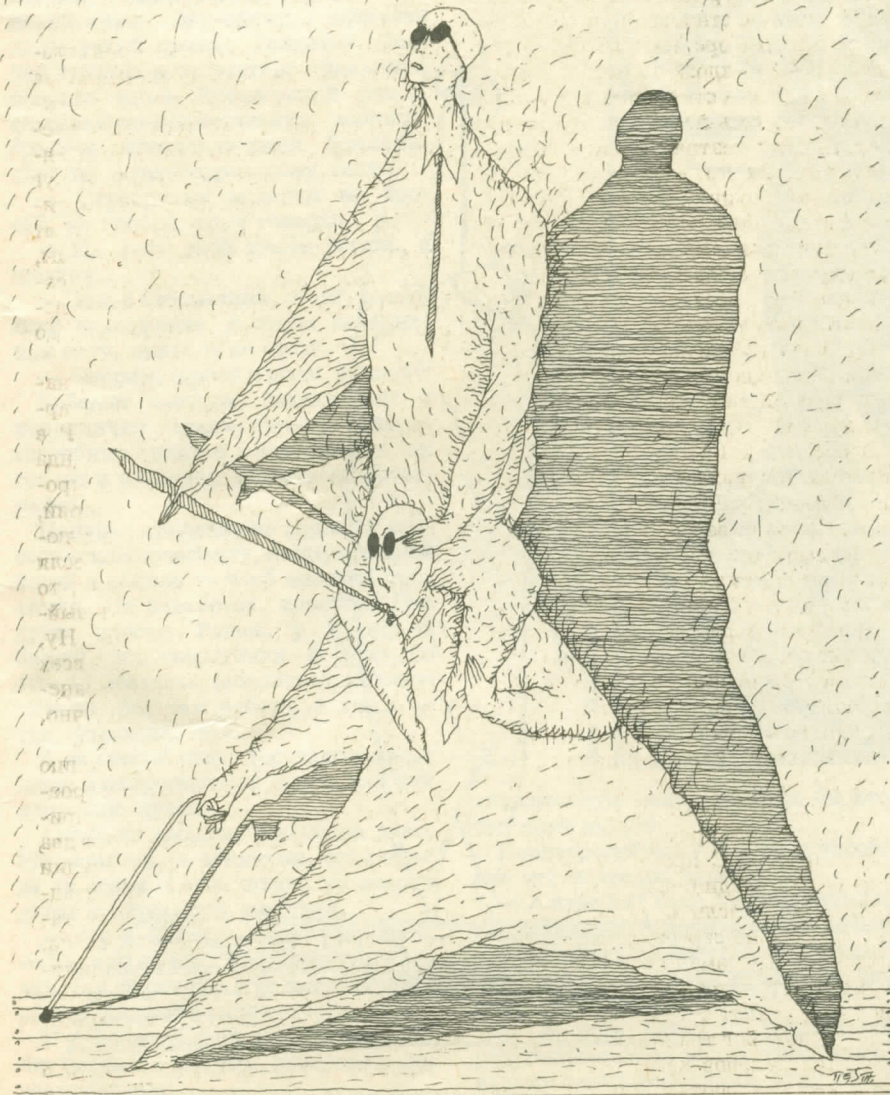

Рис. П. Стуренко

беспросветно тянут чиновничью ляжку в гигантской канцелярии Советской науки. Если, разумеется, хотя бы в чувствах тут есть что-то истинное и естественное, и хоть они не фиглярство, розыгрыш, цинизм и насмешка.

Впрочем, даже в этом случае угадывается в характере и биографии авторов и близких им по духу многое, многое... И кандидатская, которая кропалась в библиотечном зале долгими вечерами, и мизерная после стольких трудов и терпения прибавка к жалованью, и поиск сэнзэсовской ставки, и жлоб завлаб, и нищета, и безвестность, и увлечение чем угодно, только не тем, за что тебе платят деньги в «конторе», и опоздание в политику, где сегодня уже и среди демократов надо отстаивать свое право на лидерство...

Во всяком случае, только люди абсолютно незнакомые с советской институтской системой, в которой целые НИИ и КБ десятилетиями перемалывают время, способности, деньги в ничто, или фатально зависимые от этой системы могут воспевать «самобытную, сильную, корнями своими уходящую в национальную культуру науку» и отчаиваться по поводу «негласной ликвидации научно-исследовательских институтов», что якобы и привело к массовой эмиграции ученых из Союза.

По плану авторов именно представители среднего слоя научно-технических сотрудников, тех, кто не сможет, видимо, эмигрировать, поскольку не все наши ученые все-таки нужны Западу, первыми должны вступить в рай новой цивилизации. На них, по Кургиняну, не должны распределяться тяготы переходного периода, вроде ограничения зарплаты. Творчество вообще не может быть оценено через понятие «богатство». Это — особое качество личности. Именно эти личности и наслаются первыми работами в постиндустриальном обществе, куда они прорвутся благодаря туннельному эффекту из нашей дорыночной нищеты. И почему-то при этом «та значительная часть населения, которая уже доросла до психологии и мироощущения индустриализма, избежит антагонистических столкновений с «косной частью» населения», которая утешится, видимо, в тяготах переходного периода живительной мыслью о преимуществах «блага» над «сытостью» и идеей подвижнического труда, во имя коллектива.

Думаю, товарищи коммунисты

простили пока С.Кургиняну эту немарксистскую слабость в определении движущих сил прогресса и тех, кто насладится его плодами. У них на этот счет определенные, проверенные опытом, убеждения. Да и не в программном брѐде дело. Дело во втором, пока названном, но нераскрытом, пункте сценария Кургиняна.

Пора, давно пора переходить к созданию «надпартийного блока инициативных центристских сил». Так и видится им уже — Центральный комитет надпартийных сил, что на Старой площади в Москве, при помощи преданных идее прорыва в новую цивилизацию органов проводит мероприятия по «предотвращению массовых беспорядков на стадии «угрожаемого» периода, когда беспорядки как таковые еще не начались, но к ним ве-

дется интенсивная подготовка, распространяются слухи» и т.д. (см. программу Кургиняна — «Защита общества»). Увы, акция в первую очередь коснется научно-технической интеллигенции, поддавшийся демократической пропаганде, неверию в прорыв и силы собственного народа. Что делать — без жертв не обойдешься, при жестком-то разделении на «праведное» и «неправедное». Мероприятия скорее всего пройдут успешно, и десятки тысяч «личностей», чье творчество не измеряется никаким богатством, так и не вкусят сладости надомного интеллектуального труда.

Ну и бог с ними. Взыскивать-то все равно будет не с кого. Потому что где тогда будет сам Кургинян?

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

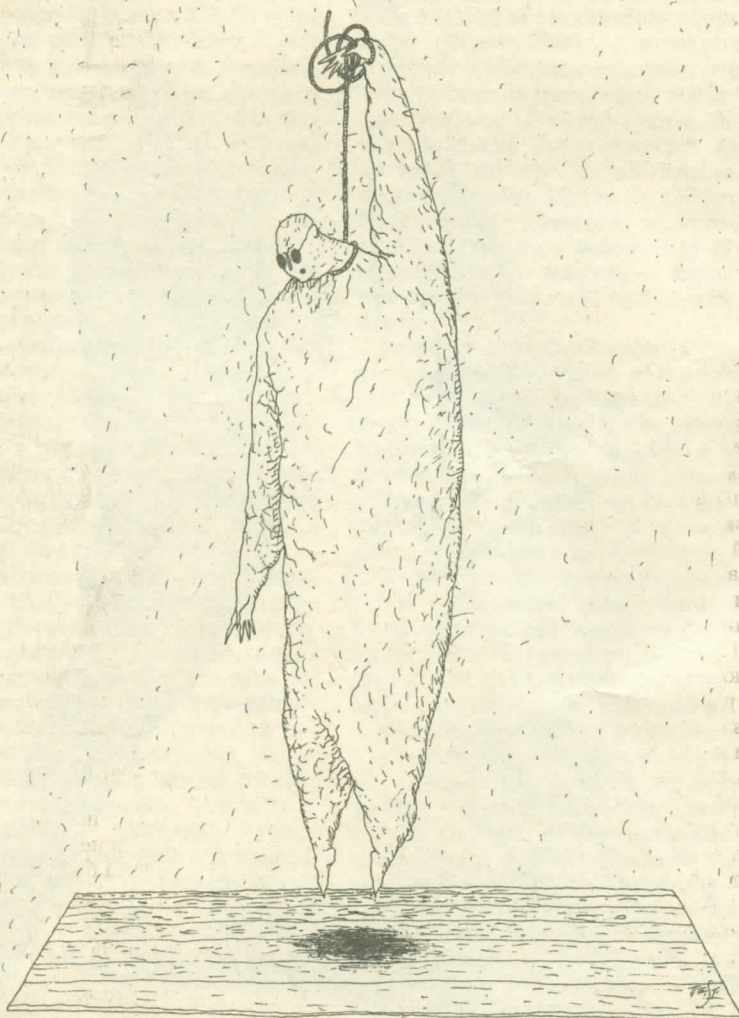

Рис. П. Ступинко

САЛЮТ МАЛЬЧИШУ, ИЛИ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ УБОРЩИЦЕ

— Товарищи, сегодня ГУМ закрыт на распродажу, посетите Кремль! Группа отправляется через две минуты!.. Уникальные памятники Кремля!.. Группа отправляется!..

Зазывалы с хриплыми мегафонами на шее. Два потока на Красную площадь — туда и обратно. Проезд Исторического музея почему-то (или как всегда?) перегороден серыми милицейскими барьерами, оставлен лишь узкий проход. Толкотня. Полная тишина и отсутствие привычной очереди вдоль Кремлевской стены. Поливально-подметальная машина, грохоча металлическими брылями, едет по Александровскому саду.

— Серебряные монетки не бросай, не бросай, кому говорю!..

— На фоне этой тумбы встань, я щелкну...

— Эти, с автоматами, стоят, только если возложение. А когда возложения нету, никто и не стоит.

— Спорим, прямо в огонь пульну?! Дебелые невесты, похихатывая и неприлично просвечиваясь сквозь свадебные платья, вскакивают на гранит и позируют суетливым фотоаппаратам.

Пацаны, прилепив на подошву кроссовок клейкую ленту, твистуют одной ногой в могиле — чтоб монетка прилипла. Не заработок, конечно. Для души просто. Рядом, у Кутафьей башни, их сверстники в день по 10—15 «баксов» (долларов) выклянчивают. Вот там работа. А здесь — так, развлекаловка.

А за стеной сидят государственные люди и напрягаются в думах, как нам жить еще лучше.

Апофеоз: выходит уборщица и все эти монетки — венчиком, венчиком, да на совок. Совок полон, но медяки летят с утроенной энергией.

— У-у-у, скоты, — цедит уборщица. — Управы на вас... Какой-то дурак начал, так до сих пор и не могут остановиться, кидают и кидают...

И с неожиданной злобой она кричит детям и взрослым, невестам и фотоаппаратам:

— Ну а че медяшки-то? Хоть бы

кто сотенную кинул, а? Хоть бы кто сотенную кинул!

Поинтересуйтесь у нее, куда унесет она эти полведра денег.

— А куда их? Если б кто принимал, касса какая... А то все равно ночью милищанеры подберут... Я каждый день работаю, в день рублей по десять набирается.

... И есть какая-то неуловимая родственная связь между этими зазывалами с мегафончиками, этим скотчем на пятке и этими «мильщанера-

ми». Какая, умом не понять. Страна здесь такая. Страна, где даже по-человечески похоронить не могут, все будут приходить и осквернять снова и снова.

— Группа отправляется, поторопимся, товарищи! Группа отправляется, отправляется группа...

Счастливого пути тебе, группа товарищей.

фото В. Шилова

Евгений КУЛАКОВ

Воспитывать нового покорного человека, готового на любые жертвы и на любое преступление во имя великой цели, идеологам коммунистической перспективы мешала мировая культура. Поэтому сразу после захвата власти большевики получили возможность начать активную борьбу не за умы соотечественников, а против человеческого разума. Из библиотек страны были изъяты сотни тысяч книг.

После отмены самодержавной цензуры книгопечатание в нашей стране постепенно стало возрождаться. К сожалению, громоздкие государственные издательства оказались плохо подготовленными к срочной работе по реанимации человеческой мысли. К интеллектуально полноценной жизни нас возвращают пока предприятия, созданные группами энтузиастов-единомышленников. Среди них — издательство «Экслибрис» совместного советско-британского предприятия «Слово». Наш корреспондент беседует с генеральным директором предприятия Григорием ЕРИЦЯНОМ.

— Григорий Шагенович, судя по визитной карточке, вы — философ. Как вам пришла идея заняться издательским бизнесом?

— Да, я действительно кандидат философских наук, закончил аспирантуру Московского университета и защитил диссертацию в те годы, когда моя тема «Социально-философские аспекты глобальной экологической ситуации» вызывала едва ли не аллергию у маститых оппонентов.

Долгие годы специалист по социальной экологии — ваш покорный слуга — был вынужден вести занятия по предмету, от которого в аудитории по традиции «мухи дохли», — марксистско-ленинской философии. Спал до полудня — благо занятия были вечером, читал книги, сибаритствовал, как настоящий барин. Но, видимо, занятия наукой, литературой в то время, когда живое слово в подполье, есть единственный способ сохранить способность думать, тем более, что был доступ к литературе, подлежащей специальному хранению в библиотеках.

Такое сопряжение повседневных занятий — преподавание философии и чтение в спецхране в определенный момент высекает в сознании искру. Творчество требует свободы, а занятия со студентами были огра-

БЕСТСЕЛЛЕРЫ НА ПЕПЕЛИЩЕ

ничены четкими идеологическими рамками, да и сама конструкция диамата и истмата жестко рационалистична и близка к интеллектуальному вырождению. Как только появилась возможность делать что-то иное, я ушел с кафедры. Сомнений и раздумий — чем заняться? — не было. Я хотел издавать книги свободных художников, представлявшие подлинную ценность.

— Есть ли, на ваш взгляд, в наше суровое время возможность плодотворно работать для литератора, издателя? Ведь на всех ступенях творческого и производственного процесса предстоит преодолеть преграды?

— В нашем государстве приняты уникальные законы, которые не имеют механизма реализации, — о земле, о предприятии, о собственности. Единственный закон, который удалось отстоять в максимально демократической редакции, — это Закон о печати и средствах массовой информации. Посмотрите — он заработал, и уже реально видны результаты. Книжки «Союзпечати» ломаются от предлагаемых читателю изданий, а книжные коробейники в буквальном смысле стремятся дойти до каждого.

В свое время книгоиздание находилось под жестким номенклатурным контролем как в вопросах формирования издательских планов, так и в производственном процессе, в стадии реализации книг. Чего стоят многочисленные собрания сочинений, которые годами пылятся на полках клубных библиотек, огромные тиражи, которые развратили наши типографии, и знаменитые номенклатурные списки, по которым коллекционеры книжных корешков выбирали себе «названия». Как ни странно, популярностью у них пользовались вовсе не политиздатовские учебники жизни, а детективы и романы, которые, видимо, «им заменяли все». На этих полках осели в свое время «Анжелика» и «Унесенные ветром», «Фаворит» и «Десять негрятят».

После семидесяти лет издания книг по идеологическому заказу вдруг выяснилось, что эксплуатировать издательский комплекс, многие годы работавший на партийную кассу и составляющий сейчас большую часть так называемой «собственности КПСС», стало делом крайне выгодным. Даже суперрентабельным, учитывая наш практически бездонный рынок и нереально низкие — для государственной полиграфии — цены на бумагу. Очень быстро вникли в это дело и бизнесмены, увидевшие в книгопечатании золотую жилу.

Лично я не вижу ничего страшного в том, что все ринулись что-то печатать. Когда пахарь выходит в поле, ему уже не важно, есть в поле сорняки или нет. Только на мертвой земле ничего не растет. Возделывать свою ниву с умом и умением профессионал сумеет, несмотря ни на какие преграды. Никакой коммерческой тайны, например, не составляет то, что издательство «Экслибрис» является только частью совместного советско-британского предприятия «Слово». Все остальные структуры «работают» на то, чтобы производственный конвейер «бумага — полиграфия —

торговля» не останавливался. Четко срабатывают законы деловой «диалектики» — количество договоров, контактов, натуральных обменов после долгих трудов переходит в качество. Возвращаясь каждый раз из командировки, я не знаю, что придется доставать для бумажников в следующий визит — цемент или комбикорм, желье или колбасу. Воистину мир познаваем, а вечный критерий — практика.

— С вами можно безусловно согласиться в том, что профессионал не станет безработным даже в самых сложных экономических «переплетях». Кто работает с вами в «Слове», помогая возрождать издание подлинных бестселлеров на пепелище наших издательских традиций?

— Ситуация сейчас такова: качественно изданные книги теряются в море непрофессионального многотысячного «самострока», оскорбляющего вкус и чувство меры. То, что порой мы видим на лотках, — это просто порнография духа. Книга не должна быть предметом спекуляции и наживы. А пока я отправляю свои книги — сборник Агаты Кристи, например, в один конец страны по 6 рублей, а им торгуют у метро в Москве уже за четвертной. Если бы действовал правовой механизм в издательской сфере, я бы отнял деньги у спекулянтов и без оглядки на финансы продолжал издавать для детей и взрослых газету «Кот и пес», которую мы учредили.

Что касается бестселлеров, то, если судить по тиражам, все, что мы издаем, — бестселлеры. Наши английские партнеры, узнав о колоссальных тиражах, которыми мы вынуждены оперировать, хватаются за голову и с восхищением смотрят на нас. Для них 10 тысяч — это уже супертираж.

Наша издательская программа вынуждена опираться на коммерческие издания ради возможности реализовать «культурную» сверхзадачу. В нашем издательстве собрались люди, которые посвятили литературе жизнь и пытались в любых условиях издавать те книги, за которые бы не было стыдно.

Трудно сказать, появится ли у нас в ближайшее время новый Пушкин или Толстой. Но ясно, что для их появления необходим объемный, внегрупповой литературный процесс. А он складывается и из литературы, на которую в данный момент, может быть, нет большого спроса. Каждая книга сегодня, может быть, не становится сенсацией, но она вносит тот необхо-

димый микроэлемент в почву, на которой, возможно, возрастут гиганты — художники, которых Бог подержал на руках и опустил на грешную землю.

Мы стремимся планомерно и последовательно давать нашему читателю книги просветительские в самом широком смысле этого слова — будь то «белые пятна», пробелы в издании отечественной и зарубежной литературы или малоизвестные страницы истории, провалы духовного, культурного, религиозного образования, а также произведения авторов русского зарубежья.

Совсем недавно отпечатан тираж замечательной книги протоиерея Александра Меня «Православное богослужение. Таинство. Слово и образ», которую автор очень хотел видеть изданной на родине, но не успел поддержать в руках. А в перспективе — издание многотомника Александра Меня, на который скоро будет объявлена подписка. Первые из семи книг объемом до 35 печатных листов — уже в производстве. Все они были изданы только на Западе, и вот теперь в соответствии с поручением вдовы автора будут выпущены в нашем издательстве.

Конечно, это не массовая литература, хотя мы и замаяхулись на сотни тысяч тираж. Но мы уверены, что эти книги жизненно необходимы в нынешней духовной ситуации.

— Каким вы видите своего потенциального читателя? Сможет ли он в условиях тотального подорожания жизни по-прежнему покупать книги?

— Я принципиальный противник дорогих изданий, поэтому, рассчитывая цену очередной книги, мы исходим из экономических реалий полиграфии и книжной торговли. Так, к примеру, каждый том наших серий, в том числе и серии «Английский детектив», стоит в пределах 10 рублей, а расчетная цена книг Александра Меня — до 20 рублей. Ценовая тактика испытана во всем мире: за счет многотиражных бестселлеров издается изящная словесность.

Годика через два книжный рынок будет насыщен, и я надеюсь, что возникнет — дай Бог! — множество способов провести свой досуг: развлечения, путешествия — на это уйдут время и деньги. Читателей, для которых чтение — внутренняя потребность, у нас не так много, как нам казалось, когда мы говорили о нашей стране как о самой читающей в мире. Именно они будут нашими постоянными клиентами. Я надеюсь, что нашими читателями станут и сами твор-

цы, носители культуры — писатели, историки, художники...

Но пока полиграфия не готова издавать качественные недорогие книги небольшими тиражами. Самые приблизительные экономические расчеты показывают порочность такой практики, когда полиграфические комбинаты — монополисты качества книжной продукции — запрашивают четверть и более номинальной стоимости тиража. Издатели оказываются вовлеченными в порочный круг взвинчивания цен и колоссального вала тиражей, которые добывают и без того изношенное оборудование. Высокие доходы — явление временное, если не позаботиться о развитии производственной базы, о кадрах. Все свидетельствует о назревающим кризисе в книгоиздательском деле, кризисе перепроизводства при одновременном отсутствии сырья.

Боюсь, что именно тогда над книжными развалами и появится зловещая тень литературного Хама — бестселлера массовой культуры, низкопробного чтива, которое станет таким же товаром, как дамские колготки, которые носят всего один день.

— Всех нас ждут нелегкие времена, но вы встречаете их во всеоружии знаний и твердого выбора экономической и творческой независимости...

— Да, это тот жизненный выбор, за который еще предстоит бороться всему обществу. Но все же я мечтаю о том дне, когда в мою книжную лавку придет человек и спросит: «Что нового выпустило «Слово»? А я, как стоящий столичный книгоиздатель, не только предложу ему нужную книгу, но и приглашу на встречу с автором в маленькое кафе, где можно будет выпить чашечку кофе и поговорить о добре, любви и сострадании. У меня есть мечта: накопить денег и построить школу. Пригласить блестящих учителей и дать хотя бы одному классу настоящее образование, достойное нашего времени. Только культура может спасти нас, иных путей спасения нет, есть лишь иные способы деградации. Но, как говорил великий армянский поэт Ованес Туманян, «мысль длинна — жизнь коротка». Успеть бы...

**Беседу вела
Маргарита БЫЧКОВА**

Фото А. ЧЕРНОВА

ТАЙНА РАЗРУШЕННОЙ ЦЕРКВИ

Когда-то здесь была церковь — красивая, уютная, вся в цветах, роскошном кустарнике и деревьях. Сведения о ней по сей день сохранились в справочнике Московских церквей 1915 года, где она зарегистрирована под номером 544.

Однако церкви Святого Дмитрия Солунского в Лефортове не суждено было долго существовать. В 1935 году ее не стало. Прекрасное, добротное, на века выстроенное здание сначала частично разрушили, затем сделали пристройку, приспособив ее таким образом под завод драгоценных металлов. Объект строго засекретили. Печать секретности по сей день на нем лежит. Все, что места сего касается, — тайна. Уродливое сооружение обнесли высоким забором с рядами колючей проволоки, у глухих, непроницаемых ворот встал милиционер. Мрачное, глухое это место, напоминающее тюрьму для особо опасных рецидивистов, пугало своим

видом даже тех, кто десятилетиями живет рядом.

Завод просуществовал до 1988 года. После этого стал потихоньку сворачиваться и куда-то переезжать. Частично сохранившиеся останки бывлой церкви и уродливые заводские наросты на них было решено стереть с лица земли, а на их месте построить школу. Точнее, целый комплекс со своим стадионом и даже, говорят, бассейном.

В начале 1990 года завод, наконец, окончательно покинул территорию. Она частично рассекретилась, ворота настезь распахнулись (потом куда-то пропали), в стенах образовались пробоины, в них ринулись любопытные — сначала ребяташки, потом взрослые. Побывала за мрачными стенами и я. Увидела разруху и грязь, кучки каких-то порошков, неряшливые потеки на стенах и на земле. Ко всему — удушливый, «химический» запах.

Кинулись к разрушаемому строению обалдевшие от бесплодных поисков стройматериалов дачники. И потащили — кто недогнвшую доску, кто чумазый кирпич.

А потом начался переполох: пошли слухи о тяжелых отравлениях людей, которые легкомысленно побывали в разрушенных стенах бывшей церкви-завода. Первыми якобы заболели облазившие все щели любознательные дети. Потом незадачливые дачники. Слухам можно верить, а можно и не верить. Тем более, что официальная информация на этот счет — секрет. Во всяком случае, заведующая промышленным отделом санэпидстанции Первомайского района Г.А.Баранова в телефонном разговоре уверила меня, что все эти слухи — не более чем сплетни. Атмосферу же завод если и загрязнял, то «несильно». В последние годы совсем «несильно». Сегодня загаженные руины и вовсе безопасны.

Фото А.Демченко

Я ей сразу поверила. Но почему-то учителя из соседних школ заклинали своих учеников близко к бывшему заводу не подходить. Шараянулись от завода гулявшие неподалеку собачники: у кого-то пес заболел да и сдох ни с того ни с сего. Однажды у стен завода неизвестный мужчина сообщил, что земля здесь на восемь метров заражена ядовитыми отходами производства, а потому лучше близко сюда не подходить. Опять же слухи...

Сильнее всего напугало то, что дыры в ограде зачем-то спешно залатали, ворота перекрыли, а у входа снова появилась охрана. Реальная, не из области слухов. И наконец, на дверях подъездов ближних домов появилось предупреждение, текст которого привожу полностью: «Санэпидстанция предупреждает! Товарищи родители! Не разрешайте детям играть на территории бывшего завода драгметаллов (ул.Ибрагимов, д.6-а). Территория и стены загрязнены кислотами, щелочами, редкоземельными элементами (ртуть, свинец, кадмий и т.д.). Возможны тяжелые отравления».

Относительно таинственного «т.д.» судить не берусь. Что же касается перечисленных выше веществ — загляните в справочники. Или проконсультируйтесь со специалистами. Вы узнаете, например, что смертельная доза ртути (сулемы) для человека составляет всего полграмма.

Когда же лукавила районная санэпидстанция, Г.А.Баранова в частности, — когда расклеивала тревожные предупреждения или когда уверяла меня в том, что развалины завода, пахнущие «химией», абсолютно безопасны или опасны «несильно»? И если они все же безвредны, то кого все эти годы потихоньку подтраивал бывший завод?

О школе, что по одну сторону завода, через забор от него, — упомянуто выше. По другую сторону, вплотную к забору, расположен Московский техникум электронных приборов. Напротив, чуть наискосок через узкую улицу, — детский сад-ясли. Неподалеку Дом ребенка и еще две школы — общеобразовательная и музыкальная. Через дорогу — профессионально-техническое училище. Чуть подальше — еще два детских сада, поликлиника. И везде вокруг — магазины, жилые дома.

Надо или нет восстанавливать на испоганенном этом месте церковь или строить школу, как запланировано, — решать специалистам. Безошибочны ли, справедливы ли, да и проступравды и верения в полной экологической безопасности территории — как определить?

Средства массовой информации, Госкомстат СССР ошеломляют нас цифрами. По продолжительности жизни мы где-то в конце полусотни, после Шри-Ланки, находимся, смер-

ность угрожающе растет. На наше здоровье влияет даже истощение озонового слоя, не говоря о вещах вполне земных: о нитратах и пестицидах уже не только в плодовоовощной продукции, но и в мясе, колбасе, даже в детском питании. А зловещая тень Чернобыля, неумолимо витающая над нами? А СПИД? И прочее, прочее, прочее.

Если бы мы могли рассчитывать хотя бы на медицину, которая в случае беды явится и спасет! Но, люди грамотные, знаем, что затрачивает страна в год на здравоохранение от силы 28,1 миллиарда рублей. Почти в 14 раз меньше, чем США. Хотя они считают, что их 390-миллиардный годовой бюджет здравоохранения недопустимо мал и планируют к концу века увеличить его. Выходит, нашему нищему здравоохранению не под силу каждого из нас защитить, восстановить утраченное здоровье, а когда требуется — спасти.

Понятно, что бывший завод драгметаллов ни со СПИДом, ни с Чернобылем не сравнишь. Слава богу, не те масштабы. Может, он и впрямь опасен «несильно». И тысячи ему подобных объектов, удобно расположившихся посреди жилых микрорайонов больших или маленьких городов, тоже опасны так себе, слегка. Но если все их сложить вместе?.. Что станет с нами?

Раиса ФИРСТОВА

КОМПЕТЕНТНОЕ ИНТЕРВЬЮ ПО ПОВОДУ «ТАЙНЫ РАЗРУШЕННОЙ ЦЕРКВИ»

Самым первым, не считая сотрудников редакции, статью Раисы Фирстовой прочитал председатель постоянной комиссии по экологии и рациональному использованию природных ресурсов Моссовета Андрей Николаевич Фролов.

— Про конкретную церковь сказать ничего не могу, — откровенно сказал этот хорошо осведомленный человек. — Знаю только, что подобных заводов в Москве много. И все они, как правило, засекречены. У нас пока руки не дошли, чтобы их рассекретить. А что касается вреда, который некоторые из них источают, то это делают не только они. В Москве вообще жить вредно. Тут жить нельзя. Нет ни одного экологически чистого района, за исключением, пожалуй, Ясенева и Северного Тушина. Во всех остальных очень высока ПДК — предельно допустимая концентрация вредных веществ.

Корр.: В газетах регулярно печатают экологические сводки: в таком-то районе — такой-то радиационный фон, вредных веществ — столько-то... И все вроде «в пределах нормы».

Фролов: Там печатают правду. Но в тех сводках говорится о состоянии воздуха. Одной атмосферы. А существуют еще вода, еда. Воздух — не главный показатель здоровья города. Мы не знаем состава воды и пищи. Московские

предприятия, выпускающие съедобное, не всегда доступны городской санитарно-эпидемиологической службе. Как, впрочем, и все другие предприятия, расположенные в Москве. Они, в основном, ведомственного подчинения и допускают только «своих» экспертов. Мы сейчас стремимся устранить «двойное подчинение» самой ГорСЭС, которая является московской лишь отчасти, а подчиняется 3-му Главному управлению Минздрава СССР. Нынешняя ГорСЭС станет подчиняться нашей санитарной службе. С новой организации и можно будет со всей строгостью выскать за заводы, отравляющие атмосферу, воду и пищу.

Корр.: Новая СЭС способна будет сделать Москву экологически безвредной для человека?

Фролов: Экологически сносной. Санитарная служба пока еще бессильна перед ядерными реакторами. Потребовалось решение Президиума Моссовета о закрытии девяти из них. Санитарной службе такие решения не под силу.

Корр.: А много ли в Москве таких реакторов?

Фролов: Объявили, что в Москве и Московской области их около двадцати, но, думается, что их гораздо больше.

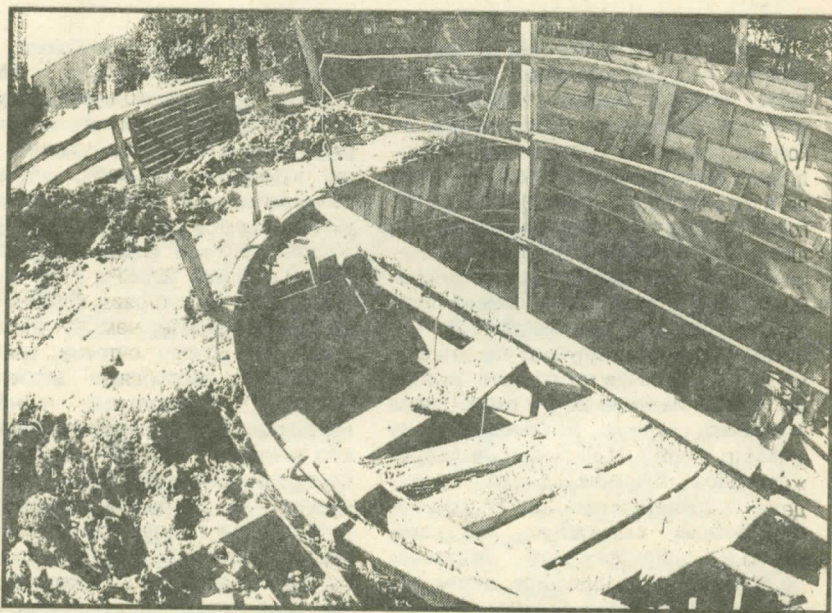
Корр.: Очень пессимистичное интервью.

Фролов: Вы просили высказать мнение о статье. Статья на более веселые размышления не наводит.

Елена БОЛДЫРЕВА

ТО ЯМА, ТО КАНАВА

Фото Э. Курьяникова

Москвичи учатся ходить по улицам по-новому. Смотрят не в даль, а под ноги. Как в лесу. Улицы, переулки и закоулки перекопаны так, как было тогда, когда Москва еще строилась. Но тогда, видно, в Москве еще не жили. А теперь живут. Перекопаны до неузнаваемости переулки Сретенские, улица Герцена... Есть такие ямы, куда для спасения человека кидают канат. Яма на улице Маленковской, возле дома 28, как раз такая: очень глубокая. В нее заглядываешь, как в деревенский колодец.

Яма на Маленковской вообще-то не одна. Это целый комплекс по какой-то сложной схеме вырытой земли. Представьте, там две ямы-колодца, глубины метров по восемь, между ними развороченный асфальт, горы земли, а вокруг установлен забор. В доме 28 шесть подъездов, по краям дома оказалось по колодцу, и из второго, третьего, четвертого и пятого подъездов люди выходят... прямо в забор. А там, за этим забором, куски асфальта, взрытая земля, валяется даже какая-то чудная техника, с помощью которой строители когда-то углублялись в землю.

Представили? Ямы на Маленковской — очень старые. Их вырыли два с половиной года назад. Если бы всего год, никто бы не жаловался. Мы к ямам привычные, как к очередям. Но два с лишним года — это все-таки срок, даже для ям. Яма же. Углубление в земле! Это же опасно для жизни! Два глубоких колодца у самого жилого дома!

В ямы постоянно набирается-просачивается вода — видимо, из под-

земной речки, ныне засыпанной, и озера, тоже давно погребенного. Из-за этих особенностей бывшего маленковского ландшафта приходится постоянно откачивать воду насосами. Но при этом — внимание, это важно! — вместе с водой отсасывается и грунт. Два года и несколько месяцев! Прямо из-под фундамента. Дом-то шестиподъездный, густо населен людьми! Люди бегают, прыгают, передвигают мебель... Вы уверены, что дом не рухнет? В Москве, на Маленковской! Номер двадцать восемь!..

Я перегнулась через забор и заглянула в мрачное нутро колодца. Может быть, эти ямы просто забыли засыпать? К забору подошел мужчина.

— Когда засыпете? — спросил он, приняв меня за большого начальника. — Скоро от вашей трубы ничего не останется. По ней ребятишки целыми днями от подъезда до подъезда лазают и кошек ловят. Строители!

Я вновь заглянула в яму и тут увидела, что из стены колодца действительно высовывается край здоровенной трубы, идущей вдоль дома. Ее зачем-то уложили, края высунули в колодец — и ушли.

Но это по мнению жильцов «зачем-то». На самом деле происходящее на Маленковской называется строительством канализационного коллектора и водопровода. Неразумные жильцы не понимают, что это забота о них же самих: строители заранее, не дожидаясь пока поизносившиеся за двадцать с лишним лет трубы откажут, готовят для обитателей двад-

цать восьмого дома новенькую систему. А то, что канализационно-водопроводная забота растянулась почти на три года, объясняется объективными причинами. И уважительными.

Анатолий Иванович Ефимов, создатель и хозяин ямы на Маленковской, может их перечислить. В Московском государственном тресте горнопроходческих работ № 3, который он возглавляет, не хватает то рабочих, то техники, то материалов. В данном случае материалы — это те самые трубы, которые высовываются из стенок колодца. Продлить их пока нет никакой возможности, а без этого, естественно, яму засыпать нельзя.

А она тем временем дорожает. Каждый день на десятку. Таков размер штрафа, налагаемого на зодчих котлована Сокольническим райисполкомом.

— Полнейшая безответственность! — восклицает Евгений Евстафьевич Черный, начальник административной инспекции райисполкома. — У нас полрайона разрыто, а у строителей одна отговорка: этого нет, того нет... А ведь на то, чтобы производить земляные работы, прежде всего требуется разрешение Мосгорисполкома и выдается соответствующий ордер. В нем записано, что организация, которая производит копательные работы, располагает для этого необходимыми материалами, техникой и рабочей силой. Руководители подписываются под этими словами, у них якобы все есть. А потом выясняется, что это — обман!

СКОРО СВЕТА НЕ БУДЕТ

Сотрудники Государственного комитета СССР по статистике поняли причины отсутствия в магазине лампочек. Во-первых, начиная с 1985 года лампочек выпускали все меньше и меньше: с 1 миллиарда 295 миллионов штук дошли до 1 миллиарда 90 миллионов. Но, поскольку правительство сократило внебюджетные фонды, предприятия, организации и учреждения кинулись покупать лампочки в магазины. И — скупили. Это во-вторых.

В марте 1990 года перебои в продаже лампочек торговые корреспонденты наблюдали в каждом десятом городе, а уже в сентябре — в каждом пятом.

«Во многих городах, — пишет заместитель председателя Госкомстата СССР Н.Белов, — при поступлении в продажу электроламп в магазинах образуются очереди, реализация их осуществляется в течение нескольких часов. Так, в Ленинграде из десяти видов ламп в продаже было лишь два, причем их хватило на полчаса торговли. В Тбилиси только в одном магазине из трех обследованных были в продаже в течение четырех часов лампочки трех видов. В Кустанайе, Талды-Кургане, Кишиневе, Таллинне, Николаеве, Симферополе, Черновцах, Киеве, Житомире, Полтаве, Львове, Риге лампочки в дни обследования в продажу вообще не поступали».

В 1991 году намечено, оказывается, пустить в продажу и вовсе 1 миллиард лампочек — столько, сколько давали на прилавок в 1974 году.

ВОРОВСТВО НА ПОЧТЕ

Мало кто знает, что на почте воруют не только бандероли и посылки, но и деньги, которые мы доверчиво переводим друзьям и родным. В прошлом году на почте в этом смысле сложилось прямо-таки катастрофическое положение. В Эстонии, утверждает Госкомстат СССР, утрат и хищений почтовых отправлений стало в 32,2 раза больше, чем в 1989 году!

Утраты наших почтовых приветов исчисляются в рублях. Подозреваем, что не в тех рублях, в какие оцениваем посылки и бандероли мы сами, а в тех, в какие оценивают их скупые связисты. Во всяком случае в 1990 году почтовые отправления, не дошедшие до получателя, оценивались в 790 200 рублей, а неполученных денежных переводов было ровно 359 000.

«Министерство связи СССР не обеспечивает сохранность почтовых отправлений и переводных средств», — считают в Госкомстате. В «Столице» с этим мнением горячо согласны.

ПОДКОРМИТЕ ЖИВОТНЫХ!

«Значительным резервом увеличения производства мяса является более эффективное использование пищевых отходов», — считают в Госкомстате СССР.

9,5 миллиона тонн пищевых отходов с предприятий общественного питания, из санаториев, домов отдыха, детских садов, школ плюс 1,4 — 1,6 миллиона тонн из магазинов и со складов могли бы ежегодно способствовать получению 300 000 тонн

свинины. Но пищевые отходы со стола советского человека почти не идут на корм скоту: в 1989 году животные съели меньше половины расчетного количества — 4,1 миллиона тонн. Повсюду, во всех республиках, сбора съедобных отходов фактически не ведут. А ведь на сбор пищевых отходов установлен план.

Иногда собранные с большим трудом отходы приходят в негодность из-за негодных способов хранения, и их вывозят на свалку. В Киргизии, например, в позапрошлом году местному скоту по этой причине не досталось 53 процента вкусной и здоровой пищи от запланированной.

МЫЛО И ПОРОШОК

Госкомстат СССР уверяет, что в недавнем прошлом мыла в Советском Союзе варили больше, чем в США, Великобритании и Франции, вместе взятых. В 1989 году на душу населения в СССР приходилось по 5,9 килограмма мыла! В США — 4,4, Великобритании — 5,1, во Франции — всего 3,4, а в Японии и вовсе — 2,2 килограмма.

И в производстве синтетических моющих средств Советский Союз отстал лишь от отдельно взятых США, а другие страны, как прежде, обогнал. Правда, в исчислении на душу населения почему-то остался в втором... от конца месте: всего по 5 килограммов на человека, а последняя в списке Болгария — там 1,4 килограмма. В США — 15 килограммов, во Франции — 20, в Великобритании — 24, в ФРГ — 19...

Госкомстат так и не объяснил, что смыливает наши моющие средства еще до того, как их выбросят на прилавок.

Откуда вообще берутся такие казавные долги? Может, возникают они оттого, что строители стремятся нахватать побольше объектов, лишь бы средства под них получить, а дальше — трава не расти? Поковыряются в канаве, перекинутся на другую: то там не хватает материалов, то сюда оборудование не подвезли... Вот и стала Москва городом незасыпанных канав. Шутка сказать: под началом Анатолия Ивановича Ефимова около сорока таких объектов — попробуйте на все разорваться. Почему канавокопатели так редко навещают Маленковскую улицу? Потому что их срочно перебрасывают на ана-

логичные работы. Но жильцы дома двадцать восемь могут не волноваться: скоро рабочие снова вернутся под их окна — товарищ Ефимов клятвенно это обещал. И потом, товарищи жильцы, в ответ на ваши жалобы он же вам прислал хорошее, теплое письмо, где заверяет, что работы на яме его трест все-таки завершит.

Есть у жильцов этого дома на краю ямы и еще одно официальное письмо — из МПС (дом когда-то строило это ведомство). На вопрос перепуганных людей, не грозит ли их девятиэтажке интенсивное откачивание грунта, заместитель начальника хозяйственного управления МПС Н.А. Алексин

твердо отвечает: «Угрозы для фундамента нет». Хорошо бы. Но он-то почему в этом уверен? Что это — заключение компетентной комиссии? Выводы специалистов? Да нет, просто интуиция товарищей изхозуправления. Действительно, кому придет в голову, что такой крепкий с виду дом может сползти в яму?..

Так что же — вообще землю не копать? Копать, безусловно, копать, прокладывая жизненно нужные народу системы. И чем глубже, тем лучше. Только закапывать быстрее. Чтобы по нашим улицам мы могли ходить легкой, изящной походкой, уверенно глядя вперед...

Александр ГРАДСКИЙ:
 « Я НЕ
 БОРОЛСЯ
 С СИСТЕМОЙ,
 Я ПРОСТАТО ЕЕ
 НЕ ЗАМЕЧАЛ»

Фото И.Флиса

— Вы, как мне кажется, из поездки с Системой вышли победителем. Почему?

— Это случайность — просто время от времени Система давала сбой, и я попал в один из них. Точнее, был момент дозволения: фильм «Романс о влюбленных». Дал мне Бог талант или не дал, судить не могу, но то, чем я занимался, произвело впечатление. Я имею в виду публику, слушателей. Мне позволили стать известным и показаться «на люди».

И вот я стал известным, но режим не понял, что я не буду действовать в его ключе. А когда они разобрались

в том, что я — человек, управляемый ими, уже было несколько поздноватю.

Было два способа тогда со мной совладать. Можно было без конца тиражировать одну и ту же песню «Как молоды мы были» — милую, изящную вещь — и постепенно приучить всех, и меня в том числе, к мысли, что эта песня, собственно, и есть моя вершина, все, на что я способен. Или потихоньку, малыми дозами, допускать меня на телеэкран и радио с моими собственными, довольно острыми вещами, но при этом вырывать их из контекста концерта, намеренно

плохо монтировать.

Оба этих способа использовались грамотно и целенаправленно. Политика по отношению ко мне, надо отдать им должное, проводилась очень умная.

— Были ли случаи, когда Система предъявляла вам свое «лицо»? Я имею в виду людей, которые бы вас вызывали и проводили беседы, советовали, как жить, что петь, ну и так далее.

— Однажды меня вызвали в КГБ. Большую часть разговора составляло выяснение, пою ли я не залитованные тексты. Как я теперь понимаю,

просто нужен был повод для знакомства. Однако более тесное общение не состоялось.

— **Почему, как вы думаете?**

— Им было трудно подловить меня на мелочах — я не пью, не курю, обладаю, как мне кажется, трезвым рассудком. Я достаточно жесток. И... хитер. Ну а кроме того — я никогда не смотрю на человека только как на представителя чего-либо или кого-либо. И поэтому у меня много помощников в совершенно невероятных организациях. Более того, я полагаю, что человек может быть, скажем, начальником и в то же время оставаться вполне порядочным.

— **Вы шутите?**

— Ничуть. Я отдаю себе отчет в том, что со мной могут не согласиться те из сегодняшних интеллигентов, кто пять лет назад спокойно молчал «в тряпочку» и преподавал на всяких кафедр. А сегодня, почувствовав эйфорию от разрешенной свободы, начал быстро продуцировать имидж борцов за свободу.

Большинству демократов свобода досталась легко, они получили ее не после лагеря. Тем же, кому она досталась достаточно непросто, не удалось, за редким исключением, получить даже видимость власти.

Анатолий Щаранский не стал председателем Московского Совета, а Юрий Орлов — Ленсовета.

У нас бывший номенклатурщик Ельцин — выразитель интересов и лидер народных масс. У нас бывший любимец КПСС Травкин — лидер Демократической партии. Впрочем, Попов и Собчак мне очень симпатичны, я ими даже восхищаюсь, они кажутся милыми, интеллигентными людьми. Попов мне напоминает Милюкова.

— **А кого вам напоминает нынешний министр культуры?**

— Он мне напоминает Николая Губенко, решившего сыграть роль министра. Он был и остается превосходным артистом, одним из редчайших артистов-«мужиков».

Сейчас он столь же талантливо пытается воплотить образ министра культуры, стремящегося умиротворить все культурные линии, все течения. Вероятно, он честно заблуждается в том, что на этом посту возможно примирить искусство с властью. И умиротворить искусство само по себе. Что невозможно на самом деле — в принципе, поскольку примирить серость и талант можно, только уничтожив талант.

Человек искусства во многих ситуациях определяется по поступку.

Был Лев Толстой, и было его откровение — «Не могу молчать!». Был Короленко, бесстрашно порицавший революцию и революционеров. А нынешние интеллигенты руководствуются, на мой взгляд, в большей степени соображениями рационального порядка, нежели душевными порывами.

— **Не могу с вами согласиться, потому что призывы и лозунги нынешних интеллектуалов далеко не рациональны. Все дело, как мне кажется, в том, что вынесенные на митинговые транспаранты, растиражированные, они существенно теряют в искренности...**

— Все дело в том, какая душа диктует, какая душа призывает. У меня нет оснований сомневаться в искренности людей, которые по жизни и в искусстве являются моими оппонентами. Я надеюсь на историю, на время — они все расставят по своим местам.

Мы живем крайностями. Чья-то свобода обязательно означает у нас несвободу для кого-то. Но не надо думать, что подобное существует с семнадцатого года. При авторитарном режиме всегда так. Мы как нация, мне кажется, склонны к тому, чтобы иметь над собой правителя. Одного или с дворянством. Конечно, создавать это неприятно — но мы любим, чтобы нами командовали.

Сейчас мы по-прежнему живем самообманом. Уговариваем себя, что жизнь не так плоха; а многие так думают и на самом деле. Мы по-прежнему гордимся тем, какие мы замечательные, что можем жить в таких трудных условиях. Даже когда молока нет, мы изнемогаем от чувства собственного достоинства — дескать, у нас и молока-то с сыром нет, а нам все равно хорошо! В нашей стране повод для гордости найти можно всегда.

— **Вернемся к вашей музыкальной карьере. Сейчас спорят — есть ли русский рок, нет ли русского рока... Между этими полюсами помещена тысяча точек зрения на отечественный рок-н-ролл. До некоторой степени вы — его отец-основатель, и поэтому ваша точка зрения интересна.**

— Я играл рок-музыку с шестидесяти четвертого года. Играл здесь, в Москве. В небольших кабачках, в забегаловках, в кафешках, в институтских столовых, во дворах культуры. Это было серьезное дело. И это был русский язык.

Все, что мы делали тогда, собственно, и послужило основой для того

«безобразия», которое я вижу сейчас. Я хочу сказать, что некоторые достижения групп того времени до сих пор являются ориентиром. То, что сделали отечественные группы середины семидесятых, было всего лишь движением по известным и давно проложенным маршрутам. По этим же маршрутам ходят группы восьмидесятых и конца восьмидесятых; они ничего нового в музыкальном отношении не придумали. И жанр стоит на месте.

Идет развитие индивидуально-стихий. Но чаще стихи, которые я слышу, напоминают мне нечто лозунгообразное. Прекрасно, замечательно, что все это откровенно и от души. Но не все, что от души, является фактом искусства. Душа в музыке должна быть профессионально воспитана.

— **А что есть профессия музыканта?**

— Музыкант — это математический фантазер.

— **Многие ваши коллеги активно занимаются бизнесом. У вас есть свое дело?**

— Нет. Я никогда не занимался бизнесом и никогда не смогу им заняться. Я могу лишь продавать то, что мне Господь дал. Собственное дело — это удобно, у меня всегда так было. Просто оно не было оформлено как государственная структура и существовало само по себе. Сейчас же переход в государственную структуру стал возможным.

Но это не бизнес в общепринятом смысле слова; я просто не создан для этого.

— **Что сейчас удручает вас больше всего?**

— В каком смысле?

— **В политическом.**

— Законотворчество наших парламентариев. В переводе с языка, на котором они общаются, плод их трудов выглядит приблизительно так: если будете делать то, будет эдак, а если будете делать это, то будет так; если же вы пойдете туда, вас там будет ждать премьер Павлов, который уже выпустил подзаконный акт на шестнадцати страницах убогистого текста.

Умея читать — и между строк в том числе, — я не могу понять, как можно включать в закон положения, взаимоисключающие друг друга. Иногда — да простят меня радители нашей юной демократии — у меня создается впечатление, что в Верховном Совете собрались не совсем нормальные люди. И притом каждый из них — с комплексом Наполеона.

Как рассуждает, скажем, нормальный таксист, который везет меня в аэропорт? Он говорит примерно так: «Эх, Санек! Раздали б землю крестьянам!». Он не расшифровывает — как надо раздавать, кому сколько раздавать, в каких ситуациях раздавать, а в каких нет. Это уже дело экономистов, юристов, политологов. Он говорит простые, народные вещи: «Надо раздать!» — и закуривает.

Но этот же самый таксист, уже выбранный в Верховный Совет, взбирается на трибуну и о тех же самых вещах начинает говорить языком экономиста, политолога, юриста, не всегда грамотно соединяя существительные и прилагательные. Если раньше заседания Верховного Совета вызывали эйфорию, теперь они внушают ужас. При этом превосходно чувствуют себя люди, которые, ловко манипулируя сумасшедшими таксистами, протаскивают свои, нужные прежде всего им, идеи.

Они, эти властители, совершенно не понимают, что при имеющейся раскладке дело может кончиться бунтом. Они не учитывают народный гнев. Хотя бунт, сколь бы беспощадным он ни был, ни к чему существенному не приведет. Только к усилению ре-

жима. И выигрыш будет мал — при общей беспощадности.

— **Ваша постоянная включенность в политические реалии не мешает вашему, выражаясь высокопарно, творчеству?**

— Вероятно, вы не поняли, как и чем я живу на самом деле. Я живу в этой квартире отдельно от мира. Вы даже не можете себе представить, насколько отдельно!

— **Ну а звонки, переговоры?**

— Вхожу в контакт на короткое время, а потом опять отключаюсь.

— **Остается, стало быть, Плутарх, академическая история искусств?**

— Даже телевизор остается. «Что? Где? Когда?» или «Поле чудес»... Я выхожу в свет, я смотрю на кого-то, кто смотрит на меня, я общаюсь с замечательными людьми, а потом — нырк! — и сюда. Я замыкаюсь в этой системе.

Выхожу на «гастроли» в свободный поиск чего угодно — иногда колбасы или сыра, иногда — работы. Похожу, как сталкер, принесу колбасу, сыр или идеи вот в это пространство и «опускаю шторы».

Мне не нравится, что звонит телефон, — я его отключаю.

Находясь в компании за столом или гуляя, я могу полностью «заизолиро-

ваться», оставив снаружи только внешние признаки жизни... — **Из чего же она состоит?**

— О! Первый некомсомольский вопрос! Моя внутренняя система регулирует сама себя — кровь подпитывает головной мозг, головной мозг рождает идеи. Когда «шторки опущены», меня можно пытаться, заставляя ответить на вопросы типа: «Кто такой Поллозков?» или «Как вы относитесь к Ельцину?» Я ничего не скажу, потому что в этот момент я не знаю никаких Поллозковых и Ельциных, Гдялянов, Ивановых и так далее.

Вы знаете, чем больше обращаешь внимания на коммунистов, тем они кажутся себе в своих же собственных глазах значительнее. Я стараюсь не доставлять им такого удовольствия.

Бунин, сколько бы желчи на большевиков в «Окаянных днях» ни излил, однако в России всегда издавался. А Набоков, который обронил всего одну фразу о том, что в России кое-как умер Ленин, был долгие годы недоступен читателю.

Поэтому, когда вы спрашиваете — как мне удалось перебороть Систему, говорю — я не боролся с Системой, я просто ее не замечал...

Беседу вела Елена КАРАЕВА

Московская рок-группа «Крематорий» представила в ДК МЭИ две свои пластинки и материал новейшего, уже седьмого по счету, альбома «Зомби». На восьмом году существования «Крематория» (часто сокращаемого до «КРЕМА») фирма «Мелодия» собралась с духом и наконец выпустила почти одновременно два альбома разных лет — «Живые и мертвые» и «Клубника со льдом». Группа, ранее существовавшая в глубоком подполье, получила возможность сама представить публике и журналистам свои старые и новые работы.

— У нас всегда было достаточно «топлива» для того, чтобы «сжигать трупы», — сказал на пресс-конференции лидер «Крематория» Армен Григорян. — Мы никогда не унижались, не подхалимничали, ничего ни у кого не просили. Ну а «трупов» — продуктов разложения нашего общества — хватало всегда.

«Могильная» презентация была двойной: «Крематорий» на собственные средства издал сборник стихов известной рок-поэтессы и журналиста Маргариты Пушкиной (Риты Линн) «Заживо погребенная в роке».

Оформление книги сделано рукой автора в весьма оригинальном стиле.

Несмотря на внешнюю скромность мероприятия (в отличие от размаха Бориса Гребенщикова или остатков «КИНО»), только с ЦТ прибыло четыре бригады, которые постоянно сталкивались за кулисами, а на крошечной сцене ДК МЭИ то и дело закрывали друг другу план. Один из ведущих «Музыкального лифта», Дмитрий Ма-

матов, даже повздорил с оператором «ТСН», хотя основной целью последнего было запечатлеть колоритных клепаных рокеров, а никак не конкурировать в чем-либо с популярной молодежной передачей.

Т.БАЙДАКОВА

фото А.Шилинская

В ТАКИЕ ДНИ
ПОДСЛУШИВАЮТ СТЕНЫ
НЕДАЛЕКО ОТ БОЛТОВНИ
И СПЛЕТНИ
ДО ИЗМЕНЫ.

КГБ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И...

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Карта ГУЛАГа со списком всех лагерей в СССР. В центральной прессе публикуется ВПЕРВЫЕ.
2. Воспоминания близкого друга Юрия Галанскова о жизни и судьбе известного правозащитника.
3. Исповедь З.Крахмальниковой об аресте ее органами ГБ.
4. Правдивая история бывшего сотрудника КГБ о том, как было «сшито» дело на писателя-фантаста Ивана Ефремова.
5. Советы журналиста, как защититься от слежки, подслушивания и других методов «бойцов невидимого фронта».

НЕ БОЛТАЙ!

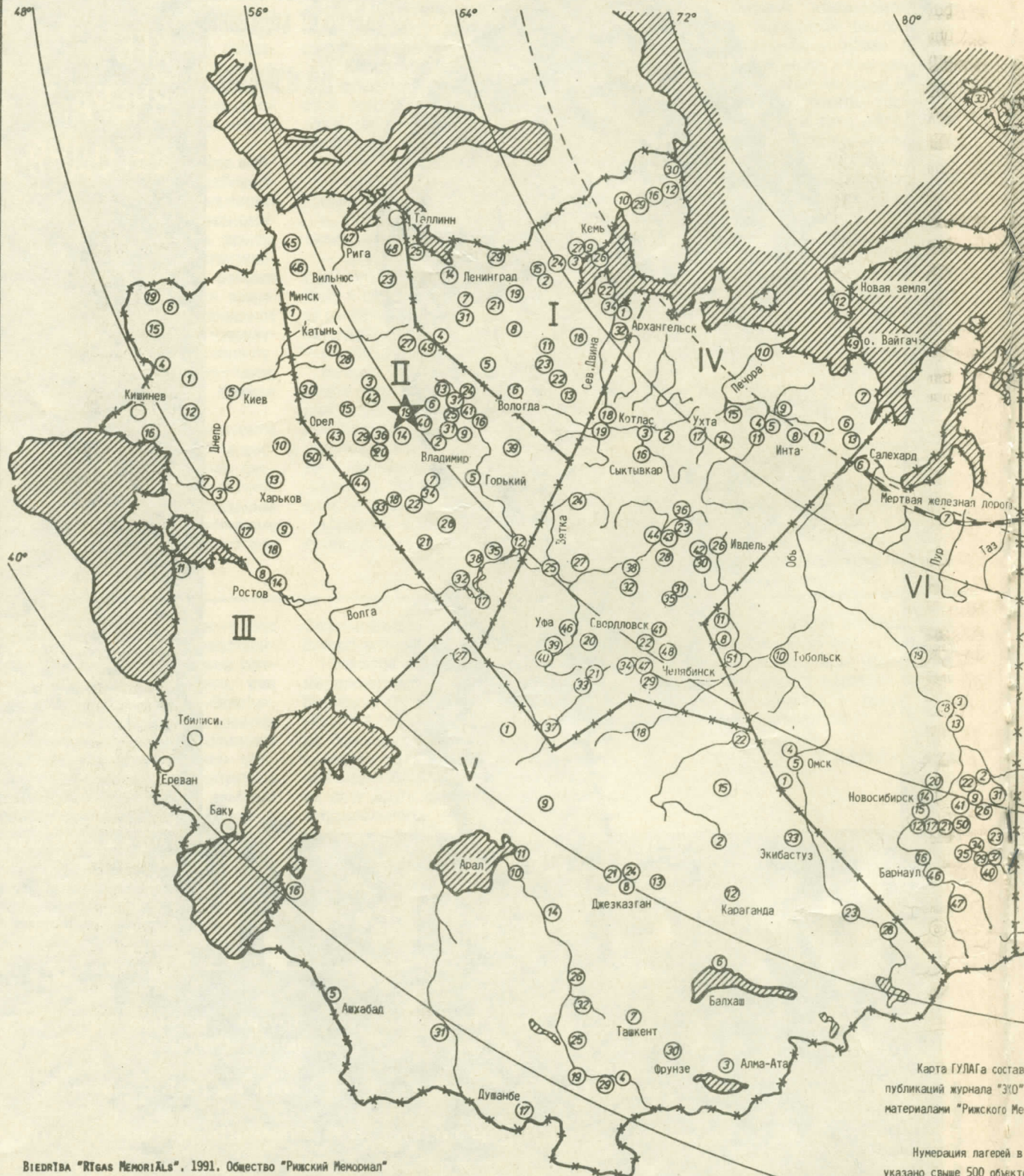
Что такое Ка-Гэ-Бэ? Для одних — лагеря ГУЛАГа, для других — вечный страх, для третьих — анекдот на кухне. А для меня — нечто ирреальное, мощное, вездесущее и, к счастью, пока неосязаемое...

Увы, таких, как я, немного. Гораздо больше тех, для кого Ка-Гэ-Бэ — личное, больное, смертельное...

Выслушаем же их. Чтобы знать. Чтобы понять. Чтобы помнить. Сегодня, завтра и всегда.

Петр СМЕРНОВ

КАРТА

Карта ГУЛАГа состав
публикаций журнала "ЭХО"
материалами "Рижского Ме

Нумерация лагерей в
указано свыше 500 объект

ГУЛАГА

составлена обществом "Рижский Мемориал" на основе
 "СВО" № 1-11, 1990 (авт. В.Н.Комиссаров), дополненных
 "Мемориала". Карта разделена на 10 условных зон:
 в каждой зоне начинается с единицы. Всего в списке
 объектов ГУЛАГА, однако этот перечень далеко не полный...

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ ГУЛАГА

I. СЕВЕРО-ЗАПАД ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

1. Архангельск — концлагерь, создан в 1918 г. в связи с красным террором (Декрет СНК от 5.09.18). В 1922—23 гг. большинство заключенных переведено в СЛОН (см.п.27). После Великой Отеч.войны лагерь опять переполняется, заключенных переводят в спецлагеря.
2. Белбалтлаг — строительство Беломорско-Балтийского канала им.И.В.Сталина (в 1956 г. имя Сталина снято). Управление — в пос.Медвежьегорске.
3. Беломорск — лагерь системы Белбалтлага.
4. Боровичи — ЛП.
5. Вологодск — строительство Волго-Балтийского канала (1936—1941 гг.) и Рыбинского водохранилища.
6. Вологда — пересыльная тюрьма на пути в Архангельск и Соловки; лагерь Кирилло-Белозерск Вологодской обл.
7. Волков.
8. Вытегра.
9. Камурлаг — Карело-Мурманские лагеря, управление в пос.Кемь.
10. Кандалакша.
11. Каргополь.
12. Кола.
13. Кулой.
14. Ленинград. «Кресты» — расстрельная тюрьма, захоронения в Левашово близ Ленинграда.
15. Медвежьегорсклаг.
16. Мончегорск.
17. Нымце — ЛП.
18. Онегалог — управление в пос. Плесецк.
19. Петрозаводск.
20. Петроминск — концлагерь (см.1).
21. Свирылаг — управление в пос.Свирыстрой.
22. Севдинлаг — управление в пос.Вельск.
23. Севдонлаг — строительство ж/д Коноша — Котлас.
24. Сеgezа — ЛП.
25. Силламяэ — ЛП.
26. СКИТЛ — Соловецко-Кемский исправительно-трудовой лагерь.
27. СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения. Первыми заключенными были эсеры (1918 г.), в 1922—23 гг. — пополнение из Архангельска, Петроминска, Холмогор.
28. Сорок-Обозренский лагерь — строительство ж/д Кандалакша — Кучерва.
29. Сортавала — ЛП.
30. Стройка 511.
31. Тихвин — ЛП.
32. Холмогоры — концлагерь (см.1).
33. Остров Франца-Иосифа — ЛП**.
34. Ягринлаг — управление в Северодвинске.

II. СРЕДНЯЯ ПОЛОСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

1. Автодорлаг — строительство шоссе Минск — Москва. Места расстрела близ Минска (Куропата).
2. Владимир — политизолятор, ТОН; до 1955 г. здесь сидели иностранцы, в т.ч. Янош Кадар, Рауль Валленберг и др. С конца 50-х гг. — одна из тюрем с самым строгим режимом для особо опасных «рецидивистов» (например, В.Буковский, А.Марченко).
3. Вязьма.
4. Вятлаг (см.разд. IV-24).
5. Горький.
6. Дмитров — управление Дмитровлага, строительство канала Москва — Волга (около 0,5 млн. заключенных).
7. Дубровлаг — спецлаг, управление в пос. Явас.
8. Елабуга (см.разд. IV-25).
9. Иваново — управление Ивановлага.
10. Ижевск (см.разд. IV-27).
11. Катынь — здесь в 1940 г. были убиты 4143 интернированных польских офицера; 50 лет спустя наше правительство признало, что это — дело НКВД.
12. Казань — ТОН, психтюрьма.
13. Кашин.
14. Клишилаг — управление лагерей.
15. Козельск — один из спецлагерей, где содержались польские офицеры; позже часть из них была расстреляна в Катыни.
16. Кострома.
17. Куйбышев.
18. Моршанск**.
19. Москва — управление Мосстройлага; Лефортовская ТОН; Внутренняя тюрьма НКВД (Лубянка), Бутырская тюрьма и др.

В Москве установлено 10 мест тайных захоронений жертв репрессий 30 — 40-х гг.: Донское, Ваганьковское и Калитниковское, Рогожское, Гольяновское кладбища, холмы близ Новоспасского монастыря и ст. «Левобережная». Только в пос. Бутово захоронено свыше 200 тыс. человек (газ. «Известия» от 20.02.91).

20. Новомосковск.
21. Пенза.
22. Потьма — управление Потьлага.
23. Псков.
24. Рыбинск — управление Рыбинлага.
25. Ростов.
26. Саранск.
27. Селигер — управление Селигерлага, спецлаг для польских офицеров, часть которых позже была расстреляна в Катыни; ракетная «шарашка» (работали немецкие специалисты).
28. Смоленск.
29. Советск.
30. Стародуб.
31. Суздаль — политизолятор (центр), управление Суздальлага (строительство канала Москва — Волга).
32. Сызрань.
33. Тамбов.
34. Темниковские лагеря — лагуправление в пос. Явас.
35. Тетюши.
36. Тула.
37. Углич — политизолятор (центр), с конца 1950-х гг. колония особого режима.
38. Ульяновск.
39. Унжлаг — управление в г. Сухобельске; лесоповал и лесосплав.
40. Ховрино.
41. Ярославль — ТОН, специзолятор; с 1960-х гг. — тюрьма общ.режима; около 2000 заключенных.
42. Юхнов — спецлаг, где содержались интернированные польские офицеры, позже расстрелянные в Катыни.
43. Орел — Орловский центр-политизолятор (здесь в 1941 г. было расстреляно несколько сотен политзаключенных, гл.обр.бывших эсеров (М.Спиридонова и др.). С 1960-х гг. — психтюрьма.
44. Липецк — ТОН.
45. Каунас, 1940—41 гг. — расстрелы.
46. Вильнюс, 1940—41 гг. — расстрелы. Депортации в 1941, 1949 гг.
47. Рига, 1940—41 гг. — расстрелы. Депортации в 1941, 1949 гг.
48. Тарту, 1941 г. — расстрелы. Депортации в 1941, 1949 гг.
49. Болгоее — этап.
50. Курск — расстрелы и место захоронения (30-е гг., юго-зап. окраина, см. газ. «Известия», 9.12.90).

III. ЮГ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

1. Винница — в местной тюрьме летом 1941 г. расстреляны сотни заключенных.
2. Днепропетровск**.
3. Запорожье — лагуправление.
4. Каменец-Подольский — в местной тюрьме, прямо в камерах, летом 1941 г. расстреляны сотни заключенных.
5. Киев — в Броварах (на северо-запад от Киева) захоронения жертв массовых расстрелов 1936—1941 гг., приписывавшихся прежде немецко-фашистским карателям.
6. Львов — массовые расстрелы заключенных в местной тюрьме летом 1941 г.
7. Никополь**.
8. Ростов-на-Дону — лагуправление.
9. Старобельск — спецлагерь для интернированных польских офицеров, позже расстрелянных в Катыни.
10. Сумы**.
11. Темрюк**.
12. Умань**.
13. Харьков — в лесопарке на месте захоронения жертв массовых расстрелов 1936—1941 гг. ныне стоит пансионат КГБ (см. газету «Свобода» N 6, 1990).
14. Новочеркасск** — ТОН.
15. Ивано-Франковск** — ТОН.
16. Одесса — ТОН N 1.
17. Донецк (б.Сталино) — расстрелы и место захоронения (30-е гг., Рутченское поле — см. газ. «Правда», 4.07.89).
18. Луганск (б.Ворошиловград) — расстрелы и места захоронения (30-е гг., окраина «Сучья балка» и парк «Дружбы народов» — см. газ. «Известия», 21.03.90 и газ. «Правда», 28.09.90).
19. Дрогобыч — расстрелы в тюрьме НКВД (см. газ. «Известия», 23.09.90).

IV. УРАЛ

1. Абезь, пос. — управление лагерей Абезь-Интлага. Предположительно заключенных использовали на строительстве ж/д Печора — Воркута.

2. Вожаель, пос. — управление лагерей Вожаельлаг.
3. Усть-Вымлаг.
4. Воркутпечлаг.
5. Печоржельдорлаг.
6. Воркутлаг — заключенных использовали на угольных шахтах и в строительстве. Лагунтакты Воркутлага: пос. — шахта Аяч-Яга; пос.Воргашор; г.Воркута (семь ЛП, заключенных использовали на строительстве), шахта Воркутинская; ДОЗ (ЛП на окраине Воркуты), пос.Заполярный (три ЛП); шахта Заполярная (два ЛП); пос.Заречный (вблизи Воркуты), пос. Кирпичный; шахта Комсомольская; пос.Комсомольский; пос.Мульда (два ЛП), Новый квартал (два ЛП на окраине пос.Воргашор), шахта Промышленная; пос.Промышленный; Рудник (микрорайон-ЛП в Воркуте), шахта Северная; пос.Северный; Строительный (ЛП на окраине пос.Воргашор), Тундровый (ЛП на окраине Воркуты), ТЭЦ-1 (ЛП в Воркуте); ТЭЦ-2 (ЛП вблизи пос.Северного), пос.Цемзаводский; шахта Центральная; пос. — шахта Юр-Шор (два ЛП); шахта Южная.
7. Речлаг — спецлагерь* (по данным ж-ла ЭКО, N 10, 1990, Речлаг существовал на самой Воркуте, состоял из лаготделений (не менее 9-ти) и отдельных ОЛП при шахтах (не менее сорока). Численность заключенных (единовременная) — около 60 тыс.человек.
8. Инталаг — заключенных использовали на шахтах (лесоповале)?.
9. Минлаг — спецлагерь*. По данным ж-ла ЭКО, N 10, 1990, — Минеральный, собирательное название 5 комбинатов — Норильск, Воркута, Инта, Ухта и Апатиты (Хибины).
10. Нарьян-Мар**.
11. Печорлаг — лагеря Печорского угольного бассейна.
12. Новая Земля — спецлагерь*.
13. Севудальлаг*.
14. Ухтасанлаг*.
15. Ухтижмлаг — заключенных использовали на лесоповале.
16. Сыктывкар — ЛП.
17. Ухтепчлаг — заключенных использовали на строительстве ж/д Ухта — Печора.
18. Котлаг — заключенных использовали на лесоповале.
19. Севжелдорлаг — строительство жел.дор.
20. Аша — ЛП.
21. Верхнеуральск — ЛП; политизолятор.
22. Верхний Уфалей — ЛП.
23. Вишерлаг — на р.Вишера.
24. Вятлаг — управление лагерей в г.Кирове, пересыльная тюрьма, лесоповал.
25. Елабуга — ЛП.
26. Ивдельлаг — шахты.
27. Ижевск — ЛП, строительство и лесоповал.
28. Кизел — ЛП.
29. Копейск — ЛП, шахты и строительство.
30. Красноуральск — ЛП.
31. Красноуральск — ЛП.
32. Кунгур — ЛП.
33. Магнитогорск — ЛП, строительство.
34. Миасс — ЛП, строительство и химзаводы.
35. Нижний Тагил — строительство.
36. Нырблаг.
37. Орск — ЛП, шахты и строительство.
38. Пермьлаг.
39. Стерлитамак — ЛП, строительство.
40. Салават — ЛП, строительство.
41. Свердловск — ЛП, строительство.
42. Североуральск — ЛП.
43. Соликамск — шахты, строительство.
44. Усольлаг — шахты.
45. Уральск (см.разд. У-27).
46. Уфа — ЛП, строительство и химзаводы.
47. Челябинск — ЛП, строительство, хим. и металлургич. заводы, спецлагерь и спецкомендатура для советских немцев, политизолятор; близ города в шахтах «Золотой горы» («Золотой лог?») — места расстрелов и захоронений в 30-е гг. (порядка 100 тыс.чел. — см.газ. «Правда» от 21.09.89).
48. Каменск-Уральский — ЛП, хим. и металлургич. заводы, строительство.
49. Вайгач, остров — ЛП.

V. КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

1. Актюбинск — ЛП, строительство, химзавод.
2. АЛЖИР — акмолинский лагерь жен изменников Родины, вблизи нынешнего Целинограда.
3. Алма-Ата — ЛП**, строительство, политизолятор.
4. Андиджан — ЛП**, строительство.
5. Ашхабад — ЛП**, цементные карьеры, ТОН.
6. Балхашлаг — управление лагеря в г.Балхаш*, медные рудники, строительство; места расстрелов.
7. Джамбул — ЛП, добыча гипса, цемента.

8. Джекзаканлаг — марганцевые и медные рудники, строительство, металлургический комбинат.
9. Иргиз — ЛП.
10. Казалинск — ЛП, кирпичный завод.
11. Камышлаг — спецлагерь: все спецлагеря образованы в 1948 г. специально для политзаключенных, отличались особо жестким режимом — работа без оплаты и выходных, в нерабочее время содержание в зарешеченных бараках под замком, на одежде нашиты номера, переписка ограничена двумя письмами в год.
12. Карлаг — управление лагеря в пос.Долинка, добыча угля, цветных металлов, сельхозработы, создан в 1932 (1930?) году.
13. Кингир — ЛП спецлага*, восстание в 1954 г.
14. Кызыл-Орда — ЛП**.
15. Кокчетав — ЛП.
16. Красноводск — ЛП, строительство, химзавод.
17. Курган-Тюбе — ЛП**.
18. Кустанай — ЛП**.
19. Ленинабад — ЛП, строительство канала.
20. Луглаг — спецлагерь*.
21. Песчанлаг — спецлагерь, марганцевые и медные рудники, горно-металлургич. комбинат.
22. Петропавловск — ЛП*, этап.
23. Семипалатинск — ЛП.
24. Спецлаг — спецлагерь*, горно-металлургич.комбинат, управление в Джезказгане. Восстание в этом лагере описано А.И.Солженицыным в сценарии «Знают истину танки!» («Дружба народов», N 11, 1989).
25. Ташкент — ЛП**, ТОН.
26. Туркестан — ЛП.
27. Уральск — ЛП.
28. Усть-Каменогорск — ЛП, шахты свинцово-цинковых, полиметаллических руд, строительство горно-металлургических комбинатов, работа на них.
29. Фергана — ЛП, строительство, химич. и цементный заводы, жел.-бетон.изделия.
30. Фрунзе — ЛП**.
31. Чарджоу — ЛП**.
32. Чимкент — ЛП**.
33. Экибастуз — ЛП, угольные разрезы, золотодобыча, строительство.
34. Ташауз — места расстрелов и захоронений (см.газ. «Известия», 14.12.89).

АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ ГУЛАГА

VI. ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

1. Алтай — лагерь на границе Омской обл. и Казахской ССР*.
2. Асино, пос. — Томско-Асинское управление лагерей.
3. Березово** — лагерь, предположительно — в низовьях р.Оби.
4. Омлаг — лагерь примерно в 5 км вверх по р.Иртыш от Омска.
5. Омск — управление лагерей.
6. Салехард, пос. — лагерь**.
7. Строительство ж/д Салехард — Игарка. Дорога не построена — «Мертвая дорога».
8. Тавада — лагерь, предназначен для повала и сплава леса. Дно нижнего течения р.Тавды покрыто затонувшей древесиной (по данным 1964 г.).
9. Тайга — лагерь. Кемеровская обл.
10. Тобольск — лагерь. Политизолятор.
11. Тура — лагерь*. (Нижняя Тунгуска? Свердловская обл. — Богословлаг, Туринские рудники?).
12. Дзержинский, пос. — лагерь. Новосибирская обл., Искитимский р-н.
13. Колпашево, пос. — лагерь. При ликвидации лагеря заключенных расстреляли. Расстрелы проводились в овраге, примыкавшем к берегу р.Оби. — См.публикации в газ. «Молодость Сибири» (29.04.89) и «Правда» (11.05.89).
14. Кольвань, пос. — женский лагерь.
15. Кривошековские лагеря N 5, 6, 7 — использовались для строительства левобережной части Новосибирска.
16. Куета — лагерь, примерно в 5 км западнее Барнаула. Пересыльный пункт.
17. Ложок, пос. — ОЛП N 4. Новосибирская обл., Искитимский р-н.
18. Нарым — место ссылки кулаков Западносибирского края (Томской, Новосиб. и Кемеровской обл. и Алтайского края), за период 1930—33 гг.
19. Остров — на р.Оби около пос.Александровское. На этом острове находится очень много человеческих костей. Местные жители называют его островом смерти. Из разговоров предполагается, что поздней осенью (год не установлен) была завезена полная баржа совершенно немощных людей, которые в одну зиму скончались.
20. Пихтовка, пос. — лагерь на севере Новосибирской обл.
21. Саплаг — лагерь, Новосибирск обл., Искитимский р-н.
22. Томсклаг — лагерь жен врагов народа; близ Томска и в центре

города — массовые захоронения — место гибели известного поэта Н.Клюева (см.газ. «Наука в Сибири», 17.11.89).

23. Бекет — лагерь.
24. Воскресенка — лагерь.
25. Горношорские лагеря — строительство ж/д до станции Таштагол Кемеровской обл.
26. Кемерлаг — ИТЛ в Кемерово, использован на строительстве химвкомбината.
27. Кольгон — лагерь-высел. Для заключенных были и спец.выселки, где они могли работать без конвоя — «расконвойка».
28. Котовский — женский лагерь. Совместное содержание политических и уголовников.
29. Кузнецлаг — лагерь использован для строительства металлургич. комбината в г.Сталинске (ныне Новокузнецк).
30. Майск-1, Майск-2 — лагеря.
31. Марининск — Сибирское управление лагерей особого назначения (СибУЛОН). В этом управлении был ИТЛ для инвалидов.
32. Новоивановка — лагерь.
33. Новый свет — лагерь.
34. Прокопьевск — места расстрелов.
35. Сосновка — места расстрелов.
36. Спасск, пос. — лагерь золоторудного прииска.
37. Сталинск (ныне Новокузнецк) — трудовая толстовская колония «Жизнь и труд».
38. Тисуль, пос. — места расстрелов.
39. Чумай — места расстрелов.
40. Южжубаслаг — управление лагерей в Сталинске.
41. Юрга — пересыльный лагерь, места расстрелов.
42. Ягуновка, пос. — места расстрелов.
43. Яялаг — женский ИТЛ. Использован на лесозаготовительных работах. Существовал уже в 1931 г. Управление размещалось в г.Яя.
44. Яя — управление лагерей. Кемеровская обл.
45. Аламбай, пос. — лагерь, Алтайский край.
46. Боровлянка (или Сосновка), пос. — лагерь, Алтайский край.
47. Кзыл-Озек — пересыльный лагерь, размещался в бывшем женском монастыре в Горно-Алтайске.
48. Письяново, пос. — лагерь, Алтайский край.
49. Сектелет — лагерь на р.Белая, Алтайский край*.
50. Чудиновка, пос. — лагерь образован еще в 1931—33 гг. Новосибирская обл.
51. Тюмень — лагерь.

VII. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

1. Абакан — множество ЛП, шахты, лесоповал.
2. Ангарлаг — управление лагерей в г.Братске.
3. Богучаны — ЛП, лесоповал.
4. Бодайбо — система ЛП, прииски, лесоповал.
5. Братсклаг.
6. Букача — ЛП, шахта.
7. Горлаг — спецлаг (система спецлагерей создана в 1948 г.), более 20 ЛП. Управление в Норильске. Шахты, рудники, строительство и обслуживание города, аэропорта и железной дороги.
8. Джида — ЛП, лесоповал, рудники.
9. Диксон — ЛП.
10. Заярск — ЛП, лесоповал, рудник.
11. Игарка — ЛП, лесоповал, лесобиржа.
12. Иркутлаг — управление лагерей.
13. Канск — ЛП, строительство и обслуживание нефтепровода.
14. Контакт — лагерь на севере Таймыра*.
15. Краслаг — ЛП обозначались буквами «Л», «М», «П» и т.д. Основной контингент — латыши (18 тыс.), депортированы в 1940, 1945—50—53 гг. Подземные каторжные работы.
16. Кызыл — ЛП, шахты.
17. Минусинск — ЛП, сельское хозяйство (?), золото (?).
18. Нориллаг — создан в конце 30-х гг. Строительство города, поселков, аэропорта, ж/д, заводов; горно-металлургич. комбинат (начальник лаг.управления — зам.дир.комбината).
19. Озерлаг — спецлагерь, управление в Тайшете (?), лесоповал.
20. Подкаменная Тунгуска — ЛП, прииск (?)*.
21. Решоты — ЛП*.
22. Рыбаклаг — лагеря на севере Таймыра*.
23. Таймыр — ЛП вблизи оз.Таймыр*.
24. Тайшетлаг — начало западной системы БАМлага.
25. Туруханск — ЛП, лесоповал (?).
26. Улан-Удэ — ЛП, строительство, деревокомбинат (?).
27. Устье Енисея — ЛП (?).
28. Черемхово — лагерь в системе БАМлага*.
29. Чита — пересыльный лагерь; временные ОЛП от лагеря в Находке — для обслуживания и ремонта ж/д.

VIII. ЯКУТИЯ

Все отмеченные ниже пункты — не отдельные поселения, а целые «созвездия» лагерей, лагпунктов и «командировок».

1. Алданстрой.
2. Биндажит.
3. Верхоянск.
4. Вилуйск.
5. Витим.
6. Жиганск.
7. Зырянка.
8. Индигирское*.
9. Кюсюр.
10. Нордвик.
11. Олекминск.
12. Тикси.
13. Усть-Миль.
14. Якутск.
15. Янское.

IX. ЮЖНАЯ ЧАСТЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1. Амурлаг — строительство в Комсомольске-на-Амуре.
2. Бамлаг — строительство БАМа от Тайшета до Ванино (?), управление в г.Свободный.
3. Биробиджан — ЛП, строительство шоссе. дорог.
4. Благовещенск — ЛП, строительство, ТОН.
5. Буржеддорлаг — лагеря по р.Бурея, управление на ст.Известковая, ДВЖД.
6. Ванино — управление Нижамурлага, строительство ж/д Комсомольск-на-Амуре — Ванино (советские заключенные и японские военнопленные).
7. Владивосток — пересыльные лагеря, формирование этапов на Колыму и Чукотку. Временами заключенных скапливалось так много, что они сутками стояли на портовых площадях плотную друг к другу. Перевозили их кораблями «Дальстрой», «Джурма», «Новострой», «Ногин», «Чукотка», «Индигирка». Близ Владивостока в лаг. карантине в р-не Второй Речки место гибели О.Мандельштама (30.12.38).
8. Златоустовсклаг (Селемуджинский р-н) — золотодобыча.
9. Известковая — управление Буржеддорлага и Нижамурлага (?).
10. Комсомольск-на-Амуре — управление Амурлага, ЛП Нижамурлага.
11. Магдагачи — ЛП.
12. Огоджалаг (Селемуджинский р-н) — золотодобыча.
13. Оха-Пильтунлаг — строительство дороги на Сахалине.
14. Оха-Победино — ЛП Оха-Пильтунлага.
15. Приморлаг*.
16. Раздольная — ЛП, обслуживание складов.
17. Сагурлаг (Селемуджинский р-н) — золотодобыча (?).
18. Сретенск — управление лагерей, рудники, полиметаллы (?).
19. Стрелка N 506 — тоннель мыс Лазарева — о.Сахалин (не завершена и затоплена).
20. Сучанлаг — управление в г.Партизанске.
21. Токурлаг (Селемуджинский р-н) — золотодобыча (?).
22. Удон — ЛП.
23. Ургал — ЛП, угольные шахты.
24. Уссурийск — ЛП.
25. Хабаровск — ЛП.

X. ДАЛЬСТРОЙ (КОЛЫМА, ЧУКОТКА, ЯКУТИЯ)

1. МАГАДАН — резиденция Управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ, Севвостлаг). Управление подчинялись 11 лаготделений: Южное, Юго-Западное, Северное, Западное, Чай-Урынское, Индигирское, Тенькинское, Омсукчанское, Чайун-Чукотское, Чукотстройлаг, Янское и спецлагерь — Берлаг. Далее список лагерей представлен в порядке их размещения вдоль Колымской трассы Магадан — Оротукан — Дебин — Ягодное — Сусуман — Адыгалах — Орто — Балаган и вдоль других дорог и рек.

ЮЖНОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

2. Оротукан — лагуправление, женский пересыльный лагерь, 3—43. Атка (женский лагерь, мужская пересылка), Хета, Мкит, Днепровский, Берекгал, Арарат, Талая — ЛП, Купка — женский лагерь, Красная Речка — ЛП, Стрелка — женский лагерь, Гербо, Экспедиционный, Нербга, Горный, Загадка, Кинжал, Верх-Таежный — ЛП, Аннушка — женский лагерь, Радужный, Вертинская, Среднекан, Становая, Геологический, Борискин, Усть-Среднекан, Котел, Золотистый, Ниж.Золотистый, Разведчик, Спорное, им.Пятилетки, Ударник, Ниж. и Верх.Ударник, безымянные ЛП.

ЮГО-ЗАПАДНОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

44. Сеймчан — управление, ЛП.
- 45—50. Искра, Эльген, им.Пятилетки, Лазо, Чапаева, Балыгчан — ЛП по р.Сеймчан и Балыгчан.

СЕВЕРНОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

51. Ягодное — управление, ЛП.
- 52—82. Дебин (женский и детский лагерь, мужская пересылка),

Майоры — ЛП, Эльген (женский и детский лагеря), Мылта, Таскан — женский лагерь, Туманный, Дикий, им.Горького, Замечательная, Глубокий, Беличье, Ключная, Хатынахский, им.8 Марта, Штурмовой, Верх- и Ср.Штурмовой, Челюскин, им.Водопьянова, Нижний Хатынах, Лесная, Ниж.Буркала, Буркала — лагунки, Джелгала (мужской лагерь, женская пересылка), Перевальная, Верх.Дебинск — ЛП, два безмянных ЛП.

ЗАПАДНОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

83. Сусуман, лев.берег р.Берелех — управление, прав.берег — ЛП.
84—119. Лукин, Куранах, Суроваз, Берелех, Бурталдинский, Топкын, Скрытый, Мальдах, Стахановец, Ударник, Светлый, Буйдычанский, Надежда, Теплый, Сусмачан, Биликан, Кадыхчан (ныне Мянунджа), Аркагала, Арзо, Кондр-Дья, Мироваз, Грязный, им.25 Октября, Почтовая, Худжа, Аммональная, Трубная, Тамгелен, Дальний, Озерный, Орлиная, Делякир, Лузоваз, Спокойная — ЛП, плюс несколько безмянных ЛП.

ЧАЙ-УРЬИНСКОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

120. Нексикан — управление, ЛП.
121—142. Челбанский, Дорожная, им.Фрунзе, Инвалидная, Чай-Урьинский, им.Чкалова, Большевик, Комсомолец, Октябрьский, Дочикалах, Тухайнка, Амгыей, Адыгалах, Аян-Юряжский, Курбилах, Куранах-Ола, Кубалах, Санга-Куель, Кач-Тах, им.Сталина.

ИНДИГИРСКОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

143. Усть-Нера — управление.

ТЕНЬКИНСКОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

144. Усть-Омчуг — управление.
145—181. Хасын-Узоль — ЛП, Палатка — женский и мужской лагеря, Мадаун, Армань, Бахапча, Хилгыча, Детрин, Сакга-Толон, Ветренный, Бутыгычаг, Горняк, Кармен, им.Чапаева, Таганка, Эрика, Бургагы, Дусканья, Колымский, Старый Оротук, Клин, Игуменовский, Махопан,

им.Буденного, им.Гастелло, им.Тимошенко, им.Ворошилова, им.Бериз (два лагеря), Дегдекам, Гвардеец, Нерючи, Хениканджа, Аргаюржакский, им.М.Расковой, Хачалыча — ЛП.

ОМСУКЧАНСКОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

182. Омсукчан — управление.

183—185. Гальмый — женский лагерь, Индустриальный, Хатарен — ЛП.

ЧАЙУН-ЧУКОТСКОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

186. Певек — управление.

ЧУКОТСТРОЙЛАГ

(Строительство дороги на север от Эгвекинота к Оловянным рудникам силами бывших советских военнопленных, узников немецких лагерей.)

187. Эгвекинот — управление.

ЯНСКОЕ ЛАГОТДЕЛЕНИЕ

188. Депутатский — управление.

БЕРЛАГ (спецлагерь)

189. Пестрая Дресва (залив) — управление.

190. Мянунджаг — лагерь для политзаключенных.

ЛАГЕРЯ ВНЕ ОТДЕЛЕНИЙ

191—203. Балаганное, Беллаг, Беринг*, Врангель*, Колымлаг*, Красноармейский, Магаданлаг (множество ЛП в Магадане), Нов.Хейджан, Синегорье (строительство Колым-ГЭС), Среднеколымск*, Тахтаюмск, Толон, Яна.

ПРИМЕЧАНИЕ:

* — местонахождение неизвестно

** — сведения недостоверны

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

ЛП — лагерьный пункт

ОЛП — отдельный лагерьный пункт

ТОН — тюрьма особого назначения

Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА

«НО ДАЙТЕ МЕСТО ГНЕВУ БОЖИЮ»

ПОЧЕМУ? «Почему политзеки 60-х, 70-х, 80-х не подают в суд на своих мучителей?» — спрашивает Александр Минкин в статье «Граждане! Отечество в госбезопасности!» (журнал «Столица», № 2, 1990).

Вопрос, по-видимому, задан не случайно. И в самом деле, почему я не подаю в суд на КГБ, сотрудники которого увезли меня ночью в августе 1982 года из дома и с помощью послушного им суда приговорили по статье 70-й к шести годам лишения свободы? Почему бы мне не предъявить иск КГБ за страдания и слезы моих детей, за мешки унесенных из моего дома и поныне не возвращенных книг, рукописей, личных писем, фотографий и прочее? За угрозы, шантаж, психологические пытки и, наконец, за арест моего мужа писателя Феликса Светова, последовавший через два года после моего ареста? За что его, большого астыма, мучали в уголовных тюрьмах и этапал за написанные им книги до тех пор, пока, полуживого, не привезли туда же, где была я, — в сибирскую ссылку?

СУД. И вот я подаю в суд на КГБ. И на той же самой скамье подсудимых, в том самом зале на окраине Москвы, куда вые-

хала специально в 1983 году сессия Мосгорсуда во главе с зам. председателя Мосгорсуда Романовым (подальше от города, подальше от инкоров!), чтобы судить меня, теперь сидят мой следователь по особо важным делам и Федорчук. Он и был председателем КГБ в ту пору. Тогда м о й зал был битком набит компетентными во всем, что есть на белом свете, органами, и потому ни моим близким, ни друзьям и даже допрошенным уже свидетелям (что положено по закону) места в зале не нашлось. Теперь мы сможем воссесть на и х местах. Те, кого не добились в психушках и лагерях, кого не вывезли под конвоем за границу, кого не обменяли на шпионов, те, кого мир почтил именем узников советсти, придут в залы, где судили их, и сядут на места, некогда забронированные для явных и тайных сотрудников госбезопасности.

Что же будут инкриминировать на том суде нашим мучителям? Статью 64-ю (измена родине), ту самую, что не сняли еще с политзека 70-х годов Солженицына? Шестьдесят четвертая может быть применена не только за творчество, побег за границу, но и за сотрудничество со спецслужбами. Случайно или нет, но нам все чаще преподносят признания «двойных

агентов» КГБ и иностранных спецслужб, признания в их «двойничестве». Так, из статьи Юрия Шехочихина «Наш человек в НТС» («Литгазета», 5.12.90) мы узнали, что и НТС стала пристанищем для чекистов: верхушка НТС и полковник КГБ Карпович — «кореша». По словам Карповича, в его миссию входило разоблачение «идеологических диверсий». Христианское Чтение «Надежда», которое я составляла в течение нескольких лет, и было, как убеждал меня следователь по особо важным делам, той самой что ни на есть диверсией («Надежда» издавалась «Посевом»), грозившей подрывом нашей великой державе.

На Лубянке и в Лефортове свидетелей по моему делу уверяли, что мне грозит 64-я статья за идеологическую диверсию. Высшая мера — расстрел полагается среди прочих «мер» по статье 64-й. Так высоко оценили мой малый труд по собиранию творений Св. Отцов и духовных учителей Православной Церкви сослуживцы полковника КГБ и одновременно «члена руководящего круга НТС» Карповича! Странно, что Карпович, подвизавшийся в НТС как раз в ту пору, когда его сослуживцы по КГБ «шили» мне идеологическую диверсию и связь с НТС, не указал им

на их ошибку! Из статьи Ю.Щекочихина трудно понять, кто кого надувал тогда и надувает сегодня и чем же на самом деле занимался «наш человек в НТС», если КГБ отнюдь не нуждался в услугах Карповича при фабрикации обвинений в идеологических диверсиях.

Но вернемся к суду. Не исключено, что 64-ю могут заменить на 70-ю. Подрыв и ослабление Советской власти. Здесь понадобятся знатоки тонких и грубых экспертиз. И, по-видимому, для них не составит большого труда доказать, что в государстве, создавшем с помощью методов, разработанных в КГБ, индустрию страха для подавления личности своих граждан, подорвана ее главная сила — са-

ми граждане государства. Рабам не дано созидать.

Души тех, кто подвергается постоянно-му насилию лжи и страха, способны только к резистансу — тихому сопротивлению в доперестроечные времена и бурному — в перестроечные. К ненависти и отчаянию, ведущим к преступлениям и тотальному пьянству. Ибо пьянство есть иллюзия свободы и призрак эмиграции. Сотням тысяч, ушедшим от нас, бежавшим в эмиграцию, наплевать, что водка стала дефицитом, поднявшись в цене до невиданных ранее размеров! Что им? Они ушли от погони.

Чтобы понять, как ужас погони изгоняет из родных гнезд сотни тысяч людей,

совсем не нужно политьзэкам 60-80-х годов подавать в суд на своих мучителей. Да и вряд ли их мучения «веселят» больше мучений тысяч и тысяч, совершивших побег из державы смерти, где «ум, честь и совесть нашей эпохи» сторожат миллионы чекистов! Кто может измерить муки миллионов, превращенных в лагерную пыль, кровь которых оросила нашу землю, переставшую кормить нас, стубила пастбища и изгнала из вод рыбу? Весь наш некогда прекрасный мир, радующий своей тихой красотой, плесами и синими лесами, чистыми реками и озерами, золотыми куполами, оказался отравленным преступлением. Мы подошли к обрыву, за которым зияет бездонное Н И Ч Т О.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЖИ. Но и о н и, наши мучители, подошли к тому же обрыву. Кто же вверг их и нас в эту беду? Кто собрал миллионное войско? Кто избрал, пропустив через «сито» анкет этот «генофонд» в России и во всех республиках, и поручил им заведовать жизнью и смертью людей?

Сегодня не так уж легко найти мыслящего человека, который бы затруднился ответить на вопрос к о м у нужна тайная политическая полиция и для чего она нужна. Полковник Карпович делится со Щекочихиным своей печалью по поводу выхода из КПСС молодых чекистов. Напрасно он печалится. Для того, чтобы утверждать и защищать власть партократии, совсем не обязательно состоять в партии. Куда печальней, что миллионная армия, нанимаемая за гигантские деньги, выжимаемые из налогоплательщиков, для защиты партократии от этих налогоплательщиков — грандиозная нравственная потеря, духовная трагедия миллионов людей, усугубляющая национальную катастрофу. Репрессивный геноцид в любых формах губит не только жертвы, но и их палачей.

Один из свидетелей по моему делу, побывавший «в гостях» у этих избранников, назвал их «элитой». Вежливые с виду, чистенько одетые, похожие на спортсменов, они вежливо рылись в колыбели моего четырехмесячного внука, в нашем белье и жадными руками загребали листки рукописей, уносили пишущие машинки, бросали в мешки Библию, мои «Надежды», молитвослов, часослов, библейский словарь, все, что могло подорвать тщательно охраняемую ими сверхдержаву. Они не скрывали, что радуются «улову». Добыча ляжет в тюремные папки моего «дела».

Черные «Волги» мчали меня, мой конвой и понятых туда, где за мной затворятся врата ада и где я услышу, как скажут у какого-то окна «давай посадочный талон!»

Признаюсь, не раз мне приходила в Лефортовской тюрьме, да и сейчас приходит скорбная мысль, высказанная в «Идиоте» Достоевского: что же вы над собой-то сделали?

«Мы стали лучше», словно бы отвечая на этот вопрос, говорят те, кто не только не хочет расставаться с именем чекиста, но и гордится им. Гордится «славными

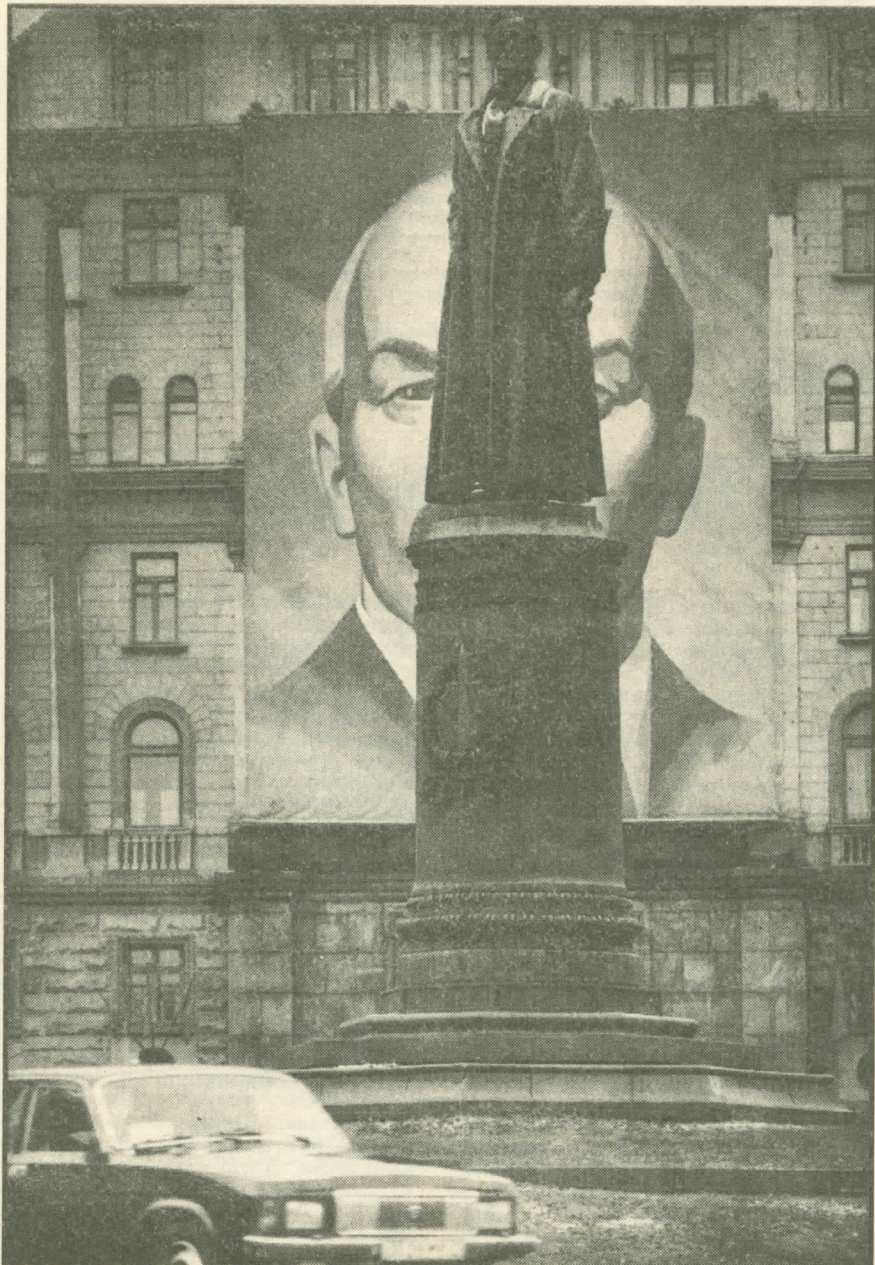

Фото А. Номенова

традициями», а значит, делами своих предшественников.

«Мы стали лучше», — ведь уже почти сорок лет прошло с тех пор, как госбезопасность перестала сажать и губить невинных. И потому нам не в чем каяться, — уверяет в своем интервью «Литературной газете» председатель КГБ В.Крючков («ЛГ», 23.01.91). Конечно же, председатель КГБ не осмелился бы обнародовать этот миф, если бы он не был санкционирован партократией. Партия решила, что не было хельсинкского процесса, многолетней борьбы мировой общественности за права человека в СССР. Не было психушек, тюрем, лагерей, политзэков. Сначала партия дала распоряжение КГБ подвергнуть мучениям академика Сахарова («Сотрудники КГБ, — говорит Крючков в интервью «Литгазете», — были исполнителями решения, которое было принято не КГБ»), теперь, возможно, чекисты используют ее решение уничтожить «дело Сахарова (см. интервью с подполковником госбезопасности А.Кичихинным «КГБ сегодня защищает конституционный строй и... уничтожает архивы». «Столица», № 1, 1991). По-видимому, наступает пора, когда гласность будет дуть мифами.

Священника Павла Флоренского убили после того, как он сознался, что участвовал в «подрыве». Дело священника-мученика недавно было предано гласности «Огоньком» (№ 45, 1990). Всмотритесь в него, и вы найдете в нем начало и эволюцию «чекизма» как духовного явления, его методы и находки, безгласную повадку палачей, уверенных в своей безнаказанности и всемогуществе, их нехитрые предосторожности и специфику дальнейшей эволюции. Эволюции лжи. Дело это словно бы сберегли для нас, для тех, кто захочет увидеть таинственные знаки под «грубою корою вешества». Его не сожгли в печах КГБ, потому как в нем есть «признание» о Павле Флоренском, одно из многих тысяч сфабрикованных признаний, на производстве которых чекисты заработали себе мировую славу.

Верил ли отец Павел в то, что после того, как он «признается» в подрыве и нарицует этот абсурдистский, почти детский рисунок — «схему структуры национал-фашистского центра», его отпустят на волю? Или он устал и искал возможности исхода, не заботясь о нас, которые откроют его «дело»? Он уповал на Бога, веря в то, что Бог непременно посямляет сатану в те сроки, которые будут Ему для этого угодны. Он верил в неизбежность Суда и знал, что улыки для ЧК — ничто для Бога, знающего «сердечные помышления» каждого из нас.

Его убили тогда, когда земля еще не устала принимать в себя безвинно погибших и их палачей. Но пришло время, когда тотальное убийство грозило превратить страну в кладбище. Это была невиданная в мирное время эпидемия смерти, подобная повальной чуме. Надо было остановить ее, изменив тип убийства, физическую смерть заменить духовной.

Чекизм начал новый путь, пользуясь накопленным опытом.

«МИНИСТЕРСТВО ЛЮБВИ». Так в романе Оруэлла «1984» называлось «духовное ведомство», занятое производством смерти. Целью «министерства» было создание новой породы людей с помощью закодированного в них мистического страха. Страх за близких, страха перед мучениями, ужаса небытия, безвестной кончины. Человек, дерзнувший остаться человеком, «пропускался» через шестеренки самозаряжающейся Системы для того, чтобы он утратил себя, свою душу и признался в любви к «старшему брату», символизирующему любимых идолов народа: власть, создавшую «министерство любви», и его сотрудников, охраняющих власть.

«В ходе следствия по моему делу, — признается в «Литературной России» (19.01.90) священник, побывавший в «министерстве любви», — я смог полюбить чекистов...» «Смог» — это слово говорит о предпринятых усилиях. Он осенял их крестным знаменем. Но его крестное благословение не помогло ни ему, ни его гонителям.

Не убили чекисты Сахарова, они только издевались над ним. Не хотели чекисты убивать и меня. Им достаточно было сжечь мою совесть и убить мою душу. Поэтому просили немногого: признания в идеологической диверсии. Как только я признаю себя преступницей, я смогу выйти на волю.

«Итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое», — сказал дьявол Христу. (Лк. 4,7). Дьявол однообразен: поклонись лжи, как бытию, и мы даруем тебе жизнь. Система должна штамповать духовных мертвецов: коллаборантов и иуд. Страх побеждается верой, значит, надо истребить веру, страх преодолевается верностью нравственным законам, значит, надо их исказить.

Понятно, что создать такое «министерство любви», эту своеобразную антицерковь, стоило немалого труда. Для этого партнерами министерства должны были стать его особые номенклатуры в тех сферах жизни — в религии и культуре, — где возможны проявления «несанкционированной свободы». Только после того, как они были созданы и упрочились, индустрия страха достигла своего цветения...

«ЕСТЬ, ЕСТЬ БОЖИЙ СУД»... Гласность прервала, правда, ненадолго, это цветение. Перестроить «духовное ведомство», создававшееся титаническими усилиями в течение десятилетий, оказалось столь же трудно, как обрести новое мышление. Означает ли это, что индустрия страха войдет в новую фазу развития и мы снова станем заложниками «министерства любви»? Нет, этому не бывать. Время веры в любимых идолов миновало. Оно не может вернуться и не вернется. Диктатуре, для того чтобы она была прочной, нужна религия, без нее не заставишь любить «старшего брата». На создание религии у диктатуры времени нет. Гласность сделала свое дело.

Однако гласность — это еще не свобода. И права человека еще не свобода. Осознать смысл бесценного дара свободы, получаемого каждым, кто рождается в сей мир, удастся только тому, кто воспитает в себе волю к ответственности за других. Опыт Восточной Европы свидетельствует, что прощанию с тоталитаризмом непременно должно сопутствовать собрание воедино усилий тех, кто поставил целью своего служения борьбу против реставрации насилия и лжи. Только на их руинах можно начинать строить правовое государство, законы которого будут карать за производство иуд и за убийство душ так же, как за преднамеренное убийство. Но единство — не идея, а состояние духа. Его нельзя обрести в национальных и религиозных бунтах и мятежах. Питаемые враждой, они только, множат разрывы и потому духовно несостоятельны. Единство, может созреть в поражениях и в познании причин общей беды и общих болезней, от которых можно исцелиться только сообща. Наш постперестроечный опыт будет учить нас поражениям и единству. Учить пониманию того, что в вечной схватке между дьяволом и Богом за души людей дьяволу удается победить тогда, когда человек добровольно отдаст свою душу.

Суд же принадлежит не нам. И помилование, на которое вправе рассчитывать каждый человек, будет даровано не нами. Наш суд ничего не стоит, а Божий Суд идет. «Не мстите за себя, возлюбленные, — учит Евангелие, — но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение. Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12,19).

Юрий ГАЛАНСКОВ:

« Я НАЙДУ СЕБЕ СВОЕ ПРЕКРАСНОЕ...»

Вслед за телепередачей «Добрый вечер, Москва!» журнал «Огонек» и «Книжное обозрение» познакомили советскую публику с поэзией и трагической судьбой Юрия Галанскова. Сейчас готовится к печати книга стихотворений, статей и лагерных писем этого узника совести, погибшего в андроповском «профилактории» в 1972 году. Наше запоздалое знакомство с Юрием Галансковым продолжается. На страницах «Столицы» о нем рассказывает его друг Геннадий КАГАНОВСКИЙ.

«Второй полюс»

«Разве я корчусь от боли? Нация — больна, а я только мгновенное ее выражение». Эти слова пришли ко мне в одном из последних его писем из мордовского лагеря. Он был из немногих, кто, приняв на себя болевой синдром России, силится повести людям об угрозе, нависшей над страной. Он поднял свой голос — и был за то лишен свободы, а затем и жизни. Он сознательно пошел на самозаклание, как бы желая унести с собой все муки замордованного Отечества. Погиб ради исцеления и возрождения народа, который, однако, хладнокровно переступил через его агонию.

От стихийного бунтарства, мятежности своих поэтических опытов он неуклонно шел к осмысленной и организованной борьбе с незаконным тираном, лжи и демагогии. В последние месяцы перед арестом (случилось это 19 января 1967 года) он намеревался создать «второй полюс» — предполагаемую структуру политической оппозиции.

Галанскову было 27 лет, когда клещи Лубянки выдернули его из наших «стройных рядов». Это была не единственная акция, а тщательно подготовленный погром, попытка полного искоренения инакомыслия, правозащитного движения, самиздата. Причем любые проявления протеста против этого бесчинства са-

мовластия подлежали столь же решительному корчеванию, к сожалению, нередко с помощью «коллег-интеллектуалов», руками «собратьев по перу».

Так, рассмотрев дела «подписантов» (тех, кто поставил свои подписи под письмами в защиту арестованных), секретариат правления Московской писательской организации постановил: «Запросить объяснения от членов Союза писателей, связавших себя с «делом» Гинзбурга, Галанскова и других путем подписи всяческих заявлений. К рассмотрению этого вопроса секретариат вернется в индивидуальном порядке. Решение принято единогласно. В его обсуждении приняли участие С. Михалков, М. Алексеев, В. Росляков, В. Тельпугов, Б. Галин, Е. Книпович, В. Розов, С. Наровчатов, В. Ильин, Ю. Корольков». («Литературная Россия», 1 мая 1968 г.)

Предупреждение монстру

Мы именуем нашу структуру власти командно-административной системой. Галансков называл ее гораздо более точно — военно-полицейской. Его короткий мученический путь был стремительным и дерзким. Правосознание, идеалы гуманизма и безусловной морали, принципы самостоятельных инициатив очень рано завладели его помыс-

лами. Но был и кратковременный срыв в тупиковую идею: он примкнул к небольшой группе молодых людей (знакомство и дружба с ними завязались на знаменитой «Маяковке»), решивших вступить на тропу политического террора. К счастью, «акты», которые готовились ими в отношении высшего союзно-партийного руководства, были предотвращены. Чекисты проявили благоразумие — оставили Юру на свободе, получив от «стукнувшего» участника заговора сведения о том, что в разгар подготовки затей, приуроченной к очередному — последнему хрущевскому — съезду КПСС, Галансков опомнился сам и пытался образумить своих друзей-сообщников. После их ареста, желая как-то облегчить их участь и заодно «искупить» свою свободу, Юра решил предостеречь чекистов от скропалительных, чересчур жестоких мер и написал в КГБ письмо. Это была попытка повлиять на КГБ, поддерживать в его работе ростки здравомыслия, не упустить шанс смятения режима. В конце 50-х действительно ощущалась «законная» струя в действиях Комитета, в обновлении его кадров. Однако инерция политического сыска, увы, сохранялась. Галансков пишет на Лубянку о том, что арестованным заговорщикам надо дать возможность «не только признать свои ошибки, но и самое главное — осознать их», надо «показать, что в стране действительно восстановлены конституционные свободы», «разбить предрассудок о тиранизм из КГБ», «нанести неотвратимый удар по терроризму», «показать, что в стране действительно уважается человеческое достоинство, даже в таких тяжелых случаях». Потом добавляет: «Но некоторые факты дают основание полагать, что люди и органы, от которых целиком и полностью зависит правильное решение данных вопросов, не имеют на этот счет твердого и принципиального убеждения... Почему на площади Маяковского создается ненормальная атмосфера? Дружинники постоянно, без каких-либо на то оснований, задерживают людей, выкручивают руки, подвергают унижительным допросам, производят личные обыски, избивают... Но я не просто констатирую факты, я задаю себе вопрос: «Что делать?» — «Бороться», — отвечаю себе я, и не только я. И нас никто не оставит...»

Напомню: это свое предупреждение Юра адресует без обиняков прямо в КГБ. Суровые меры не заставили себя долго ждать. Первые политичес-

кие «заглатывания» сделали тогда психбольницы. На короткое время загребли туда и Галанскова. Выйдя на волю, он сдержал обещание — продолжить борьбу и боролся до конца, невзирая на травлю, разгул «психотерапии», обысков и арестов.

«Угроза закрытия публичного дома»

Гражданская война, развязанная после Октябрьского переворота, так и не прекращалась все эти десятилетия, лишь изменяя свои масштабы, формы и степень питавшей ее ненависти. Хрущевская передышка, лишенная фундаментальной доктрины, оказалась бесперспективной, хотя и внесла в господствующий режим необратимые коррективы. Галансков органически не мог смириться с тем, что «подонки времен культа», «головотяпы в отставке» вновь захватили бразды правления, вновь взялись «тащить и не пущать». Стремясь придать своей «упряжи» подобие легитимности, новая камарилья изловчилась подгонять Уголовный кодекс под свои амбиции. Галансков и другие «дети XX съезда» отважились

бросить вызов этим апологетам и реставраторам сталинщины. Родилось, в частности, молодежное движение «5 декабря», один из его лозунгов звучал так: «Требуйте принятия новой, демократической Конституции после предварительного референдума!» Но ни эти выступления, ни ходатайства А.Сахарова и Д.Шостаковича не могли воспрепятствовать «законотворчеству» Ильича-2 и К. Галансков поместил в альманахе «Феникс-66» свою реплику насчет Указа от 16 сентября 1966 года, который подводил «юридическую основу» под новую модель безостановочного конвейера репрессий.

«Власть упорно стремится создать правовую базу для обуздания стихийно развивающегося демократизма... Сам факт издания настоящего журнала, уж конечно, достаточный повод для применения какого-нибудь антидемократического закона или указа. Можете начинать!.. Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту войну...»

Главное место в «Фениксе-66» занимает «Открытое письмо делегату XXIII съезда КПСС М.Шолохову» редактора и составителя альманаха Юрия Галанскова. Поводом для этого

послания стала речь нобелевского лауреата «о месте писателя в общественной жизни» (в связи с недавним уголовным процессом над Синявским и Даниэлем).

«Без свободы вообще и без свободы творчества в частности дальнейшее успешное развитие России невозможно. Это придется сделать, или это сделается само, какие бы препятствия тому ни чинили... До тех пор, пока в России не будет обеспечена на деле свобода творчества, свобода слова и свобода печати, литература может развиваться, только минуя душегубки вроде ССП и официальные публикации, т.е. подпольно, ибо других возможностей у нее нет. А «при свете дня» в сегодняшней России может развиваться только мощенническая литература, начиная от примитивизма Михалкова (между прочим, он заявил: «Хорошо, что у нас есть органы безопасности, которые могут оградить нас от людей вроде Синявского и Даниэля») и кончая более утонченными, модными псевдописателями и псевдопоэтами, получившими наконец-то возможность говорить полуправду и таким образом более утонченно симулировать истину...»

Приводя рабски кровожадные призывы церберов режима из Союза писателей («Дорогая наша диктатура, не спеши слабеть и отмирать» — из стихов С.В.Смирнова), Галансков подмечает: «Это же визг литературной проститутки, насмерть перепуганной угрозой закрытия публичного дома... Дайте этим жуликам рычаги диктатуры, и она будет подлесте сталинской. Они зарежут и задушат все живое... Ей-богу, для отечественной литературы было бы гораздо безопаснее переместиться из Союза советских писателей прямо в КГБ, в архивах которого она, на мой взгляд, только и существует».

«Можете начинать!» — сказал властям Галансков своим альманахом. Этот сборник стихов, прозы, публицистики он собирал по всей Москве среди молодежной пишущей братии, компоновал, организовывал машинпись, сам выстукивал двумя пальцами. И началось...

Последняя встреча

Несколько лет, вплоть до ареста, он был разнорабочим в Литературном музее, что помещался тогда на Большой Якиманке. Я жил во дворе музея. Как-то в январе я шел домой, а Юра с

Аликом Гинзбургом (осужден вместе с Галансковым; ныне в эмиграции, работает в парижской газете «Русская мысль». — Г.К.) сбрасывали лопатами уголь с тротуара в полуподвальное окно музейного здания. Юра сказал мне, что у него и у Алика проведены обыски. Помимо других бумаг был конфискован «Феникс». Примерно за неделю до этого, сидя за огромным старинным письменным столом, занимавшим половину его каморки, я знакомился с окончательным текстом альманаха. Его жена Оля затеяла в тот вечер блины, вышло очень вкусно, обжигаяще нежно. У них был медовый месяц... И вот, по-хоже, всерьез запахло жареным, отнюдь не блинами. Расставаясь с Юрой и Аликом возле убывающей кучи угля, я сказал: «Может, еще свидимся». Свидеться больше не пришлось.

Спусти много лет я дважды побывал на его могиле в мордовской глубинке. Мы ездили туда с его мамой и двоюродным братом. Среди сотен безымянных оплывших могил пристанище Юры выделялось огромным крестом, поставленным кем-то из заключенных еще в день похорон. Мы врыли по углам столбики, изготовив их в ближнем перелеске, и соорудили ограду из штакетника, взятого из Москвы. Крест проолифили, покрыли лаком...

Когда Юру схватили, я поначалу не воспринимал этот арест всерьез. Вернее, не арест, а целую серию арестов. Казалось: это сделано для острастки, ребят хотят припугнуть, подержат немного и отпустят. Но дни шли за днями, и все больше ситуация стала походить на кошмарный сон. Следствие длилось целый год. На Западе шумели — и по поводу арестов, и особенно во время судебного процесса (январь 1968-го). Один из общественных комитетов, выступавших в защиту Гинзбурга и Галанскова, возглавлял знаменитый английский философ Бертран Рассел.

После вынесения приговора (7 лет Галанскову, 5 — Гинзбургу) мы с А.Викторовым пошли на Центральный телеграф и послали свой протест на имя Генерального прокурора Руденко (того самого, кто обвинял в свое время военных преступников — приспешников Гитлера). Таких телеграмм слетелось со всего света, думаю, немало, но вряд ли кто из высоких чинов читал их, не говоря уже о том, чтобы это возымело какое-то действие. Приговор вступил в силу, началось уничтожение неугодных на медленном огне.

«Идеология борьбы с идеями»

Правозащитные действия никогда не были для Галанскова чем-то отвлеченным. По ту и эту сторону «запретки» причин и поводов для отвоєвывания человеческих прав ему хватало с лихвой. В июле 1969 года Ю.Даниэль и лидер «Союза коммунаров» В.Ронкин были переведены из мордовского лагеря во Владимирскую тюрьму. Такой вид наказания применим в исключительных случаях. Поведение Даниэля и Ронкина никак не «тянуло» на это. По этому поводу Галансков написал обращение в одну из правительственных инстанций, которое переросло в весьма весомый трактат о карательной политике у нас в стране.

Подробно обрисовав «дела» и личности обоих «провинившихся», он приступил к анализу стратегии и тактики всей системы военно-политического и уголовно-политического насилия. Он сделал попытку раскрыть природу этой системы, обнажить механизм ее действия. Основной узел проблем нашей жизни сопряжен, по мнению Галанскова, с тем, что Россия — это страна единой государственной идеологии («идеологии административной борьбы с идеями»), единой централизованной власти, тяготеющей к декларативности и доктринерству. Нужен пересмотр всей карательной политики, нужны демократические и личные свободы, нужна полная амнистия для лиц, осужденных по политическим и религиозным мотивам, нужен диалог с Западом, нужна эволюция КПСС, нужна, наконец, новая Конституция, над которой уже свыше 10 лет потеет конституционная комиссия, являя собой «потрясающий пример правового бесплодия». Главный его вывод: «Нам нужна свобода, чтобы выполнить свои обязанности перед Россией и жизнью...»

«Оставшиеся два года меня будут убивать»

Если внимательно перечесть письма Юры последних месяцев, в них проступает отпечаток глубоко ранившего его хладнокровия некоторых друзей. Не вдаваясь в подробности, обозначу пунктиром развитие этой боли.

«...Никаких писем из Москвы нет. Досадно. Только от мамы милые за-

корючки с открытками... Меня, кроме мамы с папой, особенно-то никто не ждет... Я сейчас, к сожалению, болею. Это весьма досадно и больно. Но я стараюсь поправиться. Во многом мое здоровье зависит от вашей помощи... Почему от Алика нет писем?.. Мама, конечно, беспокоится, и это огорчает меня более всего. Но... даже написать письмо для нее не так-то просто. Написать адрес на конверте она должна попросить кого-то. Поэтому ее беспокойство всегда мучительно осознавать. И совсем другое дело — друзья, знакомые. Нельзя сказать, чтобы я был зол на них... Скорее, пожалуй, мне невозможно думать о них без чувства некоторой досады, возмущения и раздражения. Проходят вспышки возмущения, но постоянно остается общий фон досады и безнадежности... Лежу почти месяц здесь (в тюремной больнице. — Г.К.). Я просил прислать прямо в письме, растерев, черники сухой. Это нужно было сразу же... Даже в малых количествах это было бы мне нужно. Я очень ждал. И просил об этом не просто скуки ради... а в связи с крайней нуждой... Алик писал, что у него есть желание сопровождать моих (на свидание. — Г.К.). Сможет ли? Я в этом не очень уверен... Кстати сказать, за все время я получил от него несколько открыток, но никаких пи-

сем от него не получал. Теперь он совсем обо мне забыл. Вот уже четвертый месяц — ничего! Ни одной открытки... Я вот ругаюсь, а сам думаю: у Алика скоро ребенок родится. Своих забот и хлопот прибавится. Не до меня ему сейчас. Я уж как-нибудь доживу свое. И, пожалуй, не стану ему морочить голову. И пусть он не обижается. У нас все жарко. Хочется прохлады. Со здоровьем терпимо...»

«Со здоровьем терпимо», — пишет Юра и не знает, что осталось ему два месяца с небольшим. Впрочем, так ли уж не знает? Разве не сквозит обреченность в его словах? Отчаяние, безнадежная подавленность были вообще-то чужды ему, жизнелюбу и оптимисту, и связаны не только и не столько с кризисом здоровья. Будучи в гибельном тупике, он обратился в Международный Красный Крест и Комиссию по правам человека, призывая мировую общественность обратить внимание государственных и судебных органов СССР на невыносимость его положения.

«Каждый мой день — мученье... Я молчал пять лет... Но пошел уже шестой год мучений. Мое здоровье непрерывно ухудшается. В результате систематического многолетнего недоедания, недосыпания и нервного перенапряжения процесс язвенной болезни осложнился заболеванием

печени, кишечника, сердца и т.д. Пять лет меня мучили в заключении — я терпел и молчал. Оставшиеся два года меня будут убивать...»

Этот вопль о помощи был наглухо поглощен ватной стеной всеобщего отчуждения, безразличия. Агония длилась еще более восьми месяцев. Никто не пришел на помощь, если не считать нож хирурга, положивший конец всему: и мучениям, и жизни.

...Среди тех, кто в ноябре 1972 года подписал некролог, был академик Сахаров. А спустя 17 лет, в многотысячном шествии, провожавшем в последний путь Андрея Дмитриевича, я увидел Веру Лашкову — некогда юную подельницу Галанскова, осужденную вместе с ним. Она шла вслед за гробом, бережно прикрывая от ветра пламя своей свечи. Я понял, что дело любви и мира, просвещенного народоправия — дело, за которое отдали жизнь многие узники совести, как всемирно известные, так и безымянные, живет и продолжается.

«Я найду себе свое хорошее, — писал Юра из-за колючей проволоки, — я найду себе свое прекрасное. Я буду радоваться в радости своей и печалиться в своей печали. Мне моей души хватит для меня, а кроме души у меня есть еще мир, в котором много всего удивительного...»

Валентин КОРОЛЕВ

КАК ФАНТАСТА ЗАПИСАЛИ
В АНГЛИЙСКИЕ ШПИОНЫ

...Вскоре после распределения из Высшей школы КГБ СССР во Вторую службу Московского управления мне пришлось временно поработать на линии противодействия спецслужбам Великобритании. По причине высокого уровня работы английской разведки оперативных дел на линии практически не было, и она считалась «гнилой» как у нас, так и во Втором главке, ведущем контрразведывательном органе страны.

Но руководитель нашего управления был не из тех, кто пасует перед обстоятельствами. У генерал-лейтенанта В.Алидина было «ярко выраженное стремление выделиться». В данном случае оно выражалось в форме его неустанной работы по состоявшему из нескольких десятков томов явно надуманному делу оперативной разработки с окраской «шпионаж в пользу Англии» на всемирно известного палеонтолога, геолога, основателя тафономии, историка, естествоиспытателя, автора научно-фантастических и социально-философских романов Ивана Антоновича Ефремова (1907—1972). «Дело» было раздуть настолько, что нормативные сроки оперативной разработки были превышены в несколько раз. Более того, даже после кончины «объекта» генерал продолжал «изобличать» покойника еще целых восемь лет.

Приклеенный контрразведкой к имени Ивана Антоновича секретный ярлык британского резидента-нелегал не мог не отразиться на отношении к нему со стороны некоторых академических и издательских кругов, напичканных офицерами так называемого действующего резерва КГБ и агентами 5-го управления (борьба с идеологическими диверсиями). Поэтому подробная биография И.А.Ефремова не публиковалась ни разу, а научная ее сторона наиболее полно отражена лишь в некоторых книгах.

Насколько я помню, главный

«идеологический контрразведчик» страны начальник 5-го управления Ф.Д.Бобков был единственным чекистом, поощрявшим титанический труд Алидина. Второй главк, курировавший наши дела по шпионажу, к материалам на И.А.Ефремова относился, мягко говоря, скептически. Однако никто не рисковал открыто возражать Алидину, поскольку всему Комитету он был известен как доверенное лицо Брежнева и Гришина.

«Липа» была настолько очевидной, что над разработчиками потешались все, кому приходилось знакомиться с материалами. Именно потешались, но не удивлялись и, тем более, не возмущались, поскольку сляпанных наподобие этого «дел» в КГБ в те годы было немало в силу плановости в работе и необходимости постоянно доказывать «делами» целесообразность существования все возрастающего числа подразделений и должностей «коммунистов-руководителей».

Основанием для заведения «дела» послужили данные о том, что в 1924 году английским резидентом в Турции был некий белоэмигрант Ефремов. Никаких других сведений о нем не имелось — ни возраста, ни примет, ни биографических данных — ничего. Возможно, эта весьма распространенная фамилия использовалась действительным резидентом в качестве псевдонима. Однако за основу было взято предположение о подлинности фамилии злоумышленника против Советской власти. Ефремовых на Руси — хоть пруд пруди. Более других чекистам был известен Иван Антонович, поскольку, по крайней мере в те годы, в стране не было ни одного мальчишки, не прочитавшего хотя бы одного из его научно-фантастических романов. И искать его не надо было — жил под самым бокком. К тому же поддерживал контакты с иностранцами (какой же ученый или писатель их не имеет?), знал английский язык (пожалуй, лучше выпускника Высшей школы КГБ), гово-

рил медленно и с легким заиканием (якобы за много лет жизни в Союзе даже не удосужился научиться как следует говорить по-русски в силу присущего англичанам высокомерия по отношению к чужеземным аборигенам). И это еще не все.

В деле имелась справка, согласно которой у Ивана Антоновича в детстве был приемный брат (помимо девяти родных братьев и сестер), которого отец будущего «объекта» КГБ взял в семью после смерти своего друга и напарника по купеческому делу, обрусевшего вдовца-англичанина. Узнать что-либо о послереволюционной судьбе этого мальчишка, одногодка Ивана, «не представилось возможным». Сей таинственный факт стал роковым в судьбе ничего не подозревавшего Ивана Антоновича.

Была выдвинута смелая версия о том, что Иван Ефремов — это не Иван Ефремов, а тот самый мальчик, сын друга купца Антипа Харитоновича Ефремова. Вы обратили внимание на то, что купца звали Антип, а не Антон? Просто впоследствии при оформлении документов мальчик забыл имя своего приемного отца и стал называться не Иваном Антиповичем, а Иваном Антоновичем. Или, что не менее вероятно, хотел тем самым затруднить работу советским чекистам. Но это еще не версия, а то, что ее подpiraет.

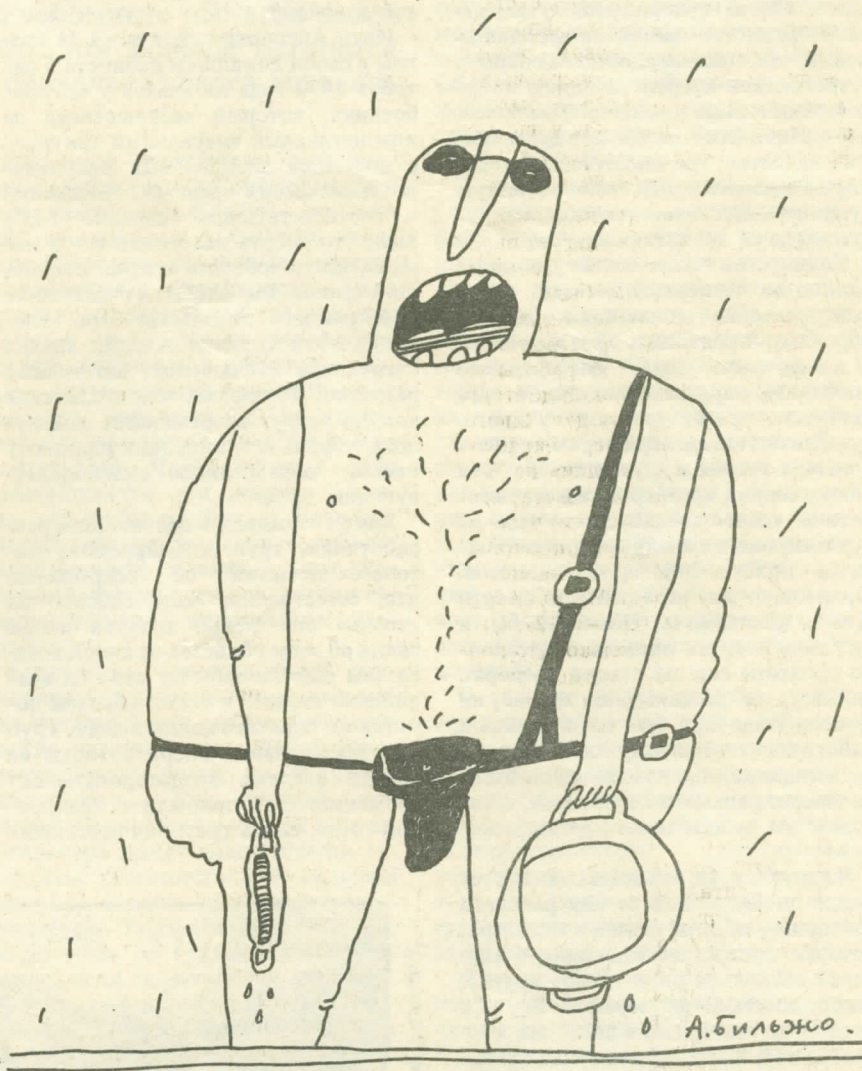
А версия звучала так: сын купца-англичанина, как и его отец (?!), являлся агентом английской разведки, каковым и попал в семью Ефремовых (правда, без ее уведомления в этом). После Великой Октябрьской... он убил (!) подлинного Ивана Ефремова с целью воспользоваться именем честного русского человека для прикрытия своей черной шпионской деятельности на территории молодой Советской республики. Однако судьба забросила его в Турцию, где он получил повышение по службе, став резидентом английских спецслужб на территории этого сопредельного государства. В скобках заметим то,

что скрылось от внимания московских чекистов: мальчику в то время было не более 17 лет от роду. Но если Аркадий Гайдар командовал полком в 16 лет, то почему бы коварной английской разведке не перенять сей положительный опыт, перенеся его на поприще плаща и кинжала? Всю эту абракадабру венчала мысль о том, что впоследствии лже-Ефремов был заброшен англичанами в нашу страну, где с их же помощью приобрел вышеупомянутую мировую известность и получил, таким образом, возможность легально встречаться с сотрудниками и агентами британских спецслужб, прятавшихся под личинами иностранных ученых, специалистов, а также честных советских граждан. Но и это еще не все.

В «деле» имелись сведения о том, что в 1961 году И.А.Ефремов вместе со своим сыном вышел на лодке в открытое море и развеял там по ветру прах своей первой жены. По вполне понятным причинам ни воздушной, ни космической разведкой этот скорбный акт зафиксирован не был. К примеру, на похоронах Индиры Ганди соответствующая траурная церемония была заснята на киноплёнку, и мы скорбили вместе с Индией, наблюдая ее на экранах наших телевизоров. Но приверженец той же религии И.А.Ефремов, проживавший в сугубо атеистическом государстве, на которое «возлагало свои лучшие надежды все передовое человечество», такой возможности не имел. Более того, он был вынужден скрывать свою веру, поскольку, являясь советским ученым, имел право верить только в марксизм-ленинизм и предложенное им «светлое будущее». Это соображение было само собой разумеющимся и потому не нашло отражения в материалах «дела», что и позволило «товарищам» выдвинуть дополнительную версию, легко вписывающуюся в основную. Для этого им пришлось всего лишь повесить еще один «липовый» ярлык — теперь уже на сына Ивана Антоновича. Итак, по версии Алидина, сын ученого также являлся агентом английской разведки. Жена Ефремова, узнав о шпионской деятельности мужа и сына, намеревалась сообщить о своем случайном и ужасном открытии органам КГБ. Как полагали разработчики, не найдя возможным убить в ней этот благородный порыв, отец и сын убили ее саму, после чего вышеуказанным способом замели следы своего преступления.

Повторная женитьба И.А.Ефремова лишь подлила масла в пламень воображения бывшего крупного партийного работника, каковым, как и положено истинному генералу КГБ, ранее был В.Алидин. Дело в том, что в биографии Таисии Иосифовны было несколько месяцев, которые никак не поддавались оперативной проверке. Это было время ее пребывания на временно оккупированной немцами территории в период второй мировой войны. Ну, не нашлось, хоть

ты лопни, ни одного живого агента, который смог бы подтвердить ее любовь к Родине в те несчастные месяцы! Поэтому предположили, что там могла действовать английская резидентура. Из этого предположения логически вытекало еще одно: именно там и в то время Таисия Иосифовна была завербована англичанами и оставлена затем на освобожденной советской территории для проведения шпионской деятельности. Однако тайники, радиосвязь и прочие шпионские штучки — дело хлопотное и чреватое попаданием в

СОТРУДНИКИ КГБ САМЫЕ ЧИСТО-
ПЛОТНЫЕ В МИРЕ! ОНИ ПРОВЕЛИ НЕ
ОДНУ ЧИСТКУ СОВЕТСКОГО НАРОДА! УРА!

поле зрения местной контрразведки. В связи с этим англичане, по мнению УКГБ, приняли решение о спаривании резидента с агентессой. На чекистском языке «спаривание» означает вовсе не половую связь, а взаимную расшифровку двух агентов друг перед другом. Но, согласно версии Алидина, в данном конкретном случае изобретательность и наглость англичан превзошли все границы, а именно: они реализовали на практике оба значения указанного слова — контрразведывательное и животноводческое, — сочетав двух шпионов брачными узами. Для этого пришлось убрать первую жену резидента. Так появилась вторая версия мотивации убийства, которая лишь утвердила уверенность наших профессионалов в его достоверности. Теперь о естественной смерти женщины никакой речи и быть не могло. Тем более, что практически не бывает детективных сюжетов, где иностранные агенты не проявили бы свою звериную сущность. Это известно всякому чекисту, даже не читающему книг.

Количество томов «дела» уже перевалило за четвертый десяток, когда контрразведка сочла-таки целесообразным предъявить фотокарточку И.А.Ефремова для оперативного опознания здравствовавшим до того времени трем сестрам ученого, проживавшим на периферии — две в одном, а третья в другом городе. Эта единственная трезвая во всем многолетнем «деле» мысль прозвучала из уст генерала в его служебном кабинете в присутствии двух чекистов. Произошло это незадолго до смерти Ивана Антоновича. (Казалось бы, и ему понятно, что опознание следовало провести еще на стадии проверки сигнала, т.е. до заведения «дела», но Виктор Иванович был из партийных работников, а поэтому либо вовремя не догадался, либо умышленно этого не сделал раньше по причинам, о которых мы можем только догадываться.)

И вдруг (ох, уж эти детективы!) в течение последующей со дня рокового совещания недели умирает та сестра, которая проживала отдельно, а еще через несколько дней — обе другие. Никто никаких фотографий им, как следует из материалов дела, так и не предъявил. В связи с этим был сделан однозначный вывод о том, что Ефремов, узнав о намерении оперработников провести оперативное опознание, убил всех троих, тем самым еще раз подтвердив свою причастность к шпионской деятельности. Даже если

поверить в этот абсурд, возникает вопрос: кто из троих присутствовавших на совещании в кабинете Алидина проинформировал Ефремова о предстоявшем опознании? Но этот вопрос ни у кого не возник. Не появилось мысли и о том, что сначала могла естественной смертью умереть одна старушка, после чего, не перенеся тяжелого известия, скончались обе другие, проживавшие в другом городе. Разрыв между этими кончинами соответствовал времени прохождения почтового отправления — 2—4 дня (точно уже не помню). Впрочем, действительно может иметь право на существование и версия о том, что старушек «убрали». Другой вопрос — кто и зачем?

Иван Антонович скончался за столом в своем домашнем кабинете 5 октября 1972 года на глазах у оперработника, который «осуществлял за ним негласный визуальный контроль с помощью специальных оперативно-технических средств». Последний в соответствующей справке сообщал, что смерть наступила в тот момент, когда «объект» вскрыл письмо, полученное им якобы из какого-то иностранного посольства. На основании этой справки Алидин сделал следующее заключение: английская разведка, установив, что чекистское кольцо вокруг ее резидента замкнулось, убрала его, направив Ефремову письмо, обработанное сильнодействующим ядом.

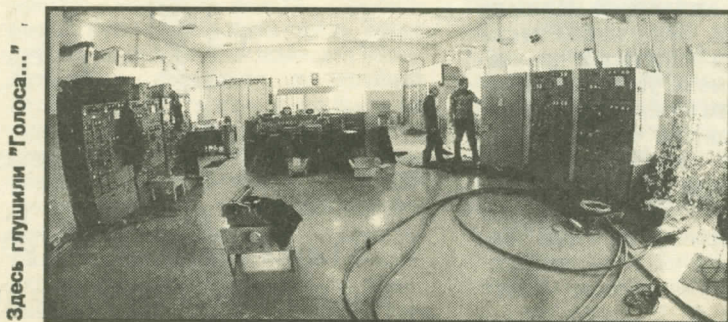
Как утверждали в дальнейшем работчики, труп А.И.Ефремова патологоанатомами не вскрывался, что, естественно, было списано на «козни» его жены, которая якобы знала об этом убийстве от своих хозяев (вы еще не забыли, что она английский агент?) и таким образом могла им спрятать концы в воду. Труп был кремирован. Оперработники не успели вовремя предотвратить акт кремации. Они прибыли в крематорий тогда, когда траурная церемония

уже закончилась. Особо подчеркивалось, что присутствовавший на ней иностранец, увидев чекистов, поздоровался с ними приподнятием шляпы и улыбнулся, как старым знакомым, хотя никогда ранее с ними не встречался. Московская контрразведка расценила это как акт издевательства над ней: дескать, вот вам кукиш, а не тело для вскрытия!

Одним словом, после ознакомления с «делом Ефремова» у меня сложилось впечатление, что его разработка преследовала отнюдь не контрразведывательные цели, ведь в противном случае невольно склоняешься к мысли о том, что КГБ — это сумасшедший дом. Скорее всего, были круги, заинтересованные в ограждении общества от Человека, мировоззренческие позиции которого находились в стороне от окопов отцов «развитого социализма». И не в фантастических ли романах Ивана Антоновича теперь следует искать его видение будущего цивилизации и путей Разума, ведущих к нему?

P.S.: Полагаю, что ответить на многие возникшие у читателя вопросы смогла бы независимая депутатская комиссия, которая добилась бы выдачи ей для тщательного изучения этого многотомного «труда» московских чекистов, расследования сопутствовавших ему обстоятельств и защиты честного имени Ивана Антоновича от слухов, которые без этого разбирательства еще долго будут бродить по лубянским коридорам вседозволенности и бездарности, периодически просачиваясь наружу.

В постановлении о сдаче «дела» в архив указано, что выдавать его для ознакомления можно только с разрешения начальника Московского управления КГБ. Эта фраза была вписана туда для того, чтобы никто не имел возможности убедиться в том, что «дело» — чистойшей воды «липа».

Здесь глушили "Голоса..."

ЕСЛИ ВАС НАГРАДИЛО «ХВОСТОМ» КГБ...

... то постарайтесь понять, чем Вы его заслужили. Вспомните, когда в последний раз Вы ругали КПСС (возможны варианты: КГБ, генералитет, Президента), сколько обменяли 50- и 100-рублевых купюр (варианты: долларов, крон и другой мелочи). Чем раньше Вы вспомните обо всех своих грехах перед Советской властью, тем больше останется времени на уничтожение улики и проявление своей лояльности.

Ну а если серьезно, то никогда и ни при каких обстоятельствах не поддавайтесь панике. Сохраняя невозмутимый вид, постарайтесь определить, сколько человек Вас «ведет» и какова расстановка сил следящих. Для этого необходимо совершить прогулку по немногочисленным улицам, полупустым магазинам. Для этой цели больше всего подходят те магазины, которые имеют несколько выходов: чтобы не дать Вам уйти, ведущий «топтун» подает определенные условные знаки группе сопровождения. Вот по этим-то сигналам Вы можете вычислить весь свой хвост.

Однако если Вы очень сильно допекли власть, то может быть применена подвижная система слежки, называемая в 7-м Управлении КГБ ласковым именем «коробочка». Вас одновременно ведут от 20 до 40 сотрудников, непосредственно в контакте с Вами находится 5-6 человек, которые постоянно сменяют друг друга. Уйти от такого наблюдения практически невозможно, да и почувствовать такое внимание к своей персоне могут разве только прожженные профессионалы с высокоразвитой интуицией, уже встречавшиеся с подобным.

Справедливости ради следует признать, что слежка — довольно дорогое и опасное удовольствие: человек, обнаруживший за собой «хвост», ляжет на дно и уничтожит все то, ради чего слежка и затевалась.

Гораздо легче прослушивать телефонные разговоры. Для этого существует несколько классических систем: «жучок» и аппарата бес-

контактного считывания информации с любой техники, потребляющей переменный ток. «Жучок» — это устройство размером в четверть стандартной пачки сигарет (а «жучки» современных модификаций еще меньше), работающее следующим образом: как только телефонная трубка снимается с рычагов, «жучок» автоматически подключает к абоненту параллельное подслушивающее устройство (наушник или магнитофон). Чтобы выявить факт прослушивания при помощи «жучка», не нужно особых технических знаний: его работа сопровождается характерными помехами в виде щелчков, треска и периодическим самопроизвольным прерыванием разговора.

Аппаратура бесконтактного считывания стационарна, массивна и может выглядеть как угодно, но всегда вполне невинно: от варианта трансформаторной будки до изящного микрофургона. Как правило, она многофункциональна — одна и та же аппаратура может подслушивать телефонные разговоры и в то же время создавать помехи для прослушивания других телефонных разговоров. Обнаружить ее практически невозможно, если только точно не знать, где эта техника установлена. Но и обнаружив ее, доказать, что именно эта техника используется для прослушивания, очень сложно, и без привлечения большого числа экспертов нечего и браться за это дело. А если еще и учесть тот факт, что частных экспертов и лабораторий у нас в стране нет, а все государственные так или

иначе связаны с хозяевами данных установок, то лучший выход из сложившейся ситуации — использовать для переговоров другие телефонные аппараты и номера.

Но прогресс идет вперед, и в наше время с помощью телефонного аппарата можно прослушивать все разговоры в помещении, в котором установлен телефон. Если такая аппаратура дает сбой, то Вы, звоня себе домой, можете знать все, что происходит в Вашей квартире, причем Ваши близкие ничего такого и не заподозрят: подумаешь, чуть звякнул телефон, в четверть трели. Здесь есть выход — если уж очень хочется сказать что-либо, не предназначенное для чужих ушей, то отключите телефон от сети. И никогда не ставьте в одном помещении телефон и компьютер: иначе с линий сопряжения (интерфейсов) компьютера вся информация, заложённая в компьютере, и все, что говорится в помещении, будет считано как с листа бумаги.

В заключение упомянем о самом распространенном подслушивающем устройстве — везде и хорошо описанном «клопе». Его могут установить при непосредственном посещении квартиры, или Вы можете принести его на своей одежде. Возможный способ обнаружения — антенна работающего радиоприемника. Делается это так: выверните электрические пробки (то есть отключите электросеть) и ведите антенной по всем поверхностям в доме, уделяя особое внимание углам, скрытым нишам, розеткам и вентиляционным отверстиям: в месте расположения «клопа» приемник засвистит и завоет (выдаст музыку «сфер»), так как электромагнитные наводки сбивают настройку.

О технике подслушивания можно говорить бесконечно долго, ибо она непрерывно совершенствуется. В правовых государствах мира капитализма подслушивание законодательно запрещено, исключая случаи, санкционированные прокурором или судьей. Информация, добытая в ходе подслушивания без санкции, в суде не принимается во внимание или засчитывается в пользу подсудимого.

И все же, почувствовав, что Вы попали в сферу чьего-то внимания, отчаиваться не стоит. Постарайтесь понять, кому и что от Вас надо, и в соответствии с этим прикройте свои тылы. И никогда не уничтожайте своих врагов: ведь они мешают друг другу уничтожить Вас.

Валерий ИРБИС

Татьяна БОЖОК:

« НАИВНЫЕ ДЕВОЧКИ УМЕРЛИ »

Актеры «вторых ролей» всегда находятся в несколько неприятном положении: зрители знают их в лицо, но почти никто не помнит фамилии. Коротко и ясно объяснить, кто играл, невозможно, приходится рассказы-

вать, например, так: «Ну, это такая рыженькая с дитячьими глазками, которая в фильме «День свадьбы придется уточнить» приставала к герою и говорила: «Женитесь на мне, а полюбите потом». И фамилию «той

рыженькой» мало кто помнит, хотя она очень выразительная, похожа на псевдоним: Божок. Зовут Таня. А по отчеству из-за хронически юного вида вряд ли в ближайшее время будут называть (хотя ее сыну — 5, а ей давно не восемнадцать). Соответственно роли до сих пор у нее были одинаковыми: наивные, растерянные девочки не от мира сего.

— Я это пыталась как-то изменить, даже на роли иногда не соглашалась, потому что ужасно хотела сыграть что-то новое. С восьмого класса — с тех пор, как снялась в фильме «Каждый день доктора Калинниковой», — я играю странных девочек. И ни разу не попала, хотя очень этого хотела, ни на сказочную, ни на историческую роль, ни на роль школьницы. Это при том, что я работаю на студии Горького. Почему-то наших режиссеров в таком аспекте я не привлекала. Очень часто были перерывы между съемками.

— И что тогда?

— Играла в «Ералашах» и «Фитилях», дублировала фильмы, озвучивала мультики. Зрители, наверное, считают: дубляж для актера — что-то типа хобби или шлифовки голосовых связок. Отнюдь. Много актеров занимаются только этим и на это живут. На дубляж даже попасть трудно, мне было легче с моими детскими интонациями. Во время последней паузы я дублировала, а потом снималась у режиссера М.Айзенберга в комедии.

— Музыкальной?

— Нет, сексуальной. Она называется «Болотная-стрип, или Средство против секса». Я там играю в паре с С.Сададьским. Героя Сададьского выпустили из тюрьмы, и он очень озабочен. Прямо из аэропорта он тащит свою жену (меня) на какой-то чердак, но, поскольку он возбужден так, что с него сыпятся искры, чердак начинает полыхать. А мы бежим дальше под титры «В ту ночь в городе сгорело еще несколько домов». В общем, пародия на эротические фильмы.

— М-да, резкая перемена амплуа.

— А у меня переходный возраст лица: уже не подросток и еще вроде не совсем взрослая. К тому же похудела сильно. А потом, мои старые героини, вернее, одна героиня — стереотип наивной девочки, — уже без надобности, эти девочки кончились в нашем кино. И наивное трогательное кино тоже кончилось.

— Вот странно: по идее, все тернии, сквозь которые мы продирались, и трудности, которые преодолевали, должны человека облагораживать, а

Фото С. Галкина

«интеллектуальное» кино у нас все не прививается и не прививается. Народ требует мелодрамы, народ ломится на старые комедии. Устали все...

— Устали. И всем хочется хэппи-энда. Я недавно читала сыну «Русалочку», растрогалась ужасно, даже плакала, представляешь.

— По-моему, у нас надо быть слишком обеспеченным и социально защищенным человеком, чтобы позволить себе «без памяти отдаваться любимому делу». При таких условиях жизни невозможно быть настоящим профессионалом, поставить работу на первое место и забыть о быте — особенно женщине. У тебя существуют эти проблемы? Кто ты в первую очередь — актриса или советская женщина со всеми вытекающими последствиями?

— Знаешь, после того, как у мамы был инфаркт, все сразу изменилось. Я тогда перестала играть. А мне одна знакомая сказала: «Когда моей маме плохо, я придвигаю к ее кровати столик, ставлю туда все, что надо, и бегу на съемки». Так вот, я поняла, что я не смогу так. И маму не смогу оставить, и суп должна сварить я, и достать что-то поесть тоже. Во-первых, потому что больше этого никто не сделает, а во-вторых, это мой дом — пусть он маленький, пусть в нем тесно — это мой дом, и в нем живут люди, которых я люблю: муж, ребенок и родители. Ой, знаешь, когда я училась во ВГИКе, ребята на курсе шутили, что я выйду замуж за слесаря и он будет каждый день меня бить. Так и вышло — правда, только первая половина. Я ни с кем себя не чувствую так хорошо и комфортно, как с мужем, это моя отдушина. Вообще лучше меня сейчас остановить, потому что о нем я говорю много и с удовольствием. Наверное, если бы я не была так занята своим домом, я была бы сейчас в отчаянии от того, что кинокарьера оставляет желать лучшего, что постоянные перерывы в работе, что мой типаж умер... Много лет назад, когда у меня никто не болел, а я была одержима работой, я сказала в одном интервью, что моя мечта — сняться в картине, которая произведет в душах людей катарсис, а потом, дескать, и умереть не жалко.

— А сейчас?

— Сейчас умереть и оставить своих близких я не имею права. А суперфильм, в котором мечтала сняться, я лучше посмотрю, когда его снимут.

Беседу вела Елена АВЕРИНА

Б.Г. ПОПРОСИЛИ ВЫЙТИ

Фото А. Шиликина

Борис Гребенщиков своим новым белокурым имиджем стал подозрительно сильно напоминать Дэвида Боуи на определенном этапе творчества. Чтобы посмотреть на перекрашенного Б.Г., требовалось, однако, быть кредитоспособным: цена на билеты во время последнего посещения Борисом столицы неумолимо стремилась к «сиреневенькой». Исполнилась мечта рок-звезды, высказанная год назад на премьере фильма «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» — выступать только в камерных залах, исключительно для узкого круга поклонников. Хотя, конечно, этот круг гораздо шире, чем зал ДК МЭЛЗ, где проходили концер-

ты Б.Г. и где билеты тиражировались его поклонниками даже посредством ксерокса.

Однако по окончании одного из концертов, минут через 15–20, в гримерную «АКВАРИУМА» ворвалась администратор ДК с нарядом милиции и предложила гостям группы, сидящим там, освободить помещение. Дальше — больше: за сим последовало категоричное указание убираться вон... самой группе «АКВАРИУМ». Измотанные после выступления музыканты, наспех переодеваясь, не вступая в переговоры на уровне базарных торгов, поспешили покинуть гостеприимный Дворец самой культурной в мире культуры.

Т. БАЙДАКОВА

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

ЗА НРАВСТВЕННОСТЬ И ЧИСТОТУ!

«Скажите, почему мы, простые трудовые люди, даем себя искушать блеском богатства, погоней за удовольствиями, роскошью, модой и т.д.?.. Бедность, конечно, не добродетель, но и богатство отнюдь не достоинство, потому что, простите, оно лишь в редких случаях бывает честным и чистым, а значит, нравственным».

(«Правда», 30 марта 1991 г.)

От редакции «Столицы»

А ПОУТРУ ОНИ ПРОСНУЛИСЬ...

Богатство — это страшно, а богатеть — безнравственно и аморально. А ведь эта опасность подступала к нам вплотную. Все мы совершенно измучились в погоне за удовольствиями и — еще чуть-чуть — совсем погрязли бы в роскоши, в моде и т.д. И как хорошо, что на страже нашей нравственности стоит родное правительство! Оно остановило нас у роковой черты, не дало скатиться в пучину роскоши и удовольствий. Второго апреля девяносто первого года мы, «простые трудовые люди», все как один проснулись свободными от лишних денег, а потому — нравственно чистыми. И больше не дадим искушать себя блеском богатства!

Николай МАЛИНИН

КАК БОЛЬШЕВИКИ РАССТРЕЛЯЛИ

История одной «репетиции»

«Белые были вынуждены перебраться в Кремль, надеясь в последнем отсидеться. Но тяжела рука революционного рабочего класса. Она не знает усталости в момент борьбы и бьет до конца»

(И.Миритиев, рабочий, «История классовых борьбы в России», М., 1922 г.)

«...Любители старины очень боялись за Кремль, который пришлось подвергнуть форменной бомбардировке из орудий всякого калибра. Можем их успокоить: Кремль в целом как исторический памятник сохранился. Ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью».

«...Повреждения кажутся чисто внешними. Собор Успенский, Архангельский, Благовещенский невредимы, так же как и колокольня Ивана Великого».

Это — газета «Известия» от 4 ноября 1917 года.

«...Успенский собор расстрелян. В главный его купол попал снаряд... пробоина размером в 3 аршина».

«...Архангельский собор тоже изъязвлен ударами снарядов».

«...Знаменитое крыльцо Лоджетты Благовещенского собора, с которого Грозный Царь любовался кометой, разрушено орудийным снарядом».

«...Колокольня Ивана Великого повреждена снарядами с восточной и юго-вост. сторон, и по стенам видно много выбоин и пулевых ран».

А это — епископ Нестор Камчатский, издавший в декабре 1917 года за свой счет небольшую книжицу «Расстрел Московского Кремля», по сей день покоящуюся под семью замками в спецхране...

Почему — объяснять не надо. В нашей истории нет такого события — «Расстрел Московского Кремля». Есть некая героическая битва красной гвардии с белой, имевшая место в Москве между 28 октября и 3 ноября 17-го года (даты — по старому стилю). В честной борьбе была-де установлена Советская власть.

Попробуем сквозь мифологическую завесу взглянуть в пьяные дни октября—ноября семнадцатого.

28 октября прапорщик Берзин сдал Кремль полковнику Рябцеву. Наутро Военно-революционный комитет

возвал: «К оружию!» Днем красная гвардия переходит в наступление, берет Пресню, Провиантские склады, Замоскворечье, почтамт, Малый театр. Перемирие. Большевики — за советом — в Питер. Ленин: «Москва — сердце России! И это сердце должно быть советским!» В Городскую Думу ВРК сообщил об окончании перемирия без двух двенадцать 30 октября, а еще через две минуты «приступил к бомбардировке этого осинового гнезда контр-революции» — Кремля...

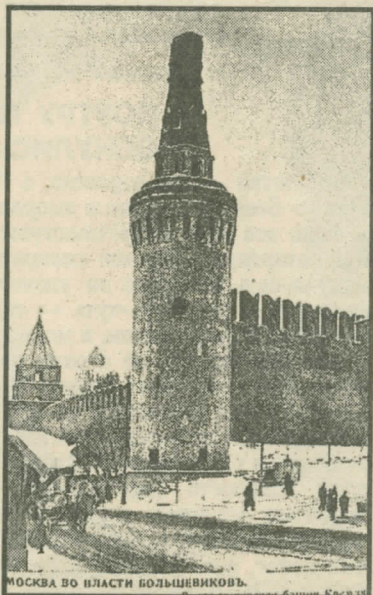
Кремль расстреливали три дня и четыре ночи.

Был ли какой-то тактический резон в этом обстреле? Едва ли. Ибо уже к вечеру следующего дня перевес у большевиков — явный. Сдались юнкера в Крутицких казармах. Выбросило белый флаг Алексеевское военное училище. Александровское — безнадежно отрезано. Юнкера оставили телефонную станцию и храм Христа Спасителя.

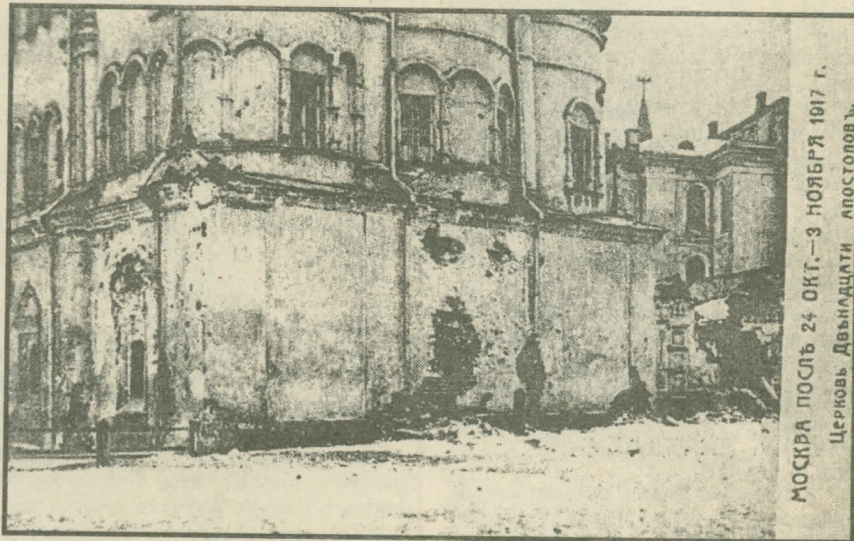
Тем не менее обстрел только усиливается:

« П Р И К А З
Артиллерийскому отряду
на Воробьевых горах

Беленишская башня после обстрела

МОСКВА ВО ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ. Беленишская башня

МОСКВА ПОСЛЕ 24 ОКТ.—3 НОЯБРЯ 1917 Г.
Церковь Двенадцати Апостолов

Изъязвленный пулями собор Двенадцати Апостолов

КРЕМЛЬ

Штаб Военно-Революционный Комитет приказывает прекратить стрельбу по Никитским воротам и перенести огонь на Кремль.

Член Военно-Революционного Штаба А.Аросев
Секретарь Самсонов
1 ноября 1917 г.»

2 ноября юнкера в отчаянном положении. В 10 утра взят «Метрополь», в полвторого — Дума, чуть позже — Никитские ворота и штаб округа на Пречистенке. В руках Рябцева осталось лишь Александровское училище и 5-я школа прапорщиков. К 12.30 Кремль в кольце.

Но пушки продолжают палить:

« Д О Н Е С Е Н И Е

2.XI.12 час.

Охотный Ряд под обстрелом. С колокольни в Кремле все время стреляют из пулемета и по этой колокольне бьет наше орудие от Большого театра. Артиллеристы говорят, пока не сшибут пулемета с церкви, не перестанут стрелять.

Юнкеров не упрекнешь в излишнем благородстве, но они проигрывали — и цеплялись за последнюю соломинку. Так в положении заложника ока-

зался Кремль. Но большевики нанесли удар поддых.

Созерцая трещащий по швам памятник, Комитет общественной безопасности решил капитулировать перед грубой силой. Мир подписали в пять часов вечера, но приказ о прекращении артогня был отдан Усиевичем лишь в девять.

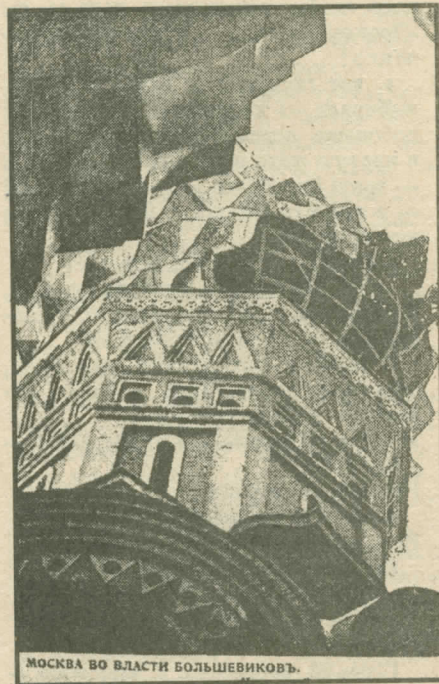
Но — еще в семь часов вечера — юнкера оставили Кремль.

И красногвардейская разведка не могла об этом не знать.

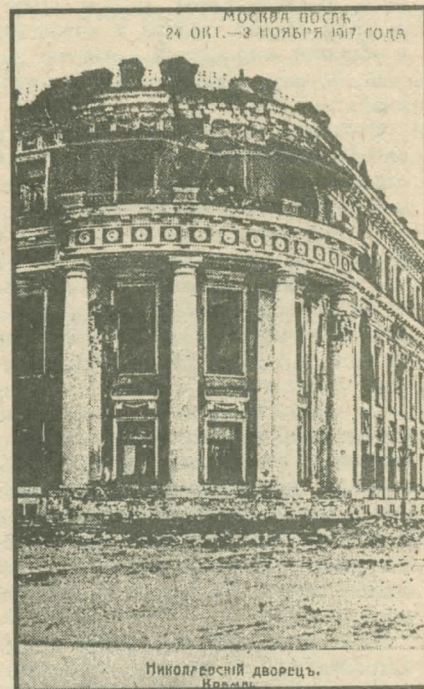
Однако снаряды рвались — в пустом Кремле — до утра. Последний ужасный удар пришелся на шесть часов утра 3 ноября; именно тогда снаряд шестидюймовки продырявил барабан Успенского собора...

Видно, ошибался Василий Васильевич Розанов, говоря, что «в революции нет радости». Есть радость, есть! Разве не удовольствие посылать снаряд за снарядом в беззащитный Кремль, смакуя в бинокль, как осыпаются стены, как пули царапают храмы, как медленно растворяется в дыму шатер Беклемишевской башни?

«Все новое, революционное, большевистски радикальное строительство жизни, все разрушение ста-

МОСКВА ВО ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ.

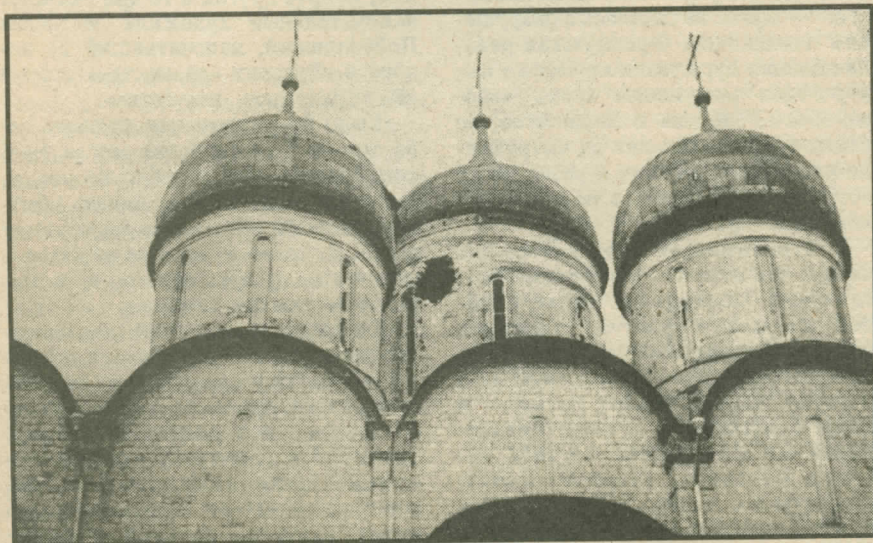

Николаевский дворец.
Кремль.

Пробоина в главном храме России

По касательной снаряд попал в храм Василия Блаженного

В 17-м Малый Николаевский дворец уцелел...

рого, якобы отжившего — ведь это же «Веселая кухня!» — помните, у Аверченко?

«...вот подходит к барьеру дурак, выбирает из корзины в левую руку побольше деревянных шаров, берет в правую один шар, вот размахнулся — трах! Вдребезги правосудие. Трах! — в кусочки финансы. Бац! — и уже нет искусства...»

...а немец еще и подзуживает:

— Ай, ловкий! Ну, и голова же! А ну, шваркни еще по университету. А долбани-ка в промышленности!»

И долбал! Вот, кстати, еще один, персонифицированный, вариант дурака — у Вознесенского:

«Раз! — по тюрьмам, по двуглавым — ого-го!»

Революция играла озорно и широко!

Раз! — врезалась бита белая, как авроровский фугас — так что вдребезги империи, церкви, будущие берии —

Раз!»

Горький вопрошал в «Несвоевременных мыслях»: «Я не понимаю, — какую связь с ломкой государственного тысячелетнего уклада имеет разгром Малого театра и воровство в уборной знаменитой артистки нашей Марии Николаевны Ермоловой?»

Странно, что Горький, бунтарь и автор «Матери», этого не понимал. А связь — самая короткая. Той же самой длины, что и между установлением Советской власти и погромом в Кремле на следующее утро:

«...особенно сильно пострадал кабинет научно-судебной экспертизы, один из лучших кабинетов этого рода во всей Европе по своему оборудованию. Дорогостоящие и редкие аппараты разбиты, многие совершенно уничтожены и не могут быть восстановлены. Фотографические камеры сломаны или похищены. Лаборатории разгромлены. В лабораториях не осталось «неисследованным», кажется, ни одного пузырька, искали, очевидно, спирт». («Русское слово», 14 ноября 1917.)

По свидетельству же Нестора Камчатского, то, что искали, — нашли:

«...Безумцы натолкнулись на горшки с вещественными доказательствами, т.е. с препаратами отправленных желудков мертвых выкидышей и проч. и пожрали эти «маринады», благо они были налиты спиртом».

По поводу погрома в здании суда было даже начато следствие, но, естественно, его быстро замаяли — кого судить? победителей?

Они, победители, не только не чувствовали красоту, они с удовольствием ее мяли. С таящейся где-то под спудом завистью к гению, к уму, к созидающему началу, — крушили храмы и замазывали фрески, рубили сады и выбрасывали роэли, гадили в эрмитажевский фарфор и жгли библиотеки в усадьбах...

Адвокат Великой Октябрьской Александр Блок так пытался объяснить сей революционный вандализм:

«Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа... Я знаю, что говорю...»

Выходит, расстрел Кремля вполне логичен. Символ старого мира, он собрал в себе и Царя, и Отечество, и Веру. Последнюю били с особым наслаждением — в Николо-Гостунском соборе, что на верху Ивана Великого, хранились мощи Святого Николая, чтимого не токмо христианами, но и язычниками. «Увы, русский человек проявил к этой Святыне такое поругание, о котором страшно и говорить! Стены у входа в храм исписаны самыми площадными и кощунственными надписями и ругательствами на русском и немецком языках, а при входе в храм, где находится Святыня, устроили отхожее место. Заметьте, что это не на улице, а на верху в колокольне Ивана Великого».

Все правильно, «удар метит в лицо, ищет стереть признаки личности». Будущий гонитель Булгаков, Блюм, в «Вечерке», не стесняясь, распространялся: «...всякая революция — при всем том, что у нее были «дела поважнее» — всегда начиналась с разрушения памятников. Французская революционная буржуазия не только выкорчевала монументы своих «обожжаемых» Генрихов и Людовиков, но самые бранные останки их вытряхнула из вековых гробниц и развеяла по ветру. ...Это — вопрос революционной символики».

В цивилизованном обществе, где только что отзвенел серебряный век, где цвела философская мысль, у людей, живущих в культуре, поднялась рука на пощаженный столетиями памятник искусства и национальной истории! Кремль сжигал Батый — в 1238, Тохтамыш — в 1382, Девлет-Гирей — в 1571, поляки — в 1612, наконец, Наполеон... (Торопя события, французские газеты писали: «Сия древняя крепость, современная осно-

ванию Российской державы, сии первые чертоги Русских царей, они были — их нет!» Помешал дождь — он потушил зажатые фитили; удалось взорвать лишь четыре башни; причем у иконы Николая Чудотворца, на Никольской башне, сохранился — чудом! — не только сам образ, но и стекло.) На этот раз — уже большевистский снаряд — не пощадил Чудотворца...

Потом, правда, спохватились. Стоило в Москву пересечь правительство — Кремль моментально подняли из руин. (В нашей историографии, понятно, ни словом не упомянуты ни церковь, первой пришедшая чинить Успенский собор, ни купеческое общество, отпустившее на ремонт 50 тысяч...) Отреставрировали. Заказали картины — Юону, Шмариннову, Лисснеру, Мешкову — про то, как красная гвардия под несмолкающее «Ура!» берет Кремль. Луначарский, в знак протеста против обстрела Кремля подавший в отставку с поста наркома просвещения, взял — на следующий день! — отставку обратно. Перед Музеем Революции поставили пушку, стрелявшую по Книжку Нестора Камчатского конфисковали и сожгли.

Для будущих историков припасли такую резолюцию Комиссии по охране памятников искусства и старины — «... все снаряды, попавшие в Кремль, меньше нанесли вреда художественно-историческим ценностям, чем невежественная малярная реставрация дивных фресок Успенского собора...»

Фотографии, сделанные А.Ф.Дорном, несколько противоречат этому кощунственному заявлению; впрочем, мудрее других в те дни оказался замечательный художник Мстислав Добужинский, напечатавший 21 ноября в «Русских ведомостях» статью «Расстрелянное искусство»:

«Было бы лицемерием утешать себя тем, что разрушение могло быть еще больше, чем погибло не все, и, тем паче, мешански оценивать убытки на деньги, облегченно вздыхать от итога. Дело не в размахе убытков и количестве разрушенного, а в моральном смысле факта».

Обнаруживается некий психологический рисунок — так, бывает, поднимет в пьяном угаре сын руку на мать — и ничего, пронесло, — Бога, стало быть, нет! Все дозволено! Шуруй дальше! Так и это грязное дельце оказалось своеобразной «пристрелкой», репетицией, что ли, будущего вандализма. Бунт, тот который «бессмыс-

ленный и беспощадный», стал политической новой власти, узаконился и распространился на все. Бунт, отрицающий красоту, — так повелось с семнадцатого. «Полагая, что человеческие жизни, которые затеяла борьба поглотила бы, дороже всяких, хотя бы и «священных» художественных ценностей — исторических груд камней, ВРК отдал приказ...» — объясняла московские события «Хрестоматия по истории классовой борьбы в России». О человеческих жизнях вопрос, как мы выяснили, не стоял, но показательна формулировка — «исторические груды камней!» О трактовке большевиками того, что — бесполезно, хорошо писал тот же Добужинский:

«Если с легким сердцем можно было цинично попать как какой-то «буржуазный предрассудок» лучшее наследие ушедших в историю предков, если это дело мысли и фантазии народной как вздорный хлам обрекается в жертву ради одних широко-вещательных слов, за которыми прячется узенький, самый мешанский идеал, утверждающий лишь эгоистическое материальное существование и больше ничего — то разрушение является небывалым, сумасшедшим преступлением перед прошлым, настоящим и будущим, перед всей культурой. В этом — угроза всему, что бесполезно. Точно снова рождается жалкий нигилизм, отрицающий всякую красоту, даже природы, и вскры-

вается ужасающая тоскливая пустота «скупческого идеала», того, что носит гордое и несоответствующее имя «демократии социализма»...

Как оказался прав Мстислав Валерианович! Если в 17-м ради захвата власти позволено было пальнуть по Кремлю, — почему ради «упорядочения трамвайного движения» не снести Параскеву Пятницу? А для удобства демонстрантов — не скрыть Василия Блаженного? Почему не устроить на месте Казанского собора нужник, он куда нужнее пролетариату! Почему не соорудить в Новоспасском монастыре, в усыпальнице Романовых, — вытрезвитель? И почему для услаждения взора заезжего президента не рвануть запущенный храм Казанской божьей матери?

(Я беру красоту в архитектурном измерении, здесь потери наиболее наглядны: в Москве из 846 храмов разрушено — 426, закрыто и обезображено — 340.)

Итак, пристрелка оказалась удачной. Надежды Мстислава Добужинского не оправдались:

«... мы стоим перед непроходимой бездной невежества, хамства, слепой человеческой мстительности и остается одна надежда, что люди в массе инертны или ленивы, что души скоро устанут от длительной злобы и что, если еще далеко то время, когда на землю снизойдет любовь, на которой только и держится мир, то все же не может быть безумие вечным...»

Безумие растянулось на 70 с лишком лет, инертность человеческую художник сильно преувеличил...

В те знобкие дни, когда пушки расстреливали Кремль, в Москве заседал Всероссийский церковный Поместный Собор. В своем Послании он начертал поистине пророческие слова о том, что кончатся русская земля начала — именно с Кремля:

«... не может никакое царство земное держаться на безбожии, оно гибнет от внутренней распри или партийных раздоров, от всего этого беснующегося безбожия.

Вместе с кремлевскими храмами начинает рушиться все мирское строение державы российской, еще недавно великая, она ныне распадется на части, разлагается, как тело, от которого отлетел дух.

...Священный Собор призывает всю российскую церковь принести молитвенное покаяние за великий грех тех своих сынов, которые впали в братоубийство.

Нам остается — то же.

Фото из книги епископа Нестора Камчатского «Расстрел Московского Кремля» и из коллекции Владимира ДРИБИНСКОГО. Документы любезно предоставлены сотрудниками ЦГАОР СССР.

ПЕРИСКОП

ПИЦЦА ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ВОЙНУ

Прогноз Фрэнка Микса оказался точным. Этот владелец нескольких вашингтонских пиццерий «Домино пицца» поздно вечером 15 января заявил, что военные действия в районе Персидского залива должны начаться с минуты на минуту. По его словам, основанием для такого вывода послужило резкое увеличение количества заказов на доставку пиццы, поступивших из Пентагона, Белого дома и государственного департамента после 10 часов вечера 14 и 15 января.

Фрэнк Микс говорит, что впервые он обратил внимание на это явление непосредственно перед военной операцией на Гренаде: в течение нескольких вечеров до ее начала его пиццерии едва успевали доставлять пиц-

цы в эти три наиболее важных правительственных здания. То же самое повторилось за несколько дней до вторжения американских войск в Панаму... и тогда Микс предположил, что вскоре должно произойти какое-то событие огромной важности.

Когда заказы на доставку пиццы в Пентагон, Белый дом и госдепартамент начали поступать один за другим и не прекращались до поздней ночи 14 и 15 января, Миксу не пришлось теряться в догадках. Он уверенно предсказал скорое начало наступления американских войск. Фрэнк Микс даже придумал термин «индекс пиццы», определяющийся числом заказов. Он считает, что с его помощью сможет и в будущем безошибочно предсказывать наиболее важные события в стране и на международной арене.

«Панорама», Израиль

«ЧЕРЕПАХА БЫЛА ОЧЕНЬ МИЛА...»

Один южнокорейский моряк обаян своей жизнью морской черепахе. В течение шести часов он держался за морского гиганта, после того как упал в море с борта торгового судна в 130 километрах от Бангладеш. В отчаянии 28-летний моряк ухватился за проплывавшую мимо черепаху. Экипажу корабля удалось найти его после долгих поисков. Моряк и его спасительница были подняты на борт судна с помощью подъемного крана. «Черепаха была очень мила, она меня даже не укусила», — сказал моряк.

«Нойе Рур-цайтунг», ФРГ

ЧИТАЙТЕ ГОГОЛЯ!

Н.В. Гоголь
«Выбранные места из переписки с друзьями»
Издательство
«Советская Россия»

В наше время повальной политизации дум и гастрономизации повседневных забот, в нашу эпоху публикации считавшихся немислимыми произведений и открытия считавшихся утерянными рукописей многое проходит незамеченным. Не хочется, чтобы это случилось с маленьким черным томиком религиозно-нравственных сочинений Гоголя.

Есть странная группа классиков, умудрившихся из XIX века стать если не врагами, то далеко не друзьями советской власти. Иначе чем объяснить, что у нас до сих пор нет полных собраний сочинений Гоголя, Лескова, Щедрина? Огромными тиражами переиздаются их «канонические» тома, но «шаг вправо — шаг влево» долгое время считался побегом.

Жаль, что составитель В. Воропаев не счел возможным включить в книгу размышления «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии». Тогда бы весь «несобранный» Гоголь был объединен под одной обложкой. Но спасибо и на том, что есть. Надеюсь, что не только наши внуки, а мы сами увидим полные собрания произведений писателей, которые являются нашей гордостью.

СИНДРОМ ЧИСТОПИСАНИЯ

«Палач»

ТПО «Русское видео», ТПО «Ладога», при участии киностудии «Ленфильм», реж. В. Сергеев

Фильм длинный и кровавый, похожий на настоящий триллер, но не близнец ему. Жанр его страдает то ли авитаминозом из-за здешнего происхождения, то ли синдромом чистописания: во всем заметна старательность ученика, которому не дают

покоя лавры отличника, и он выводит некие выкрутасы вслед за ним, не очень-то соображая, где что начинается и где кончается.

Эталон — классический иностранный триллер с потасовками и эротическим контекстом, иллюстрирующий вечную кинотеку «аристократка и богачка в сетях разбойника-злодея». Действие его натужной копии разворачивается в «невзоровском» Ленинграде: внучка академика, изнасилованная четырьмя негодяями, мстит им, заложив бриллианты и наняв мафию, но в свою очередь привлекает главаря последней... Бесспорная актуальность сюжета — в его поучительности. Не стоит в криминогенный момент отечественной истории выходить за рамки своего круга: там действуют иные законы, а следить за соблюдением УК сейчас некому. В этом смысле преступников и жертв объединяет патологическое равенство. Патологическое, в любом случае, для потенциальных жертв.

Марина ДРОЗДОВА

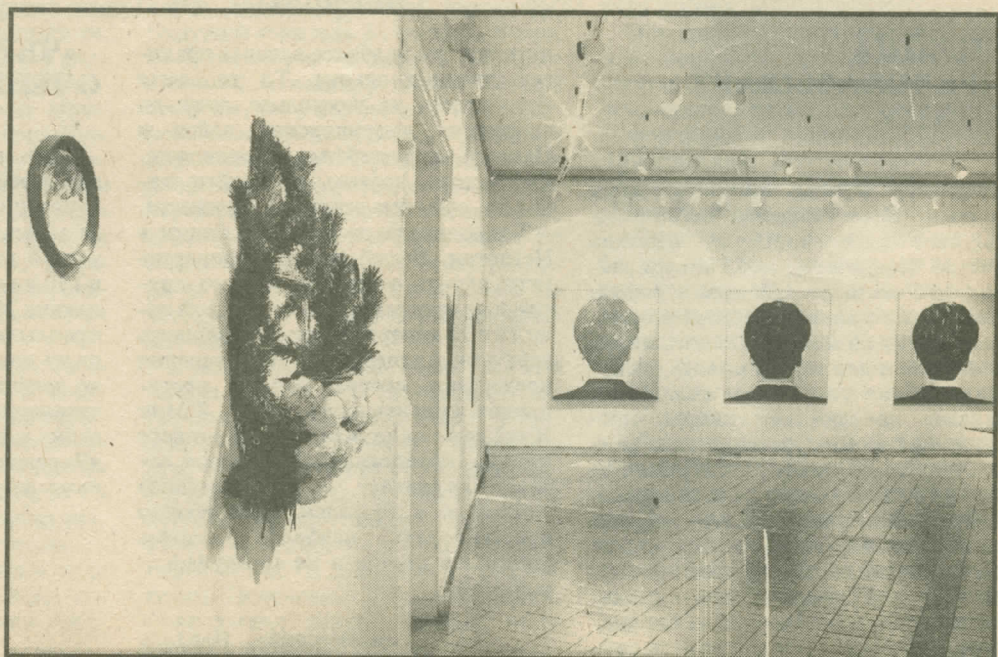
ЧТО ЗНАЧИТ МАРКА

«Первая галерея» Экспозиция «Страсти»

Эта галерея, находящаяся в своеобразном культурном эпицентре России (сотня метров от памятника Пушкину), уже второй год играет роль законодательницы вкуса. С нею Москва, подобно всем просвещенным столицам, обзавелась образцовой дорогой галереей-люкс.

В рафинированной простоте и особой стерильности работ ее постоянных авторов (Айдан, С. Волков, Евг. Митта, И. Нахова, А. Яхнин), представленных в экспозиции, «не заметно капель пота». Возможно, этому способствуют дезинфицирующие интерьеры и сама атмосфера галереи, пространство которой способно придать экспонатам свои собственные качества. И все-таки органично в этих стенах воспринимается лишь то искусство, которое выдерживает испытание такой средой.

Г.С.

А.Г.

ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД
 №7/25-58/1991 г.

ВСОЮЗНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД ИМ. А.С. ПУШКИНА

В журнале «ГФ» публикуются материалы, посвященные деятельности фонда, его сотрудникам, а также материалы, связанные с историей фонда, его деятельностью в различных странах.

В журнале «ГФ» публикуются материалы, посвященные деятельности фонда, его сотрудникам, а также материалы, связанные с историей фонда, его деятельностью в различных странах.

в номере

«БЕС»

«ГРЕКОСЛАВЯНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

«ИСТОРИЯ «СОСЛАВЯНСКИХ ДЕТСТВА»

«БЕС» В РЕБРО

«Бес»
 Видеокиностудия
 «Артель Ф», реж. В. Дудин

Все бранные слова на «б», «ж» и «х» я, как и весь великий советский народ, знаю без создателей фильма. Поэтому лингвистических открытий не произошло. Как, впрочем, и кинематографических. Хотя битых полтора часа я наблюдал результат импотентно-эротических потуг режиссера и сценариста М. Ворфоломеева, вызванных недавним и, похоже, первым прочтением «Мастера и Маргариты». А может быть, я не прав, подозревая драматурга и режиссера в том, что они вообще что-нибудь читали? И зря мне видятся в этом фильме отдаленные аллюзии и реминисценции любимой миллионами книги? Потому что получился такой высокой пробы образец пошлости и безвкусицы, что в пору этому бесстыдству где-нибудь в сердце нашей родины соорудать памятник. «Память»-ник...

Жаль, конечно, писателя М. Булгакова, что читателей у него оказалось чуть больше, чем хотелось. Но жаль еще и хорошую актрису М. Булгакову, которую заставили скакать по крыше, демонстрируя венецианские лилии на причинном месте, размахивать плащом с кровавым подбоем и заклинать: «Мужика хочу!». Откуда же ему во время служебного просмотра взяться?

Валерий ТУРОВСКИЙ

д.з.

P.S.: ВИДЕО
 Ведет Андрей ГАВРИЛОВ

ФАШИСТ В РОЛИ ГЕРОЯ

«Кинджит» — запретные темы»
 США, реж. Дж. Л. Томсон

Грустно видеть старого Бронсона. Особенно когда он, как в молодости, пытается махать кулаками. Но еще хуже то, что он снялся в этой шовинистической, полуфашистской ленте. Полицейский (конечно же, во имя справедливости!), совершающий сексуальное насилие над задержанным, сбрасывающий с балкона арестованного, сжигающий машину у подозреваемого, — положительный герой?! По сравнению с ним Грязный Гарри — просто мать Тереза. Это один из немногих случаев, когда не хочется восклицать: «Почему у нас таких фильмов не снимают?» Слава Богу, что не снимают.

СЛУЧАЙНЫЙ ФИЛЬМ

«Случайная любовь»
 США, реж. А. Рудольф

У картины не оригинальная, но многообещающая завязка: частный сыщик, которому поручено следить за неверным любовником, по ошибке начинает следить за другим. Но дальнейшее развитие событий не убеждает, что овчинка стоила выделки. Больше всего хочется спросить: «Ну и что? Из-за чего весь сыр-бор два часа экранного времени?» Думаю, что в творческих биографиях Элизабет Перкинс и Тома Берджера, исполняющих главные роли, этот фильм — абсолютно случайный.

Дневник В.

Г Ф

«Гуманитарный фонд»

Еженедельная газета,
 гл. редактор М. Ромм

В истории газеты со странным названием «Гуманитарный фонд» трудно найти завязку: то ли это раритеты московского самиздата, которые выпускал будущий главный редактор ГФ, то ли вечные поиски способа заработать «большие деньги» на гуманитарные цели, то ли появление тех самых денег, правда, не очень больших. Из

соединения этих и многих других обстоятельств возник Гуманитарный фонд им. А.С. Пушкина. А при нем — газета. Сегодня это одно из немногочисленных изданий, посвященных современному авангарду со всеми его сенсациями, проблемами и новыми именами, материалы о которых могли бы украсить журналы с другими тиражами. Однако не украсили. Что делает газету вдвойне актуальной и интересной. ГФ, как модно теперь говорить, — структура открытая: если есть что сообщить собратьям-гуманитариям, звоните.

Лариса ЮСИПОВА

НА ПУТИ К ИСТОКАМ

«Князь Серебряный»
 Малый театр,
 реж. В. Иванов

Этот спектакль мог бы стать прекрасным завершением экскурсии по «Золотому кольцу». К усам и бородам из детского спектакля по сказкам Пушкина художник Е. Куманьков, не скупясь, добавил крестов и куполов. Но не сумел выбрать, что повесить в центре: Спас Нерукотворный или тазообразный медный купол. Так и висят они, заслоняя друг друга. Зато актеры друг друга не заслоняют. Хорошо смотрятся во фронтальных, мизансценах, реплики разделяют паузами. Успех инсценировки заложен в

стремлении сделать ее общедоступной: злодеи злы, герои героичны, юродивый вполне юродив. Вяло-сумасшедший царь Иван по ходу дела стареет на вид, зато молодеет голосом. Многочисленные опричники и бояре отличаются патриархальной обстоятельностью и дюжей серьезностью. Крестьяне все подробно, с расстановкой, а монолог Дружины Морозова актер превратил в самоценный урок сценической речи. В финале заглавный герой, о котором уже отчасти позабыли, выскакивает откуда-то сбоку и зрябко утверждает идею театра-храма, истово молясь под оглушающий звон колоколов в застилающих все окрест клубках дыма.

НЕ ВЫЙДЕТ, ГОСПОДА!

или

ЗА ЧТО НАС РУГАЮТ ЧИТАТЕЛИ

«Так нельзя, уважаемые журналисты!» Очередное письмо, в котором нам рассказывают, как нами недовольны. На эту почту стоит обратить внимание, хотя она не очень велика и становится меньше — видимо, самые ярые противники «Столицы» выговорились уже после первых номеров.

Письма эти можно разделить на две категории. Первая — где авторами руководит любовь к нашему журналу и стремление сделать его еще лучше. Вторая — когда имеют место прямо противоположные чувства. К первой, например, относится пожелание Г.Новикова из Москвы: «Жаль, что ваш интересный и бесстрашный журнал выходит на такой плохой бумаге и у него такой низкий полиграфический уровень. Вам необходимо приложить все силы и сравняться по внешнему виду с «Огоньком» (по содержанию «Столица» ему не уступает).

Примерно о том же пишет Л.Сомов из Люберец. «Начал читать статью А.Авдорханова о Рое Медведеве. Неожиданно обнаружил, что прямо в середине текста без всяких на то причин поменялся шрифт. Я сначала решил, что автор хотел что-то специально выделить. Но нет, не похоже. Будьте повнимательнее, такого не допускают даже кустарные секс-журналы».

Разумеется, претензии бывают и к содержанию. «Меня привлекла тематика журнала, а состав редколлегии пробудил надежду на получение правдивой информации. Однако авторитет «Столицы» может пострадать из-за публикации лживых, злобных статей. Я имею в виду «Разгром советских войск под Москвой». Конечно, победа в Великой Отечест-

венной войне стоила нашему народу больших жертв. Но эта статья — сплошное извращение истории войны, поданное в духе злобы и презрения к ее участникам и восхваления фашистских вояк. Опубликована она под рубрикой «Версия». Лучше бы прямо назвали «Диверсия». С уважением, Б.Г.Доступов, участник Великой Отечественной войны».

Как уже говорилось, уважение к «Столице» испытывают далеко не все. «Вот вы пишете, что партийные издательства печатают обои, а журнал ваш печатать отказались. Так это же просто замечательно! Моя подруга из-за этих проклятых обоев пять лет не могла ремонт сделать. Потому что цена рулона — 15—20 рублей, да за ним еще в очереди отстоять надо. Так что она приносит благодарность Партии, а журнал ваш ей не нужен, почитать можно и «Правду». (М.Соколова, Москва.)

Часто, начав с критики «Столицы», авторы этим не ограничиваются и переходят к Моссовету, Верховному Совету, Ельцину и так далее. «Вы бы взвесили, когда народ жил лучше: при старых руководителях или сейчас, — советует А.Ильина из Хотьково, Московская область. — Кто там кого убивал и сажал в лагеря, мы не знаем. Всего у нас было с избытком. Не надо болтать, что время было застойное. Начальство, может быть, и стояло, а рабочий класс работал, и не так, как сейчас, — шалаяй-валаяй. И в такое смутное время вы еще своими публикациями разжигаете страсти».

Очень интересная вещь — «полемика по-советски». Суть ее, как можно убедиться, сводится к старому принципу: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Например, сведения о связях Ленина

с немецким генеральным штабом — ложь, потому что Ленин был вождем мирового пролетариата. Утверждение, что большинство литовцев хотят отделиться, — тоже ложь, потому что Советский Союз — единая семья народов. Как может журналист Е.Кулаков утверждать, что в армии существуют насилие и дедовщина? «Разве он не смотрел фильм «Офицеры», где один из героев с гордостью произносит слова: «Есть такая профессия — защищать Родину!»

Конечно, аргументы бывают и более серьезными. С.Ландау-Тылкина из Москвы очень недовольна все той же статьей А.Арутюнова «Был ли Ленин агентом германского генштаба?» «Ни автора, ни редакцию не беспокоит, что они по существу просто повторяют монархическую пропаганду первых лет революции. Я беспартийная и не сторонница КПСС. Именно однопартийная система привела к тоталитаризму, гибели лучших людей страны. Но ее первые организаторы были не чьи-то агенты, а фанатики своей (к сожалению, глубоко ошибочной) идеи».

Теоретические рассуждения многих, похоже, начинают раздражать. Мнение Л.И.Боглаева (Москва) о статье М.Бочарова, главы Высшего экономического совета РСФСР: «Статья заканчивается набившей оскомину фразой: «Единственный путь преобразований — подлинная (раньше была коренная. — Л.Б.) экономическая реформа, о которой пока мы, увы, только говорим». Я бы добавил, что говорим либо общими словами, либо лозунгами, а надо бы изложить понятную всем концепцию, предложения прежде всего по ликвидации бедности и функционирования экономики, для начала хотя бы как в 1985 году».

И наконец, еще одна особенность этой почты — традиционная последняя строчка: «Конечно, мое письмо вы не напечатаете (выбросите, разорвете). Виктор Михайлович Р. (Москва) через каждый абзац восклицает: «Вижу, письмо мое уже летит в корзину!» Нет, уважаемый Виктор Михайлович, вы ошибаетесь. У нас вообще нет правила выбрасывать письма. Тем более, что в каждом из них, даже самом резком, можно найти что-то интересное или даже приятное. Например, вы, защищая социалистические завоевания, заканчиваете письмо фразой: «Не выйдет, господа!» Спасибо. Не каждый день нас называют господами.

Е.ГОНЧАРЕНКО

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

ПРИЗРАК В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

Затем я, разумеется, обследовал и подворотню, где убили человека из Бухары, и бомбоубежище, и подъезд, в котором ночевал доктор Кошкин. Еще больше уверился в том, что ночной парикмахер — проповедник трезвости и убийца — разные лица.

Прошла пара дней. Начальство не давало мне покоя и требовало — под страхом разжалования в рядовые милиционеры — обнаружить преступника, в национальности которого больше не может быть никаких сомнений. Если, Шерлок Хренов, Холмс гребаный, не обнаружишь, нам придется расколоть какого-нибудь другого Абрашу, и он будет не на нашей совести, а на твоей...

Возможно, впервые в жизни я оказался в таком беспросветном тупике. Ухватиться мне было совершенно не за что. Из следов — невразумительные, никуда не ведущие отпечатки чьей-то обуви, один жалконький чулок вокзальной дамы, да кое-где наплывы капнувшей с помазка мыльной пены.

А время шло. Атмосфера московской жизни становилась буквально с каждым часом все гниlostней и безумней. Один знакомый психиатр позвонил мне в те дни и рассказал, что к нему в клинику поступает неслыханное количество ополоумевших граждан... Одного гражданина задержали в метро с огромным ломом. Этот «стахановец паранойи» собирался пробить тоннель от станции «Дзержинская» до города Биробиджана для того, чтобы американский империализм с мировым сионизмом и прочим проклятым общественным мнением не засекли, как мы переселяем Рабиновичей туда, где раки зимуют. Кроме того, он надеялся встретить в конце тоннеля самого Кагановича и «дать ему ломом по мозгам за медленное развитие метрополитена». Гражданина этого там же, в метро, вежливо поблагодарили за помощь и заверили, что наше государство само всегда справлялось с переселением куда следует, в том числе и на помойку Истории, никому не нужных народов, но гражданин запел «широка страна моя родная!», переломал ломом ребра двум милиционерам и дежурной по станции, а также пытался снести череп бронзовому бюсту Дзержинского... Что происходит, Пронькин? Ответь хоть ты? Сколько это может продолжаться?.. Но что я мог ответить на недоуменный вопрос опытного психиатра?..

От чувства безнадежности в голове моей вдруг возник один сумасбродный план. Для его выполнения мне нужен был помощник, не имевший никакого отношения к милиции. Но Герстенмайер как сквозь землю провалился. На кладбище сказали, что он взял отпуск за свой счет и распорядился вырыть могилу на участке, где хоронят директоров магазинов и народных киноартистов. Я похолодел и готов был пустить себе пулю в лоб. Я вообразил, что вокзальная дама была в самом деле хипесницей, наводившей убийцу на «пиджаков» с деньгами. Герстенмайер — состоятельный коллекционер антиквариата... Убийцы притырили где-то его труп с перерезанным горлом... маха-

ли в Сочи... я — кретин, последний кретин... я пушу себе пулю в лоб...

Я бросился по адресу столь ловко проведеншей меня злодейки... Словоохотливые соседи по коммуналке сказали, что Зойка Пашкова который уж день дома не ночует, наверно, посажена, хотя бабенка была душевная и щедрая на гостинцы детишкам, потому что до бесстыдной проституции служила няней в яслях, где за воспитание младенцев платят так мало, что поневоле пойдешь по рукам родителей... Начала она с этого, а потом уж — с отрывом от производства — перешла на командировочных «пиджаков» с большими деньгами... Правильно говорят в народе: всем хороша Фроська, да совесть дырява, как авоська... Может ли пойти на преступление?.. Вполне может! Третьего дня Смердыниху башкой в унитаз тыкала и грозилась всех нас обмочить другим образом. Ее бы, начальник, вместе с врачами в Сибирь выселить...

Просто обезумевая от ужаса, я приказал домуправу и двум понятным взломать квартиру Герстенмайера. Меня обрадовало то, что завод старинного будильника был сравнительно недавним, а на одном из хрустальных бокалов виднелась помада. Постель Герстенмайера похожа была не на унылое холостяцкое ложе, а на студенческую койку. Я почувствовал неловкость и некоторую надежду. Взломанную квартиру Герстенмайера я приказал опечатать.

Вечером я позвонил доктору Кошкину. Он согласился мне ассистировать.

Часов до двух ночи мы с ним молча — чтобы не будить мою супругу — играли в шахматы. Затем вышли из дома. На улицах была зимняя, вроде бы безмятежная тишина. Но все равно — в атмосфере спящей столицы чувствовалась тоска, смятение и холодная испарина непостижимого безумья...

Нам с доктором, в соответствии с моим планом, необходимо было «косить» за пьяных в дымину служащих. Мы пошатывались. Мочились, тупо уткнувшись лбами в уличные фонари. Падали в сугробы. Мычали и пели «широка страна моя родная» и «утро красит нежным цветом»... Наконец завалились в тот самый подъезд, в котором доктора начисто выбрил Призрак в белом халате. Мы улеглись под лестницей, рядышком с теплой, слава Богу, батареей. Для превозмогания страха мой ассистент щепотом рассказывал, как Берта Яковлевна устроила ему ТОГДА сцену безумной ревности. Она рыдала, отталкивала его от себя и кричала, не стесняясь соседей, что он был у продажных женщин, потому что от него разит дорогим шампанским и дешевым одеколоном... убийца!.. убийца!.. убийца!.. Берта, где ты нашла в наше время продажных женщин?.. Там, где ты брешься по ночам! У кого ты побывал в объятьях? У вот этой горячей батареи... ха-ха-ха...

Мы прекратили шептаться, когда входная дверь тихонько скрипнула и в подъезд кто-то вошел. Шаги приближались. Мы с доктором пьяно и вразнобой похрапывали. Я понял, что человек — он был в белом халате и в очках с невообразимо толстыми линзами — узнал доктора Кошкина. Склонившись над ним, он картаво пробормо-

тал: «Продолжаете? Ну-ну... продолжайте, сударики... разрушайте свое здоровье...»

Я был вполне спокоен, когда Призрак склонился затем надо мной и мягко потрогал теплой, участливой рукой мой небритый подбородок. Я также был спокоен, тайком наблюдая, как он открывает термос, наливает в чашечку горячую воду и, тихонько стуча помазком, разводит в ней мыльную пену. Но когда он вынул из бокового кармана опасную бритву, когда он расправил ее, когда в жуткой полутьме холодного подъезда загорелся какой-то совершенно маниакальной страстью его глаза — загорелись с такой силой, что высветили изнутри толстые линзы очков, — когда Призрак схватил меня за нос и артистично взмахнул бритвой... нервы мои не выдержали такого неслыханного испытания. Мне и сейчас жутковато вспоминать мгновение, когда воображение мое, как бы предвосхитив картину всего, что вот-вот, судя по всему, вполне могло произойти, заставило меня молниеносно, словно в детском сновидении, с содроганием от смертного страха и с замершим где-то в глубине моего существа воплем ужаса, отпрянуть в сторону и направить прямо в лоб Призраку пистолет.

Доктор Кошкин стонал в этот момент, скрючившись от приступа неудержимого хохота. Я, насколько помню, действительно онемел в то мгновение. Призрак, видимо, перепугавшись не меньше моего, сказал с ужасающе опасным в те гнилые времена, с трогательно добрым и комичным еврейским акцентом: «Ша... ша... ша... я — ваш добрый друг... я безработный парикмахер... ша... я не собираюсь перерезать вам горло... я вас очень хорошо и бесплатно побрею... я вас освежу «Курортным»... я — очень хороший парикмахер...»

Картавинка буквы «р» тревожно и добродушно перекатывалась в гортани Призрака, словно горошина в самодельном свисточке, и музыка этой речи подействовала на меня успокаивающим образом. Однако от потрясения я сорвался на поганый ментовский тон: «Быстро закрыть бритву! Пройдемте в отделение!» — «Что-о вы-и себе-е могли-и позволить подумать, ми-илый, обо мне-е-е?» — спросил с такой грустной напевностью, с такой чистосердечной обидой и упреком в голосе Призрак, что из его вопроса мгновенно, как вспугнутые птички, улетучились все «эр-р-р». Я пристыженно молчал. Доктор Кошкин корчился в судорогах пароксизмического хохота. «Так я вас побрею по высшему классу-люкс и расскажу свою историю», — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Призрак. Гипнотически подчиняясь, я принял сидячее положение, но пистолета из рук не выпускал. Прикосновения к лицу моему горячей, нежнейшей кисточки и внимательных, мягких пальцев магически меня убаюкивали, но я, преодолевая работу воображения, полностью отдался удивительному рассказу Призрака. Бритва же его наточена и правлена была так, что я просто не замечал восхитительно быстрых и мастерских ее движений...

«Главное — ша, и я буду почти короток. Вы можете улыбнуться, а мое фамилия — Цирюльник. Наум Цирюльник. Я из Речицы. Белоруссия. Все было хорошо, но — нет. Взяли и пришли фашисты, хотя кто их звал? Даже если вы пришли — ведите себя интеллигентно и дайте вздохнуть трудящимся Белоруссии... вы, чувствуется, оперативный работник, и я остерегаюсь сказать, от чего и от кого все мы могли бы хорошенько отдохнуть... Хотя ваше лицо — лицо благородного человека... не играйте от смущения желваками... ша... Выжил только я. Спасибо Мацкевичам. Слава Богу и Мацкевичам. Я жил до победы у них в погребке. Я был слепой без очков, которые не

успели прийти из Одессы от профессора Филатова. Но в погребке я вполне мог жить без очков. Мне было четырнадцать лет. В темноте, вслепую, я ухитрился брить и подстригать партизан, а также готовить самодельные мины. Я мог взлететь на воздух в любую минуту. Плохо, когда у человека есть страх. Это значит, что он слишком хочет жить, несмотря ни на что. И плохо, когда у человека нет страха. Это значит, что, несмотря ни на что, он жить не хочет. Потом была победа. Вы очень удивитесь, но в этот день пришли люди с почты и принесли очки от Филатова. Все, кроме меня, были мертвы по этому вечно живому адресу. Мамина сестра тетя Беба взяла меня в Москву, чтобы на ком-нибудь женить и дать профессию. Но кому я нужен с таким носом, с таким зрением и с такой раздражающей товарища Сталина речью? Не знаю почему, но я мечтал быть замечательным парикмахером. Учиться я не хотел. Учеба не делает человека не фашистом, а в наших парикмахерских мастера относятся к лицу и к голове мужчины хуже, чем баба к магазинной картошке. Я хотел делать только приятное людям. И не в будущем, как нас пичкают обещаниями, а в сию минуту. Каждую ночь я видел во сне дедушку, и он говорил мне: «Нюма, возьми мою профессию, делай человека ДРУГИМ с помощью бритвы и ножниц. Согрей своей праведной жизнью нашу холодную могилу»...

И вот — я хожу по парикмахерским и прошу зачислить меня учеником мужского мастера. Меня не берут на работу... То да се... плохое зренье... ты будешь резать людям горло... клиенты таких не любят... иди в трест... Я иду в трест. Меня заставляют долго рассказывать о себе. При этом они смеются, как будто мой разговор — это цирковой клоун. Они меня в чем-то подозревают... Почему не учишься на физика-изика?.. Потому что я выбрал место вблизи от лица человека!.. Ха-ха-ха... Тетя Беба считала меня сумасшедшим. Я одалживал у нее деньги. На Даниловском стоял в очереди. Покупал в «Субпродуктах» свиные головы и говяжьи ноги. У Советской власти нет желания опалить их для бедного, народного холодца. Зато ей не лень стричь раз в месяц двадцать миллионов людей в каторжных банях, под машинку номер 2... на сколько лет я уже наговорил? Сегодня у меня что-то опять нет никакого страха... И вот, ночью, когда все соседи спали, я точил дедушкину бритву. Кстати, ему ее подарил в восемнадцатом году интеллигентный немецкий офицер. В знак извинения за немецкий народ, занявший на время Речицу... Все соседи спали, а я намыливал свиные головы и говяжьи ноги и брил их. Да, я их брил, потому что мне — еврейскому парню с ужасной внешностью и картавой речью — не было места в парикмахерской при расцвете дружбы народов. Я тренировался на бездушных субпродуктах. Это была хорошая и суровая школа. Спасибо ей — она сделала меня отличным мастером. Я никогда не допускал ни единого пореза ни одной свиной головы, ни одной говяжьей ножки. Выбритое я относил обратно на Даниловский, где продавал с некоторой прибылью за работу. Женщины меня буквально целовали, но милиция хотела посадить за частную деятельность и нездоровую тягу к капитализму...

Хорошо. Я пристроился брить мужчин-покойников в морге Второй Градской. Тоже — по ночам. Я не был в штате, но бригадир Шаньков хорошо мне платил. Это был большой бандит и хулиган. Я видел, что они там делали с покойниками перед их последним путем. Вырывали золотые зубы. Кто из скорбных людей станет заглядывать в рот умерших близких? Вы бы видели также, как Шаньков измывался над несчастными родственниками! Сколько он драл с них за подведение грустного марафета на пе-

Р. С. Г.

Художник Петр Стучко

рекособоченных жизнью и смертью дорогих лицах. А ведь марафет наводил я. Я! Не знаю, откуда во мне появился такой талант — талант последнего гримера. Шаньков так и говорил мне: рисунок, гример, пока сам не помер. И я рисовал. Синяки притыривал и прочие раны. Пудру, помаду, черные карандаши и прочие цацки я брал взаимнообразно у тети Бебы, которая выступала с эстрады с внутренне говорящим мужским голосом. Читала стишки о Ленине и о Сталине. Но это — отдельный разговор.

Я чудесно выбривал и подстригал тех, кто перед кончиной не успел или не смог сходить в парикмахерскую. Искренне разглаживал морщины. Я тихо и в высшей степени заботливо снимал с неживых лиц ужас, страх, горе, мелкое жлобство, обиды, унижение, вечное недовольство, волчью затравленность, тупое чванство и прочие временные нарушения нашего достойного портрета. А что я делал с повесившимися парнями и девушками!.. они казались папам и мамам просто спящими. Они казались им видящими спокойные сны перед днями рождения.

И я бесстрашно, одним словом, заявил бригадир мерзавцев, что перережу глотку каждому, кто еще раз нарушит покой бедных трупов и их убитых родственников. Мерзавцы меня оскорбляли, били, сняли очки и хотели раскрошить стекла на бетонном столе. Я взмолился, чтобы они убили меня, но очки оставили в живых... Все-таки в людях всегда остается что-то человеческое. Мне вернули очки и прогнали к чертовой матери. Что, думаю, живому жаловаться живым за обиженных мертвых? Пусть мертвые попросят у Бога прощения за падших до такой низости живых... У вас очень сложная борода... Но после говяжьих ножек мне уже ничего не страшно... Короче говоря, натренировавшись на субпродуктах и мертвых лицах, я решил перейти на более ответственную работу. Впервые, я начал бесплатно обслуживать соседей. Все было хорошо. Но — на тебе! Возникло в чьей-то горячей голове дело врачей. Можно подумать, что у нашей страны есть все, кроме дела врачей. Есть жилплощадь, хорошее питание, счастливое крестянство, никто не вешается, никого не убивают, бригадир Шаньков не безобразничает в морге... У кого-то там наверху, скажу я вам, серьезно помутилось в голове. Я не завидую этому человеку... Соседи перестали доверять моей чистосердечной бритве, моим веселым ножницам и вот этой кисточке. Об устроиться учеником уже не могло быть и речи. Как только заведующие парикмахерских видели мою карикатурную — что уж тут говорить! — прямо из «Крокодила», внешность, они махали руками... Сокращение штатов... Зимой свертывается обслуживание мужчин ввиду сокращения бородороста... Идите работать на завод... Дружбы народа и интернационализма я нахлебался до конца дней. Но у меня не было и нет обиды на русского человека. У всех у нас — общая беда и одна зараза на всех. Знаете, как она называется? Я могу сказать, потому что в зоне я не пропаду, можете быть в этом уверены... В связи с делом врачей я потерял клиентов. Вы заметили, что я перестал вам говорить «Ша...ша...ша»?.. Мне пришлось выйти на улицу в такие холода. Я чудесно обслуживаю тех, кто теряет человеческий облик и валется где попало. Я внушаю людям не пить. Я освежаю их «Курортным». В этом вся моя вина. Учтите, дорогой мой, если Цирюльника не расстреляют и не посадят, он все равно станет официальным парикмахером. Вас освежить?..

Я ничего не успел ответить. «Руки вверх!»... «Ни с места!»... «Стрелять будем!»... Это, очумев от собственного ужаса, завопили вобравшиеся в подъезд милиционеры. Их было трое. На лестнице тут же появились полуодетые

жильцы. «Он, Лелька, он!!!»... «Шмаляй его, падлу, на месте!!!»... «Ох, кровопивец!!!»... «Сейчас он его вымоет от уха до уха!.. С поличным возьмут!!!»... «Хитры, сволочи — сначала побреют, а потом жизни лишат. Дороговато обходится такое обслуживание русскому человеку!»

Цирюльник, как стоял с бритвой, артистически поднятой надо мною для завершающего взмаха, и держа другой рукой кончик моего носа, так и застыл на месте. Он только иронически усмехнулся и сказал: «Зона — так зона... Пуля в лоб — так пусть будет пуля в лоб...»

Что мне было делать в такой ситуации? Я проклинал себя за потерю профессиональной осторожности и недооценку параноической бдительности советских граждан. Теперь уж не обойтись без протокола задержания и свежевыпеченных статей в желто-серой нашей, зловонной прессе... Утром вспыхнут самые невероятные слухи о поимке родной милицией того самого Призрака-еврея, который непременно выбривал и освежал своих жертв перед тем, как перекомструить им горло от уха до уха... Что я наделал?.. За одни сутки столько нелепых ошибок, сколько не было их за всю мою долгую и не бесславную практику!.. Цирюльника-то я постараюсь выволить, но что, если погиб Герстенмайер?.. Что мне тогда делать?.. Проклинать себя всю жизнь за непозволительное для сыщика фрайерство?..

Обо всем этом я думал по дороге в отделение. А что мне было делать, когда, несмотря на все мои разъяснения и свидетельства, начальник отделения, поднятый с постели и предельно счастливый, что это его молодцы-менты задержали ночного убийцу-еврея, отказался освободить не только Цирюльника, но и Федора Самойловича Козмана как его сообщника?..

Их быстренько переведут из милиции на Лубянку... Бериевская погань умело переломает очередным невинным людям кости, садистически их помучает и пришлет новое «дело века» о ритуальных ночных убийствах. А убудочная наша, рабская пресса будет в это самое время разрываться на части, яковы от благородного интернационализма, и выть: «Позор убийцам американских патриотов!!!»... «Руки прочь от супругов Розенберг!!!»... Затем — в тех же отстойниках нашей многолетней общественной лжи и грязи — появятся пространные репортажи из зала суда... Появятся неистово разгневанные письма отдельных трудящихся и целых трудовых коллективов, призывающих правительство сурово покарать вырождков рода человеческого — Цирюльника и Козмана... Пройдут, возмущенные митинги на заводах и фабриках, в школах и институтах, в армейских подразделениях и колхозах...

Взгляд доктора Кошкина был неопишем, когда начальник ментов приказал вышибить меня из отделения. Я прочитал в том смиренном и опустошенном взгляде лишь последнюю просьбу — позвоните, Пронькин, Берте Яковлевне... все остальное и так ясно...

До меня донесся крик допрашиваемого Цирюльника. Менты спешили выбить из него признание...

Боже мой, взмолился я, хотя никогда не считал себя человеком верующим, прости!.. помоги!.. спаси!.. помилуй!..

Мне необходимо было выиграть время. Я дозвонился своему начальству и сказал на очень любимом им жаргоне, что уличные менты хотят очковтирательски двинуть фуфлю Советской власти, то есть выдать мнимых бандитов за натуральных. Убийства наверняка будут продолжаться. Нам не удастся отмазаться с помощью самых фартовых аргументов. МУРу приделают заячьи уши, а сами — сволочи — будут получать премии и медали.

Мой генерал вскочил с постели, напялил на себя серо-каракулевую папаху. Примчался в отделение на трех «воронках» и с дюжиной оперов-головорезов. Подошел к начальнику ментов. Тыкнул ему в носдю дулом «вальтера». Облил погони чернилом, потому что от частого общения с блатными как бы приобрел некоторые их манеры, и понес его по кочкам:

— Ты кому, шаромыжник, вознамерился приделывать заячьих уши? Ты кого арестовал при исполнении служебных обязанностей? Ты, падал, какое имел право, хрен тебе вгрызло, прерывать оперативное задание? В какую сторону и по чьей вражеской указке уводишь следствие по ложному следу? Будешь весь век служить вогнутым зеркалом в комнате смеха! Понял? Ты думаешь, что ты — старик Хоттабыч, а твоя фамилия — Никто, место рождения — Нигде! Понял? На колени, мразь, перед Пронькиным! На колени! Не то превращу в пайку швейцарского сыра!

Начальник ментовской моментально посерел в сортирную тряпку. Я предупредил его падение мне в ноги. Из КПЗ тут же привели Цирюльника и доктора Кошкина. Из носа у него текла кровь. Под глазом начинал зреть синяк. Я соврал, что успел позвонить Берте Яковлевне. Скоро все будет о кэй, док! Цирюльник же выглядел без очков и с вытянутыми, в поиске неизвестно кого и чего, руками, как совершеннейшей слепой. Вид у него, конечно, был странный и комичный даже в столь мрачной ситуации... Взломаченная шевелюра, нос, красный от врожденного насморка, белый халат, из кармана торчит намыленная кисточка, на плече болтается ремень для правки бритв... Мое начальство выпучило глаза и вновь заорало:

— Это что за образина?.. Он — убийца?.. Он — ночной Призрак?.. Я вас всех, сволочей, уволю из органов! Вам даже дерьмо нельзя доверять перевозить в людном месте! Вам — только чинарики сшибать под нарами! Петров, развести освобожденных по домам! Пронькин, приобщи бритву к делу!

— Если бы я не знал, что это — милиционеры, — сказал Цирюльник, — я бы подумал, что они — фашисты. После этих слов он торжествующе вынул из кармана весьма предусмотрительно притыренные очки и начал подслеповато разглядывать всю нашу компанию.

Генерал сказал мне так, когда мы вышли из отделения:

— Я тебе всегда и во всем, Пронькин, безусловно доверяю. Без тебя я, возможно, не был бы генералом. Но этих двух людей я не освобожу, а посажу отдыхать в тихую и спокойную камеру. Освобожу я их не раньше, чем ты изловишь убийцу. Только пойманный убийца оправдает все твои и мои действия перед Берией. Не найдешь его за сутки — лубянские костоломы оформят ночными монстрами твоего парикмахера и лечащего врача. Ясно?

— Дело ясное, что дело — темное. Но они в любом случае ни при чем!

— Выполняй указание! Если бы ты сразу доложил по телефону, что оба — евреи, я пальцем не шевельнул бы! Теперь я втянут хрен знает куда. Никогда не был жидомором, но ты забыл, Пронькин, в какое время мы живем! ОНИ ТАМ только и ждут, на ком отыграться... Хочешь, чтобы и нас с тобой пустили по одному делу с врачами?..

Цирюльника увезли в МУР вместе с доктором Кошкиным. Я сказал себе: «Возьми себя, Пронькин, в руки. В руках твоих сейчас — жизнь двух невинных людей — людей, причем, добрейших и благородных. Не сходи с ума и возьми себя в руки!»... Затем я позвонил Берте Яковлевне, с которой не был знаком, и, кажется, наврал, что Федор Самойлович брошен на экстренную ликвидацию вспышки гриппа в правительственном санатории, в Ялте. Передать ему, ответила холодно супруга несчастного арестован-

ного, что я забираю вещи и уезжаю к своей сестре. Я не прощая лжи!..

То ли к сожалению, то ли к счастью, но человек устроен так, что некая, постоянно живущая в нем, властная сила вдруг спасительно отвращает его от непереносимого ужаса и обращает, как раз с помощью нелепого вроде бы смеха, к различению в совершеннейшей беспросветности случившегося необъяснимо светлой надежды...

Я почему-то рассмеялся, когда Берта Яковлевна бросила трубку, хотя смешного, согласитесь, в той ситуации было мало.

Сонливость и унынье с меня смыло, как холодной водой. Я принял за дело. Не буду перечислять всех своих усилий и шагов. Часть моих «гавриков» пришлось бросить на поиски следов Герстенмайера и совратившей его вокзальной дамы. «Гаврики» пытались отыскать хоть какую-либо связь между заявлением директора кладбища об уходе в кратковременный отпуск за свой счет и его же приказом вырывать свежую могилу...

Сам я поднял на ноги всю временно находившуюся на свободе привокзальную шоблу жулья, проститутток, «уносильщиков» чужих чемоданов, разгонщиков, барыг, официанток и так далее. Наконец аккордеонист вокзального ресторана сообщил, что один гуляка, которого его дама звала Изей, выкинул кучу денег за танго «Мама». Глушил, как кит, шампанское. И напевал: «Хоп-хоп, Зоя». Затем, сильно поддатые, они заторопились на какой-то поезд... У меня совсем отлегло от сердца. Пусть гуляют, подумал я, лишь бы, как говорится, были живы...

Можете поверить Пронькину: сделано тогда было все, что можно, если не больше. И — никаких результатов. Прошло утро того дня. Прошел день, показавшийся мне бесконечным. Я не пил — не ел. Только глотал до отупения кофе. Несколько раз заглядывал в камеру, в которой сидели Цирюльник и доктор Кошкин, с расплывшимся по всему лицу фингалом. Они вскакивали с нар в ожидании радостной вести. Сердце разрывалось от вины и ужаса, когда они в один голос спрашивали: «Ну, что слышно?.. Вам что-нибудь ясно?» — «Ясно многое, но ничего пока не слышно». — «Как это может быть, — удивлялся Цирюльник, — что ничего не слышно, если кое-что ясно?» — «В наше героическое время, — отшучивался я, — скорость звука стала выше скорости света»...

Прошел вечер. Разумеется, думал я, убийца работал под марку Цирюльника... он прекрасно его знал. Вот в чем дело! Это — несомненно... а я невольно сыграл убийце на руку. Подвел под монастырь как раз того человека, которого вскоре выдадут за пойманного ночного бандита. На фоне его «разоблачения», возможно, и начнется столь ожидаемое одичавшим обывателем выселение евреев из Москвы и прочих городов-героев.

А убийца залег на дно... ему важно переждать неделю-другую... потом он будет неуловим... Но КТО еще мог точно знать, что полуслепой чудак-еврей, мечтавший стать парикмахером, бродит по ночным подъездам, выискивает алкашей, отлично их обслуживает да еще внушает завязать?.. Возможно, ОН — это один из выбранных Цирюльником пропойц, небесталанно для бандитского своего умишки доперший до такого хитрого хода?.. Неспроста же Зойка говорила о БЕЛОМ ХАЛАТЕ?.. Неспроста, конечно же, но ради, так сказать, игры в масть убийца перерезает жертвам горло. Убить, в принципе, гораздо проще ножом, «микстуркой» или удавкой, чем опасной бритвой — мало ли чем можно бесхлопотно угробить человека?.. Я перетряхнул всех соседей Цирюльника. Им и невдомек

было, что «слепой безумец шляется по ночам и выбри-
вает вместо свиных голов мордасы пропащих ханыг»... Я
успел также выйти на семерых, мрачно завязавших, как
это ни странно, бывших алкашей. Все они стали местным
знаменитостями, благодаря бесконечным рассказам
в коммуналках и очередях об исцелительном ночном
приключении. Ни один из них не мог быть убийцей. Ни
один...

Настала ночь. Я сидел в кабинете, глотая валидол вме-
сто кофе, смотрел, дойдя уже до совершеннейшей ручки,
в одну точку на портрете Берия, на левом его, насколько
помню, стеклышке пенсне, и думал, думал, думал: кто еще,
если не ханыги, мог знать о ночных похождениях Цирюль-
ника?.. КТО?.. Я перенес отупевший свой взгляд на огром-
ную карту Москвы. Точнее, на флажки-отметки убийств,
совершенных Ночным Призраком... К сожалению, я мог
только думать... думать... думать... И вдруг я подумал, что...
Мысль показалась мне слишком нелепой. Но я, схватив-
шись за нее, как за соломинку, внутренне замер... Затем
позвонил дежурному по городу. Узнал фамилию и адрес
участкового милиционера, «опакавшего» улицы, по кото-
рым бродил — в поисках алкашей — Цирюльник и высле-
живал своих жертв неуловимый Ночной Призрак. Через
пару минут я уже мчался с несколькими «гавриками» по
спящей Москве...

Разбуженная нами жена участкового Фролова весьма
удивилась и сказала, что ее мужа что-то уж больно часто
стали дергать на ночные дежурства... денег от этого боль-
ше, но семейной жизни меньше... нет, он на эти дежурства
выходит не в форме, а в штатском, потому что так надо
при оперативном задании... бредется Фролов исключительно
безопасной бритвой... у него руки дрожат после фрон-
товой контузии...

С семейных фотографий на меня смотрели несколько
физиономий Фролова. Внешне он не казался одним из ти-
пов, описанных, как говорится, Ломброзо... Бывший
сельский житель... бывший фронтовик... служака... бе-
зотказная часть милицейской машины... Я попросил жену
участкового выдать нам одну из фотографий мужа — Фро-
лов на фоне знамени Горотдела милиции...

Сердце у меня, однако, колотилось, как у молоденького
сыщика, впервые вышедшего на след преступника. Фро-
лов, конечно, мог ошиваться у любовницы, под маркой
оперативного задания. Но регулярные ночные дежурства,
насколько мне было известно, участковому в обязанно-
сти не вменялись. Это уж — точно... Пару «гавриков» я
оставил, на всякий случай, в подъезде его дома. С осталь-
ными мы начали рыскать по улицам... Обшаманали бом-
боубежища и чердаки... Вспугнули нескольких проститу-
ток и приезжих, жаждавших запретных удовольствий...
вышли на одного дворника, воспользовавшегося «болез-
нью роста» нашего гостиничного строительства и забот-
ливо устроившего в красном уголке Ж.Э.К. небольшую
ночлежку для командировочных. Дела такого рода я
оставлял без последствий, зачем убивать в нормальных,
в небесчестных людях инстинкт частного предпринима-
тельства, и без того достаточно убитый в них уродливой
нашей СИСТЕМОЙ?.. Разогнали по дороге компанию
картежников... Вызвали машину из вытрезвителя — увез-
ти алкаша, чуть не замерзшего в подворотне... В ней убий-
ца настиг бухарца — посетителя директора кладбища
Герстенмайера...

Участкового Фролова никто из опрошенных нами,
бодрствующих по ночам граждан, не встречал... Он только
днем тут ходит-колобродит... в пивных. Взятки берет... в

магазинах химичит... у алкашей, сука такая, карманы вы-
ворачивает... далеко пойдет, если не остановят...

То самое бомбоубежище, где Призрак перерезал гор-
ло несчастному командировочному, было опечатано...
Мы снова обошли все три вокзала. Показывали фото
Фролова таксистам, буфетчицам, носильщикам и пасса-
жирам, торчавшим в зале ожидания... Отчаяние охватыва-
ло меня все сильнее и сильнее. Фролова — и след простыл...

Я вернулся к нему домой, приказав помощникам про-
должать поиски... Не отказался от стакана крепкого чая,
предложенного мне Тоней — женой пропавшего участко-
вого... Присмотрелся к их комнатухе, заставленной по-
новенькими, судя по всему, вещами. Телевизор «Темп» с
большим экраном... Холодильник «ЗИЛ»... Хрустальная
лостра... Идиотские антикварные часы из комиссионки...
Шикарный сервиз...

— Такое, — говорю, — впечатление, что вы тысяч пять
десять выиграли.

— Коля какую-то премию получил от министра, — про-
стодушно сказала Тоня, — за то, что арестовал бандита,
огранившего банк на целый миллион... вот и вещичек на-
купили... боюсь я за Колю — ночная все же работа...

Уже почти рассвело... Я продолжал ждать... ждать...
ждать... Что мне еще оставалось? Я бы рад был объ-
ехать по радио и телевидению, что по улицам ходит убийца,
описать его приметы... Но — где там!.. Сердце у меня поша-
ливало, а валидол кончился. Я решил разбудить свою суп-
ругу. Отметиться, так сказать, чтобы не беспокоилась...
ночная все же работа... попросить привезти валидолчика
— кофе, мол, перепил...

— Это — ты? Где ты пропадаешь?! — закричала моя суп-
руга, не дав мне произнести ни слова: — Немедленно поез-
жай на Ярославский вокзал!

— Ты не могла бы — пообстоятельней? — сдерживая
раздражение, сказал я.

— Поезжай на Ярославский, тупик номер два, поезд «Ле-
на—Москва», вагон три, купе четыре!..

Обстоятельно сообщив все это казенным тоном, моя
супруга повесила трубку. Я перезвонил, потому что ниче-
го не понял, она не отвечала... И я знал, что не ответит —
не простит даже сдержанного раздражения...

Забыв о сердечной боли, я бросился на улицу. остано-
вил фургон, развозивший свежий хлеб. Показал женщи-
не-водителю всесильное удостоверение и приказал мчаться,
плюя на красный свет, на Ярославский.

На вокзале приказал милиционеру следовать вместе со
мной ко второму тупику. Мы быстро нашли третий вагон
поезда «Лена-Москва». Милиционер открыл его своим
ключом. В вагоне все еще стоял запах, что называется,
дальнего следования, располагающий лично меня — не-
смотря на всю его коммунальную тошнотворность — к не-
кому безответственному покою души... И — вот вам кар-
тина: из купе, в конце вагона, выходит вдруг... Герстенмай-
ер! Вид у него крайне недовольный и мрачный.

— Мн-да, — говорит он, — что милицию ждать, что «ско-
рую» — один черт. Забирайте эту сволочь. Я его взял с по-
личным.

Я заглянул в купе, из которого доносились нечто сред-
нее между постаныванием и мычаньем. На нижней полке,
лицом вверх, с вафельным полотенцем во рту, лежал...
участковый Фролов! Руки у него были связаны еще одним
вафельным, вагонным полотенцем. Связаны они были
так, что вздулись и посинели. Фролов безумно тарашил
глаза: явно умолял слегка развязать путы... Герстенмайер
молча кивнул на откидной столик. На нем лежали закры-
тая опасная бритва и крепкая, обернутая в мешковину,

дубинка — «микстура», которой Фролов оглушал своих жертв, перед тем, как перерезать им горло... В соседнем купе послышался шум, и вдруг из него вышла... кто бы, вы думали?... из него вышла весьма заспанная вокзальная проститутка Зойка.

— Ну, чумовая! Ну, зараза! — воскликнул милиционер, безусловно хорошо ее знавший.

— Зоя Васильевна Герстенмайер — моя жена, — с угрозой в голосе сказал бывший старый холостяк и убежденный женоненавистник...

Это уж потом он расскажет мне все с самого начала, как что-то дрогнуло в его душе с первого взгляда на Зою Васильевну, как моментально, неведомою какой-то силой преобразена была в нем упрямая обида на женщин в предчувствии чистой страсти и супружеского родства...

В женщинах, скажу я вам, с судьбой, подобной Зойкиной, всегда живет ожидание некоего чуда, которое — они в этом абсолютно уверены — непременно удержит их от дальнейшего падения и опустошающего душу унижения. Ни с того ни с сего Зойка сказала Герстенмайеру так — сказала со всем, подмеченным мною ранее, обезоруживающим и обладающим мудрою силой внушения, просто-душием:

— Тут все ясно, как дважды два. Мы с вами, Исаак Иоганнович, непременно поженимся — я вас буду звать Изя, когда мы перейдем на «ты» — и будем жить вместе до четвертой мировой войны.

— Как так «до четвертой мировой»? — ошарашенно спросил мой старый знакомый.

— Третью мы как-нибудь переживем в каком-нибудь бомбоубежище, а там — видно будет. Но сначала нам надо изловить злодея. Вот изловим и поженимся с легкой душой. А то... у меня вина.

Герстенмайер тоже маялся из-за того, что не задержал вовремя бухарца и не предупредил его гибели. Зойка, конечно же, предположила, что убийца вновь попытается выследить, куда она поведет нового приезжего, набитого «бабками» кавалера. Простая эта и истинно сыщичья мысль не посетила тогда мою голову. Не посетила лишь потому, как я понял позже, что я с бессознательным товарищеским тактом не желал мешать развитию чудесных и не столь уж частых в наши жестокие времена отношений одинокого мужчины с падшей женщиной...

И вот, в то время, когда мы с «гавриками» изнывали на беспутице, когда я наламывал дров, довольно бездарно подставив под удар доктора Кошкина и Цирюльника, Герстенмайер и Зоя пошли по единственно верному пути...

Герстенмайер сорил «бабками» в вокзальном кабаке... «понтярил», как говорится, под безоглядного гуляку, заказывал без конца танго «Мама» и так далее. А про Фролова можно сказать лишь одно: жадность фрайера сгубила. Лучше не скажешь. Хотя он правильно рассчитал, что мент из МУРа не может не выйти, рано или поздно, на Призрака в белом халате и с бритвой в руках. Выследить его не представляло никакого труда самому участковому Фролову. Цирюльник действовал по ночам как раз на фроловском участке. Фролов также совершенно правильно рассудил, что чудаковатому еврею ни за что не выкрутятся в те бесноватые юдофобские времена. Что-что, а признание в ночных убийствах из него выбьют. Не из таких выбивали... Грабителя ашхабадских банков Фролов узнал случайно на вокзале, по фото всесоюзного розыска, где тот искал подружку с ночлегом. Подошел к нему и сказал, что знает, где шикарно гульнуть... На вторую жертву его вывела, сама того не подозревая, Зойка... Она уже не

раз заводила клиентов в пустые купейные вагоны. Проводники носились в это время по Москве в поисках дефицитных продуктов и товаров...

Герстенмайер был в прошлом боксером-тяжеловесом. Он нокаутировал Фролова в момент, когда тот подбирался к якобы спящему, после получения удовольствия, Зойкиному клиенту. Связал его. Заткнул кляпом рот. Позвонил мне домой... Зоя была в это время в другом купе.

Вот, собственно, и вся нехитрая история тех нашумевших в Москве преступлений.

Фролова я доставил не в его родное отделение милиции, а к нам — в МУР. Он раскололся в одно мгновение. Начальство мое сразу же доложило о поимке убийцы Берии. Берия приказал: «Повысить в звании отличившихся. Разобраться с Фроловым своими, революционными силами! Забыли, чистоплюй, как ликвидировать врага? Никакого суда! Вы что? Это — политическая ошибка! Задумали дискредитировать наши Органы? Расформируйте, к чертовой матери, отделение милиции, где служил этот горе-участковый. Сорную траву с поля — вон, как учит нас товарищ Сталин!..»

Я ничего не знаю о подробностях того, как ликвидировали Фролова. У нас это умеют...

Скажу только, что начальство премировало меня внеочередным отпуском, но в звании не повысило. Начальство сказало, что я обязан был проявить интуицию и зашмалеть Фролова при попытке к бегству, а не оставлять свою непосредственную грязную работу для тех, у кого ее и так — по горло...

Доктора Кошкина и Цирюльника сразу же освободили. Вернули ему дедушкину бритву и прочие причуды. Впоследствии я устроил его на работу в одну из хороших парикмахерских. До конца моих дней и даже после них, как благодарно выразился Цирюльник, я имею право на бесплатное отличное обслуживание. Я согласился на это, чтобы не обижать добряка...

Устроить примирение Берты Яковлевны с ее ни за что ни про что пострадавшим супругом не составило никакого труда. Произошло это в грустной обстановке. Все вместе мы были на похоронах несчастного восточного человека, слишком жестоко, на мой взгляд, приговоренного самой жизнью за свой преступление. Это для него распорядился Герстенмайер вырыть могилу в приличном уголке «кладбища с большим будущим», место директора которого намеревался купить погибший.

Ну уж свадьбу Герстенмайера — предчувствия, если помните, не обманули меня — мы гуляли пятого марта, прямо в день смерти Сталина. И плевать всем нам было на то, что толпы обезумевших обывателей, принимавших радость освобождения от всеобщего беснования за всенародное горе, рвались, давя друг друга насмерть, взглянуть на труп чудовищного преступника всех времен и народов. Взглянуть на того, кто был причиной смертей и абсурдно искалеченных жизней миллионов их соотечественников. И, возможно, самых близких людей. Лично мне психика подошедшего преступника была понятней гипнотического, бездарного безумия толп трупопоклонников.

У нас не было никаких душевных сил ни ужасаться столь уродливой, бесконечно жестокой иронии жизни, ни помянуть в сердцах парюю злых слов наконец-то стигнувшего с лица Земли злодея. Мы пили за новобрачных.

Николай ЛАРСКИЙ:

« Я ВЗГЛЯНУЛ ОКРЕСТ... »

Летом 1989 и 1990 гг. картины Николая Ларского можно было увидеть в Москве, на Арбате. Экспозиция называлась «Коррозии». Шок, недоумение, узнавание — такова была реакция людей, увидевших на полотнах Апокалипсис настоящий и грядущий. Выставка была показана по телевидению, о ней писали газеты. Мы попросили художника рассказать о себе и своих картинах.

Когда-то я с упоением варился в том котле, где вызревал новый советский авангард. Огонек хрущевской оттепели согрел этот котел, и из него посыпались авангардисты со своими выставками, благо крышку приоткрыли. В 1962 году состоялись и мои первые персональные выставки. Но скоро крышку не только закрыли, но и построили бетонный саркофаг для авангарда, чтобы он там парился и мумифицировался. Так и я «парился» до 1970 года, а потом вырвался и поехал по стране. И из «подпольного» существования попал в жизнь, похожую на тяжелый фантастический сон. Серия «Коррозии» — это картины, которые родились из этих впечатлений.

... Была весна. Поезд шел на восток. Каждая станция встречала нас солнцем, маршами, алыми полотнами лозунгов, огромными портретами Ленина. Страна праздновала юбилей — 100 лет со дня рождения вождя. Десятки, сотни, тысячи портретов неслись навстречу поезду, пересекавшему страну. Проехали пять тысяч километров. Сошли на полустанке. Обогнули фасад вокзала и... Говоря словами Радищева, «я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Изнанка социализма лежала перед нами на тысячи километров вокруг. Первые впечатления: вечер в гостинице. Темно, комнаты пустые, голые стены, холодно, лежим одетые, в ботинках, сверху укрываемся матражами. По транзистору — музыка из

Америки. Не верится, что где-то есть свет, жизнь, города. Здесь — ссылка, мрак, помойка. Ночью по поселку бродят животные. Тихо из темноты возникает силуэт козы, стоящей на куче отбросов на фоне звезд и Млечного пути, степенно проходят ночные коровы неизвестно куда — хозяйки их не ловят, не доят, молока они не дают и поэтому пользуются свободой. Свободой добывать пропитание. Едят они картонные коробки около магазина, газеты, разрывают те же помойки, но жратвы мало. Я видел, как корова жевала красную тряпку, висевшую на палке в виде флага... Ночью еще было хождение по коридорам, в соседней комнате кричал и охал человек. Его дружки нашли грузовую машину, повезли приятеля в больницу. По дороге он умер и лежал потом мертвый на улице на морозе. Финал его жизни неожидан и безобразен: сердце не выдержало дружеской попойки и — мертв. Один из тысячи кочевников России, Армении, Осетии, Грузии, Украины: рабочий, шабашники, дельцы, бывшие эски, бездомные мужики и разбитные бабы, ушедшие за тысячи километров от мест рождения и детства. Это не плакатные передовики, не сусальные герои, сокрушающие капитализм и строящие светлое завтра. Их существование — подлинная правда жизни.

Печально, когда видишь такое общество людей, коров, их жизнь на мусоре, вспухающем, как на дрожжах, потому что никто его не убирает.

Все разлагается на виду, останки биологической ткани перемешаны с рваными галошами и яркими пластмассовыми игрушками. Скелеты машин ржавыми пятнами естественно переходят во дворы, дома. Чтобы в этом пейзаже, бывшем в употреблении (б/у), вновь появилась красота и гармония, нужна, вероятно, не одна сотня лет. Или один грандиозный катаклизм, новый потоп, что ли, чтобы после него все начать сначала и поумнее. А пока — природа восходит на свою Голгофу...

«Рабочий» — это портрет, написанный с натуры. Сварщик со стройки. Портрет конкретного человека, но и образ раба советской эпохи. Миллионы таких рабочих-рабов я видел по стране. Некоторые говорят: эх. Нет, РАБОЧИЙ. Хотя разницы между ними нет, все в пожизненном заключении в лагере «Советский Союз».

«Грешный ангел» — это падший ангел. Ангел — символ всего светлого, безгрешного. А у меня акцент сделан на слове «грех»: у него черная, сгоревшая душа. Жизнь без бессмертной души — это тоже коррозия, простое гниение тела...

Горько, но, к сожалению, коррозия поразила все в стране: природу, человека, его тело и душу. Я видел это. Возможно, своими картинами я доставляю неприятные минуты. Но этот мир — правда. Страшна наша жизнь, и некуда деться от нее. А без правды нет спасения. Когда-нибудь красота и правда спасут мир.

Записала Вера ХАЛИЗЕВА

Н.Ларский. Выставка «КОРРОЗИИ»

